

СОСНА

ОШО

* *Д*вух одинаковых вещей не существует в природе, поэтому не нужно быть «кем-то». Просто будь собой, и внезапно ты окажешься необыкновенным, исключительным.

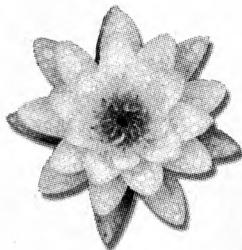
Ошо

[О ПОНИМАНИИ*]

* Энергия — это понимание.
 У детей больше понимания, чем у пожилых людей.
 Ты когда-нибудь замечал это? Маленькие дети
 невинны и доверчивы, они ближе к буддам.
 Почему? Их переполняет энергия.

Ошо

ОШО

* Двух одинаковых вещей
 не существует в природе,
 поэтому не нужно быть «кем-то».
 Просто будь собой, и внезапно ты
 окажешься необыкновенным,
 исключительным.

Ошо

[the book creating your own
 path to freedom
 of understanding*}

[о понимании*}

УДК 130.123.4

ББК 88.2

О-96

Перевод с английского Е. Стародуб

Ошо

О-96 О понимании / Перев. с англ. — М.: ООО Издательство «София», 2010. — 304 с.

ISBN 978-5-91250-760-1

Путь к свободе усеян вопросами и полон неизвестности. Неужели и вправду можно узнать, кто же мы есть на самом деле? В нашей жизни есть какая-то цель или мы пришли в этот мир случайно? Что мы должны дать ему? Кем должны стать, что создать и чем поделиться? В этой книге Ошо, один из самых смелых и дерзких мыслителей нашего времени, бросает нам вызов, заставляя взглянуть на мир и на самих себя по-новому. Он говорит, что первый шаг на пути к осознанию — это *сомнение в том, чему нас учили верить*.

В этой новаторской книге Ошо показывает и в конечном счете помогает развязать связывающие нас узлы страха и непонимания. Он освобождает нас, чтобы мы могли открыть свой собственный путь к свободе.

УДК 1305.123.4

ББК 88.2

Copyright © 2005 by Osho

The book of understanding: creating your own path to freedom

Этот перевод опубликован с разрешения Harmony Books, a division of Random House, Inc., and

Synopsis literary agency,

OSHO зарегистрированная торговая марка Osho International Foundation и используется с их разрешения. Все материалы из этой книги собраны из различных выступлений Ошо перед живой аудиторией. Все выступления Ошо были опубликованы в виде книг, а также доступны в аудиозаписях. Аудиозаписи и полные тексты вы можете найти в онлайн библиотеке Ошо на сайте www.osho.com.

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

ISBN 978-5-91250-760-1

© «София», 2006

© ООО Издательство «София», 2006

Содержание

Другие книги Ошо, изданные в «Софии».....	6
Предисловие	9
Глава 1.	
Мирское против духовного.....	17
Глава 2.	
Вера versus опыт.....	77
Глава 3.	
Ведущий и ведомый.....	141
Глава 4.	
Совесть versus сознание	197
Глава 5.	
Смысл и значение	239
Послесловие	289
Об авторе.....	299
Международный центр медитаций Ошо	301

Сомневайтесь — сомнение не грех, а признак ума.

Я не верю в слепую веру. Я предпочитаю знать, а знание — это совсем другой мир. Оно начинается с сомнения, а не с веры. Когда ты начинаешь верить во что-то, ты уже не задаешь вопросов. Вера для человеческого разума — одна из самых вредных вещей.

Все религии основаны на вере, только наука живет благодаря сомнению. А я хочу, чтобы религия в этом стала подобна науке, чтобы в ней было место сомнению, чтобы мы не просто верили, но познавали истину нашего бытия и всего сущего в этом мире.

Предисловие

Новая духовность XXI столетия: не политическая революция, но бунт личности

Революционер — часть мира политики, он на все смотрит сквозь призму политической жизни. Он думает, что достаточно поменять устройство общества — и человек тоже изменится.

Бунтарь же, как я понимаю это слово, есть феномен духовный. В своем мировоззрении он опирается на индивидуальное. Он считает, что, если мы хотим изменить общество, нужно начать с отдельного человека. Общества как такового не существует, это только представление. Возьмем, к примеру, слово «толпа». Попробуй найти ее — у тебя ничего не выйдет. Ты с кем-то столкнулся? Но это была не толпа, ты столкнулся с человеком. «Общество» — это только собирательное название. Это не реальность, а всего лишь понятие, его нельзя увидеть или взять в руки.

У личности есть душа, личность может эволюционировать, меняться, трансформироваться. Так что разница между ними огромна. Бунтарь выражает сущность религии. Он привносит в этот мир изменение сознания — а когда меняется сознание, вслед за ним вынуждена меняться и структура общества.

А наоборот не получается, все революции это доказывали, ведь все они заканчивались неудачей.

Ни одной революции еще не удалось изменить человека, но, похоже, мы до сих пор этого не осознали. В наших головах все еще живут идеи революции, изменения общества, смены правительства, реформы чиновничьего аппарата, изменения законодательства и политических систем. Феодализм, капитализм, коммунизм, социализм, фашизм — все они были по-своему революционны. Но все провалились, причем с треском, ибо не изменился человек.

Гаутама Будда, Заратустра, Иисус — эти люди были бунтарями. Они верили в *личность*. У них тоже не получилось, но совсем по другой причине. Их неудача отличается от неудачи революционеров. Революционеры пытались воплотить свои идеи во многих странах и разными путями — и у них ничего не вышло. А идеи Гаутамы Будды не сработали потому, что на самом деле никто и не пытался их реализовать. У Иисуса не получилось, поскольку евреи распяли Его, а христиане Его похоронили. Его учение не было воплощено в жизнь — ему не дали и шанса. Бунтарь по сей день остается неизвестной величиной.

Мы должны быть бунтарями, а не революционерами. Революционер принадлежит к весьма приземленным сферам, бунтарь и его бунтарский дух — это сфера духа. Революционер не может быть один: ему нужна толпа, политическая партия, правительство. Ему нужна *власть*. Но власть разлагает, а абсолютная власть разлагает абсолютно.

Власть испортила всех революционеров, которым удалось захватить ее. Не они изменяли природу власти и ее институтов — они не могли. Это власть меняла их душу и сознание, она портила этих людей. Менялись только имена, а общество оставалось прежним.

Человеческое сознание не меняется на протяжении столетий. Лишь изредка у кого-то получается — но для миллионов людей успех одного человека — это не правило, это исключе-

ние. И поскольку такой человек всегда один, толпа его не принимает. Само его существование унижает тебя. Ты чувствуешь, что его присутствие тебя оскорбляет, ибо он открывает тебе глаза, показывает твои возможности и твое будущее. Твое это задето, ты понимаешь, что ничего не сделал для своего духовного роста, твое сознание не расширилось, внутри тебя не стало больше любви, радости, творчества, тишины — мир вокруг не стал лучше. Ты ничего не дал этому миру: твое существование здесь — не благо, а мучение. И ты даешь волю своему гневу и жестокости, своей ревности и стремлению быть первым, своей *жажде власти*.

Ты превращаешь мир в арену битвы: ты жаждешь крови и заражаешь этим чувством всех вокруг себя. Ты лишаешь человеческую природу ее человечности. Ты помогаешь человеку забыть о его человеческих качествах и пасть ниже животных.

Вот поэтому Гаутама Будда и Чжуан-цзы так задевают тебя — у них вышло, а ты все еще топчешься на месте. Годы проходят, а внутри тебя ничто не загорается. Птицы не летят к тебе, не вьют около тебя свои гнезда и не поют рядом с тобой свои песни. Проще распять Иисуса и отравить Сократа — пусть их лучше не будет, и тебе не придется чувствовать свою духовную неполноценность.

История знает немногих бунтарей. Но сейчас время пришло: если человечество не сможет дать миру сотни и тысячи бунтарей, если не загорится бунтарским духом, тогда наши дни на земле сочтены. Тогда ближайшие десятилетия могут стать для нас последними. Мы очень близко подошли к этой черте.

Мы должны изменить свое сознание, должны передать миру больше медитативной энергии, дать ему больше любви. Мы должны разрушить прошлое — его уродство, его прогнившую идеологию, его глупую дискриминацию и дурацкие предрассудки. Мы должны создать новое человеческое существо со свежим взглядом на мир и с новыми ценностями. Отказ от прошлого — вот в чем смысл бунтарства.

Вот три слова, которые помогут тебе понять: реформа, революция и бунт.

Реформа означает видоизменение. Старое остается, и ты придаешь ему новую форму, новый вид — это похоже на ремонт старого дома. Его конструкция остается неизменной, ты его немного подкрашиваешь, убираешь мусор, пробиваешь несколько новых окон и дверей.

Революция идет дальше реформы. Старое остается, но изменения более глубинны, они касаются даже основной конструкции дома. Ты не только меняешь цвет или пробиваешь новые окна и двери, но, возможно, пристраиваешь новые этажи, и здание растет ввысь. Но старое не разрушено, оно остается, оно спрятано за новым; по большому счету, оно остается фундаментом нового. Революция сохраняет связи с прошлым.

Бунт разрывает эти связи. Это не реформа и не революция; ты просто порываешь со всем старым. Старые религии, старые политические идеологии, старое человеческое существо — все это уже отжило свой век, и ты отказываешься от него. Ты начинаешь жизнь с нуля, с чистого листа.

Революционер пытается изменить старое; бунтарь просто прощается с ним и, подобно змее, выползающей из своей старой кожи, никогда не оглядывается назад.

Если мы на Земле не создадим людей с таким бунтарским духом, у человечества не будет будущего. Человек прошлого привел нас к последней черте. Старое мышление, старые идеологии, старые религии — все они вместе довели нас до состояния глобального самоубийства. Только новое человеческое существо может спасти людской род, нашу планету и жизнь на этой планете.

Я учу бунту, а не революции. Для меня бунтарство — это важнейшее качество религиозного человека. Это духовность в ее первозданной чистоте.

Времена революций прошли. Французская революция закончилась неудачей, русская революция потерпела фиаско,

китайская революция провалилась. В Индии потерпела неудачу даже революция Ганди, и случилось это на глазах у самого Ганди. Всю свою жизнь он учил «ненасилию», и на его глазах страна была разделена, миллионы людей убиты и сожжены заживо, миллионы женщин изнасилованы. Самого Ганди застрелили. Странный конец для святого, проповедовавшего ненасилие.

По ходу дела он и сам забыл обо всем, чему учил. Еще до завершения индийской революции американский мыслитель Луи Фишер спросил у Ганди:

— Что Вы собираетесь делать с оружием и армиями, когда Индия станет независимой?

— Я собираюсь выбросить все оружие в океан, а армии распушу и отправлю солдат работать на полях и в садах, — сказал Ганди.

— Разве Вы забыли? Ведь на вашу страну могут напасть! — воскликнул Луи Фишер.

— Мы радушно встретим захватчиков. Если кто-то на нас нападет, мы примем их как гостей и скажем им: «Вы тоже можете жить здесь, так же, как живем здесь мы. Нам незачем сражаться», — ответил Ганди.

А потом он напрочь забыл всю свою философию — вот как революции терпят неудачу. Как замечательно рассуждать о подобных вещах, но когда в твоих руках оказывается власть... Вначале Махатма Ганди отказался от любых правительственных постов. Причиной был страх, ведь нужно было что-то отвечать, если спросят об оружии, которое он собирался выбросить в океан. Да и насчет армий, работающих на полях. Когда Ганди увидел, какие огромные проблемы это повлечет за собой, он ушел от ответственности, за которую боролся всю свою жизнь. Если бы он согласился занять пост в правительстве, ему пришлось бы вступить в конфликт со своей собственной философией.

Но в правительство вошли его ученики, люди, которых он выбирал сам. И Ганди не попросил их распустить армию.

Когда Пакистан напал на Индию, он не сказал индийскому правительству: «Пойдемте же на границу и поприветствуем захватчиков как гостей». Вместо этого он благословил первые три самолета, которые летели бомбить Пакистан. Эти самолеты пролетали над виллой в Нью-Дели, где остановился Ганди. Он вышел в сад и благословил их. С его благословением самолеты полетели дальше, чтобы убивать его прежних сограждан, которые всего несколько дней назад были «нашими братьями и сестрами». Он сделал это без угрызений совести и не увидел в своем поступке никакого противоречия...

Русская революция провалилась на глазах у Ленина. Вслед за Карлом Марксом он заявлял: «Когда победит революция, мы отменим браки, потому что брак — это проявление частной собственности. Когда исчезнет частная собственность, исчезнет и институт брака. Люди могут любить друг друга, могут жить вместе, о детях позаботится общество».

Но все изменилось, когда коммунистическая партия, лидером которой был Ленин, захватила власть. Когда люди оказываются у власти, они начинают думать по-другому. Теперь Ленин рассуждал так: опасно давать такую независимость и свободу от ответственности — люди могут стать слишком большими индивидуалистами. Поэтому они должны быть обременены семьей — об отмене института брака он напрочь забыл.

Удивительно, как революции терпели неудачи прямо на глазах творивших их революционеров. И все потому, что, как только власть оказывалась в их руках, они начинали рассуждать совершенно иначе. Спустя время они слишком привязывались к своей власти. Единственное, что их заботило, — как навечно удержать власть в своих руках и как держать народ под контролем.

Будущему не нужно больше революций. Будущему нужен новый эксперимент, который до сих пор еще не проводился. На протяжении тысяч лет рождались бунтари, но они всегда

оставались в одиночестве. Возможно, тогда время для них еще не настало. Но сейчас время не только настало... если мы не поторопимся, оно может закончиться. В ближайшие десятилетия или исчезнет человечество, или на Земле появится новый человек с новым мышлением. И этот новый человек будет бунтарем.

Глава 1

Мирское против духовного Понимание великого разделения

Я предлагаю новую религиозность. Это будет и не христианство, и не иудаизм, и даже не индуизм. У этой религии не будет определений. Это будет в чистом виде способность стать целостным.

Религия потерпела неудачу. Наука потерпела неудачу. Неудачу потерпели и Восток, и Запад. Необходима новая общность, где могли бы встретиться Восток и Запад, религия и наука.

Человеческое существо подобно дереву, его корни — в земле, к небу он тянется кроной, готовой расцвести прекрасными цветами. Религия потерпела неудачу потому, что она говорила только о цветах — и цветы эти всегда оставались абстрактными, философскими; они так и не нашли материального воплощения. Они не могли материализоваться, поскольку для них не было поддержки в земной жизни. Наука потерпела неудачу, поскольку занималась только корнями. Корни — отвратительны, если заниматься только ими: кажется, что никаких цветов вообще не существует. Религия потерпела неудачу, так как была слишком возвышенна и не обращала

никакого внимания на земную жизнь. А земное нельзя игнорировать: забывая о нем, ты забываешь о своих корнях. Наука потерпела неудачу, ибо не обращала внимания на потустороннее, на духовное. Ведь забывать о цветах тоже нельзя. Как только ты перестаешь обращать внимание на цветы, глубинная суть бытия и самой жизни теряет всякий смысл.

Дереву нужны корни, и человек тоже нуждается в них — а корни могут жить только в земле. Еще дереву необходимо небо, тогда оно будет расти, покроется зеленой листвой и расцветет тысячей цветов. Лишь тогда дерево живет полной жизнью, чувствует свою значимость и смысл, и лишь такая жизнь ему нужна.

Запад страдает от избытка научности, а Восток — от избытка религиозности. Сегодня нам необходимо новое человечество, для которого религия и наука стали бы двумя сторонами единой человеческой сущности. И когда мы создадим новое человечество, Земля впервые сможет стать такой, какой она задумывалась. Она может стать раем: вот это самое тело станет Буддой, а эта Земля — раем.

Зорба Будда: встреча земли и неба

Моя концепция нового человека состоит в следующем: если взять Грека Зорбу* и Гаутаму Будду и объединить их, то получится новое человеческое существо, одновременно и плотское, и духовное, — «Зорба Будда». В том, что касается тела и чувств — это материальное и крайне приземленное существо, наслаждающееся своим телом и всем, что дает материальный мир. И вместе с тем это человек с высоким сознанием, он ни к чему не привязывается. Зорба Будда — такого раньше никогда не бывало.

* Зорба — главный герой романа греческого писателя Никоса Казандзакиса «Грек Зорба» («София», Киев, 2002) — *Прим. перев.*

Вот что я имею в виду, когда говорю о встрече Востока и Запада, материализма и духовности. Вот в чем состоит моя идея Зорбы Будды: единение земли и небес.

Я не хочу никакой шизофрении, никакого деления между материей и духом, между мирским и духовным, между этим миром и миром тонким. Я не хочу никакого разделения, потому что любое деление — это деление внутри вас. А каждый человек, каждое человеческое существо, разделенное и переживающее внутренний конфликт, рано или поздно заканчивает сумасшествием и душевными болезнями. Мы живем в сумасшедшем и душевнобольном мире. Он может выздороветь, только если этот раскол будет преодолен.

Человечество всегда верило во что-нибудь одно: или в реальность души и иллюзорность материального мира, или в реальность материи и иллюзорность духовного. Людей прошлого можно разделить на материалистов и людей духовных. Но никто и не попытался разобраться в том, что же такое человеческое существо на самом деле. Мы — и то, и другое. Мы — это не только духовность, и не только разум, и не только материя. Мы — это потрясающее гармоничное сочетание материи и сознания. Или, может быть, материя и сознание — это не два различных явления, а лишь два проявления одной реальности: материя — это внешнее проявление сознания, а сознание — это внутренняя сущность материи. Но в истории не было ни одного философа, мудреца или религиозного мистика, который признал бы это единство. Все они разделяли человеческое существо, провозглашая одну его часть реальной, а другую — нереальной. Из-за этого на всей Земле воцарилась атмосфера шизофрении.

Ты не можешь жить только интересами тела. Именно это имел в виду Иисус, когда говорил: «Не хлебом единым жив человек», — но это только часть правды. Тебе необходимо сознание — человек жив «не хлебом единым», это правда, но без хлеба он тоже жить не может. Твое существо состоит из двух частей, и обе части должны быть реализованы, должны

иметь одинаковые возможности для роста. Но прошлое всегда было на стороне одной части человеческой природы и выступало против другой.

Человек не воспринимался как единое целое.

Вот почему возникли нищета, страдания и ужасающая темнота; ночь длилась тысячи лет, и, кажется, ей нет конца. Если ты слушаешь только свое тело, ты обрекаешь себя на бессмысленное существование. Если ты не слушаешь тело, ты страдаешь — тебя мучают голод и жажда, ты беден. Если прислушиваться только к сознанию, твое развитие будет однобоким. Твое сознание будет расти, а тело — страдать, и равновесие будет нарушено. Ведь равновесие — это и твое здоровье, и целостность твоей личности, и твоя радость, и твои песни и танцы.

Материалист сделал выбор — он слушает тело и абсолютно глух ко всему, что касается реальности сознания. В результате мы имеем великую науку, высокоразвитую технологию — общество, живущее в достатке, изобилие земных, материальных вещей. И посреди всего этого изобилия живет несчастный человек. Его душа куда-то подевалась, он абсолютно потерян и не знает, кто он такой и зачем он здесь, он чувствует себя случайным творением или причудой природы.

Когда сознание не растет одновременно с богатствами материального мира, тело становится слишком тяжелым, а душа — слабой. Человек обременен своими собственными изобретениями и открытиями. Вместо того чтобы создавать человеку прекрасные условия жизни, они создают жизнь, которая, по мнению интеллектуалов, вообще не стоит того, чтобы жить.

Восток в прошлом сделал выбор в пользу сознания. Материя и все с ней связанное, в том числе и тело, были признаны иллюзорными — *майей*. Они называли все материальное иллюзорным, миражем в пустыне — только кажется, что он существует, но он не реален. Восток создал Гаутаму Будду, Махавиру, Патанджали, Кабира, Фариду, Равидаса — многих

и многих людей, великих духом и многое осознавших. Но здесь же живут миллионы бедняков, которые страдают от голода, умирают как собаки — от недостатка еды, отсутствия чистой питьевой воды. Им не хватает одежды, не хватает жилья. Странная ситуация... В развитых странах каждые шесть месяцев в океан выбрасывают продовольствие на миллионы долларов. Там перепроизводство.

Они не хотят перегружать свои склады, не хотят снижать цены и разрушать свою экономическую систему. С одной стороны, в Эфиопии каждый день умирают тысячи людей, с другой — Европейский Союз уничтожает столько еды, что одно ее уничтожение стоит миллионы долларов. Это не стоимость самой еды, столько стоит довести ее и выбросить в океан. Кто несет ответственность за это?

Самый богатый человек на Западе находится в поисках своей души, он чувствует пустоту внутри себя — там нет любви, только вождение, там нет места молитве, там остались только слова, которые он выучил в воскресной школе и теперь повторяет, как попугай. У него нет ощущения духовности, нет чувств к другим человеческим существам, он не чувствует благоговения перед жизнью, птицами, деревьями, животными. Уничтожать — это так легко. Никогда бы не случилось Хиросима и Нагасаки, если бы к людям не относились как к вещам. На Земле не было бы столько ядерного оружия, если бы человек почитался как воплощение Бога, как скрытое величие, которое нужно не уничтожать, а открывать, не разрушать, а всячески проявлять. И если бы человеческое тело рассматривалось как храм духа. Ведь если человек — это только плоть, только химия и физика, скелет, покрытый кожей, — тогда после смерти все заканчивается, не остается ничего. Вот почему Адольф Гитлер мог запросто убить шесть миллионов человек. Если люди — это только материя, то тут не о чем даже думать.

Запад в погоне за материальным изобилием потерял свою душу, свою внутреннюю сущность. Он не может найти свою

собственную человеческую природу, поскольку окружен страданиями, бессмысленностью и скукой бытия. Весь научный прогресс оказывается бесполезным, ибо дом полон вещей, а хозяина в нем нет. На Востоке, после стольких веков, когда материальное считалось иллюзорным и только сознание — реальным, оказалось, что хозяин дома жив, но дом — пуст. Очень сложно радоваться на пустой желудок, когда тело ослаблено болезнями, а кругом — смерть; тут уж не до медитации.

Понятно, что все они потерпели неудачу.

Все святые и все философы — идеалисты и материалисты — несут ответственность за это чудовищное преступление против человечества.

Ответ есть. Это — Зорба Будда. Синтез материи и духа. Заявление о том, что не существует конфликта между материей и сознанием, — мы можем достичь успеха в обеих сферах. Мы можем владеть всем, что дает нам материальный мир, всем, что дают наука и технологии, и в то же время нам доступно все, что Будда, Кабир и Нанак нашли в своем внутреннем космосе, — цветы экстаза, благоухание набожности, крылья абсолютной свободы.

Зорба Будда — это новое человеческое существо. Бунтарь. Смысл бунта состоит в том, чтобы разрушить шизофрению человечества, разрушить разделенность — разбить идею о том, что духовность противостоит материализму, а материализм — духовности. Это манифест, провозглашающий единство тела и духа. Существование полно духовности: даже горы — живые, даже деревья умеют чувствовать. Это декларация, провозглашающая все существование и материальным, и духовным. Или, другими словами, это одна энергия, выражающая себя двояко: как материя и как сознание. Чистая энергия проявляется как сознание; грубая, плотная, неочищенная энергия проявляется в виде материи. Но все существование — не что иное, как энергетическое поле. Это — мой *опыт*, а не моя философия. Эти воззрения поддерживает современная физика: все сущее — энергия.

Мы можем позволить себе принадлежать к обоим мирам одновременно. Мы не должны отказываться от этого мира, чтобы получить тот, другой мир. Точно так же нам не нужно отказываться от другого, духовного мира, чтобы наслаждаться жизнью здесь. По большому счету, владеть только одним миром, когда вы можете иметь оба, означает обеднять себя.

Зорба Будда — наилучшая возможность. Мы смогли бы в полной мере реализовать свою природу и воспевали бы в песнях эту землю.

Мы не отречемся от земли, но не предадим и небо. Мы заявим о своих правах на все, что есть на земле, — на все цветы и все удовольствия, но и звезды на небе тоже будут нашими. Мы объявим все сущее в этом мире нашим домом.

Все это — для нас, и мы должны пользоваться этим, как только можем, не испытывая никакой вины, не создавая конфликтов и не перебирая. Наслаждаться всем, что способен дать материальный мир, и радоваться тому, что может постичь сознание.

Есть такая старая история...

Около одного города был лес, где жили двое нищих. Естественно, они были врагами, как все люди одной профессии — два доктора, два профессора, двое святых. Один нищий был слепым, а другой — хромым, и они все время соперничали между собой; в городе они дни напролет конкурировали друг с другом.

Но однажды ночью их лачуги загорелись, потому что в лесу был пожар. Слепой мог убежать, но он не видел куда. Он не мог разглядеть места, куда огонь еще не дошел. Хромой видел тропинки, по которым еще можно было убежать от огня, но бежать он не мог. Огонь быстро распространялся, и хромому оставалось лишь дожидаться смерти.

Они поняли, что нужны друг другу. Внезапно хромому пришла мысль: «Этот человек может идти! Слепой может идти, а я вижу». Они забыли о своих распрах. В тот критический момент, когда оба были перед лицом смерти, каждый из них

забыл о своей глупой вражде. Они объединились, договорившись, что слепой понесет хромого на своих плечах, и они будут действовать как один человек — хромым может видеть, а слепой — идти. Так они спаслись. Поскольку они спасли друг другу жизнь, то стали друзьями; впервые они забыли о своем антагонизме.

Зорба слеп, он не может видеть, но может танцевать, петь, веселиться.

Будда может видеть, но это единственное, что он может. Он — это чистое зрение, только ясность и ощущение — но он не может танцевать. Его ноги больны, он не может петь, не может веселиться.

Но время пришло. Наш мир в огне, и жизнь каждого находится под угрозой. Встреча Зорбы и Будды может спасти человечество. Их встреча — наша единственная надежда. Будда может дать свое сознание, ясность и глаза, глядящие за горизонт, глаза, которые видят невидимое. Зорба может добавить к зрению Будды все свое существо — и его участие станет порукой тому, что глаза Будды не останутся одним лишь зрением, а в жизни будет место танцам, радости и веселью.

? **Возможна ли встреча Зорбы и Будды? Если да, тогда почему другие религиозные лидеры никогда не размышляли об этом?**

Первое, что необходимо понять: я — не религиозный лидер. Религиозный лидер не может размышлять о природе вещей, не может видеть их так, как это делаю я, — по той простой причине, что он сделал большие инвестиции в религию; я же не сделал никаких.

Религии непременно разделяют людей, создают в человеческом разуме двойственность. Так они используют тебя в своих интересах. Если ты — целостная личность, ты им неподвластен. Если ты распадаешься на части, тогда вся твоя сила уничтожена, все твое могущество, твое достоинство разрушается. Тогда ты

можешь быть христианином, индуистом, мусульманином. Если тебя оставить таким, как ты родился, — естественным, не подверженным влиянию со стороны так называемых религиозных лидеров, ты будешь свободен, независим и целостен. Тебя никому не удастся поработить. А все эти старые религии заняты только этим — они делают из тебя раба.

Для этого им нужно создать внутри тебя конфликт. Ты начинаешь бороться с самим собой. Твоя внутренняя битва неизбежно приводит к следующему:

Во-первых, ты чувствуешь себя несчастным, ведь ни одна из твоих двух половинок не может одержать победу; ты всегда будешь в проигрыше.

Во-вторых, у тебя появляется чувство вины, тебе кажется, что ты недостойн называться настоящим человеком.

Именно этого хотят религиозные лидеры. Лидерами их делает глубокое чувство неполноценности, живущее внутри тебя. Ты не можешь полагаться на самого себя, ведь ты знаешь, что ни на что не способен. Ты не можешь делать того, что желает твоя природа, потому что твоя религия это запрещает; ты не можешь исполнять то, чего хочет твоя религия, поскольку против этого восстает твоя природа. Ты оказываешься в ситуации, когда ничего нельзя; тебе нужен некто, кто взял бы на себя ответственность за тебя.

Твой физический возраст все увеличивается, но твой психологический возраст остается на уровне тринадцатилетнего подростка. Таким людям очень нужны авторитеты, которые ведут за собой, показывают цель в жизни, объясняют ее смысл. Сами они на это не способны. Религиозные лидеры даже и не задумывались о встрече Зорбы и Будды, поскольку такая встреча покончила бы с их лидерством и разрушила бы так называемые религии.

Зорба Будда — это конец всех религий. Он положит начало новой религиозности, которой не нужны названия — не будет ни христианства, ни иудаизма, ни буддизма. Человек будет просто наслаждаться самим собой и всей огромной

Вселенной, будет танцевать между деревьями, играть с волнами на пляже, собирать ракушки. Для чего? Да просто потому, что это весело. Соленый воздух, прохладный песок, рассвет и хорошая прогулка — что еще нужно? Для меня религия — это когда человек наслаждается воздухом, морем, песком, солнцем. Поскольку нет никакого другого Бога, кроме самого Существования.

Зорба Будда, с одной стороны, — это конец старого человечества — старых религий, политических систем, наций, расовой дискриминации и других подобных глупостей. С другой стороны, Зорба Будда — это начало нового человека — абсолютно свободного быть собой, позволяющего раскрыться человеческой природе.

Между Зорбой и Буддой нет никаких конфликтов. Конфликты были созданы так называемыми религиями. Есть ли какие-либо разногласия между твоим телом и душой? А между твоей жизнью и сознанием? Есть ли какие-либо противоречия между твоей правой и левой рукой? Все они едины, они — в естественном союзе.

Твое тело не наказание. Ты должен быть благодарен за то, что имеешь его, поскольку это самое удивительное явление во Вселенной, самое волшебное. То, как оно работает, поистине невероятно. Все части твоего тела работают как слаженный механизм. Твои глаза, руки, ноги находятся в некоем невидимом контакте. Ведь не бывает такого, чтобы твои глаза хотели идти на Восток, а ноги шли на Запад, чтобы ты был голоден, но твой рот отказывался есть. «Голод сидит у тебя в животе, какое это имеет отношение ко рту?» — и рот объявляет забастовку. Нет, внутри твоего тела не бывает конфликтов. Его части двигаются, повиняясь внутреннему единству, и всегда слаженно. И твоя душа не противостоит твоему телу. Если твое тело — это дом, то душа — это гость, а гостю и хозяину совсем не обязательно постоянно сражаться. Но религии не могут существовать без такой внутренней битвы в каждом человеке.

Я настаиваю на твоём естественном единстве — твой материализм больше не противостоит духовности, и это, в сущности, может стереть с лица земли все организованные религии. Как только твое тело и твоя душа начнут двигаться рука об руку, танцевать вместе, ты станешь Зорбой Буддой. Тогда ты сможешь наслаждаться жизнью во всей её полноте, наслаждаться всем, что окружает тебя, и всем, что живет внутри тебя.

На самом деле внутреннее и внешнее живут в совершенно разных измерениях; они никогда не вступают в конфликт. Но на протяжении тысяч лет тебе говорили, что, если ты желаешь получить внутреннее, ты должен отказаться от внешнего, и это крепко засело у тебя в мозгах. Иначе говоря, это крайне абсурдная идея... Ты можешь наслаждаться внутренним — и что тебе мешает получать удовольствие от внешнего? Это удовольствие ничем не отличается, оно служит звеном, объединяющим внутреннее и внешнее.

Когда ты слушаешь красивую музыку, или смотришь на великую картину, или присутствуешь на выступлении танцора, подобного Нижинскому, — все это находится вне тебя, но никоим образом не препятствует радости, которая рождается внутри тебя. Напротив, все это очень помогает. Танец Нижинского может пробудить спящие в твоей душе качества, и она тоже будет танцевать. Музыка Рави Шанкара может задеть струны твоего сердца. Внешнее и внутреннее не разделены. Это одна энергия, две стороны одного существования.

Зорбе гораздо проще стать Буддой, чем любому священнику. Ни священник, ни твои так называемые святые не могут стать по-настоящему духовными. Они ведь даже не узнали радостей, которые дарует тело, — как, по-твоему, они смогут познать утонченные радости духа? Тело — это мелководье, где ты учишься плавать. А когда ты овладеешь этим искусством, глубина водоема уже не имеет значения. Тогда ты можешь заплыть на самую глубоководную часть озера, тебе уже будет все равно.

Хочу напомнить тебе о жизни Будды. До своих двадцати девяти лет он был настоящим Зорбой. У него были десятки самых прекрасных молодых девушек, каких только можно было найти в его княжестве. В его дворце не смолкала музыка и не прекращались танцы. В его распоряжении была лучшая еда и одежда, прекрасные дворцы и великолепные сады. Он жил более наполненной жизнью, чем бедняк Грек Зорба.

У Грека Зорбы была только одна девушка — старая, увядающая женщина, проститутка, которая потеряла всех своих клиентов. У нее были искусственные зубы, она носила парик — и Зорба был ее клиентом только потому, что не мог позволить себе платить кому-то другому. Можно назвать его материалистом, гедонистом, но не забывайте о первых двадцати девяти годах жизни Будды, которые тот провел в достатке. День за днем принц по имени Сидхартха просто жил в роскоши, окруженный всеми благами, которые только мог себе представить. Он жил как в сказке. Именно благодаря этому опыту он стал Буддой.

Обычно его историю не анализируют подобным образом. Никто не обращает внимания на первую часть его жизни — которая и стала основой дальнейших событий.

Ему все приелось. Он испробовал все радости материального мира; и теперь он желал чего-то большего, чего-то более глубокого — того, чего он не мог найти во внешнем мире. Чтобы достичь глубины, ты должен сделать прыжок. Когда ему было двадцать девять, глубокой ночью он ушел из дворца на поиски внутреннего. Он был Зорбой, который отправился на поиски Будды.

Грек Зорба так и не стал буддой — лишь потому, что его «опыт Зорбы» был неполным. Он был прекрасным человеком, полным жизненной энергии, но он остался нищим. Он хотел прожить яркую, наполненную жизнь, но у него не было возможности. Он танцевал и пел, но так и не познал высших оттенков музыки. Он не узнал такого танца, когда танцор исчезает.

Зорба, обитавший в Будде, познал наивысшие и самые глубинные проявления внешнего мира. Познав все это, он был готов пуститься на поиски внутреннего. Мир был хорош, но недостаточно, ему нужно было нечто большее. У него возникали моментальные озарения, и Будда пожелал чего-то вечного. Все эти радости закончатся смертью, а он хотел узнать то, чего смерть не остановит.

Если бы я описывал жизнь Гаутамы Будды, я бы начал с Зорбы. Он все узнал о внешнем мире, испробовал все, что этот мир мог дать, но смысл все еще ускользал от него. И он отправляется на поиски — это единственное неизведанное направление. Он никогда не оглядывается — оглядываться нет смысла, он все это уже пережил! Он не просто «религиозный искатель», который совсем не знаком с внешним миром. Он — Зорба, и с такой же энергией, силой и мощью он идет на поиски внутреннего. И, конечно же, ту удовлетворенность, наполненность, смысл и благословение, которых он искал, он находит в самых сокровенных глубинах своего существа.

Вполне возможно, что ты будешь Зорбой и на этом остановишься. Возможно, что ты не будешь Зорбой и отправишься на поиски Будды — ты его не найдешь.

Только Зорба может найти Будду; иначе у тебя не будет силы: ты не жил во внешнем мире, ты избегал его. Ты — эскапист.

Для меня быть Зорбой — это стоять в начале пути, а стать буддой — значит достичь цели. И это может произойти внутри одного и того же человека — и только внутри одного и того же человека. Вот почему я постоянно твержу: не разделяй свою жизнь, не осуждай плотское. Живи, и не вопреки своим желаниям, живи полнокровной, кипучей жизнью. Прожив именно такую жизнь, ты будешь способен на поиски иного. Тебе не нужно быть аскетом, не нужно бросать свою жену, мужа и детей. Веками нас учили всем этим глупостям, и скольким людям из миллионов монахов и монахинь — скольким удалось? Ни одному.

Проживай свою жизнь, не разделяя ее. Вначале подумай о теле, о мире, который окружает тебя. В тот миг, когда ребенок рождается, он открывает глаза, и первое, что видит, — это огромный окружающий его мир. Он видит все, кроме себя, — это удел более опытных людей. Это удел тех, кто увидел все вокруг себя, прожил это и освободился от этого.

Свобода от внешнего мира не придет, если убежать от него. Свобода от внешнего мира приходит, когда проживаешь его полностью, без остатка, и уже больше некуда идти. Остается только одно измерение, и, естественно, ты захочешь отправиться на поиски в этом неизведанном измерении. Тогда настанет твое «состояние будды», твоя нирвана.

Ты спрашиваешь: «Возможна ли встреча Зорбы и Будды?» Это единственная возможность. Без Зорбы не может быть Будды. Конечно же, Зорба — это не конец. Это подготовка к Будде. Зорба — это корни, Будда — крона. Не вырывай корни, ведь цветы без них не расцветут. Корни неустанно питают цветы соком. Вся яркость красок цветов идет от корней, и весь аромат, который источают цветы, идет оттуда же.

Цветы танцуют на ветру благодаря корням.

Не разделяй. Корни и цветы — это две стороны одного явления.

? Это кажется таким сложным — соединить эти два аспекта жизни, ведь это противоречит всем нашим условностям. С чего же нам начать?

Делай свои дела от всей души, со всей энергией, на которую ты способен. Все, что делается без энтузиазма, никогда не приносит радости в жизни. Это приносит только страдание, страх, муки и напряжение, ведь что бы ты ни делал с безразличием, ты разрываешь себя на две части, и это одно из самых больших несчастий, которые случаются с людьми, — их души разделены на части. Меня не удивляет, что в мире столько страдания, это естественный результат того, что люди живут

наполовину. Все, что мы делаем, делается лишь одной частью нашего существа, тогда как другая его часть сопротивляется, протестует, борется.

Что бы ты ни делал только одной частью своего существа, это что-то приносит тебе лишь сожаление, страдания и ощущение, что, может быть, другая часть, та, которая в деле не участвовала, была права. Ты пошел на поводу у этой части — и чего добился? Ничего, ты в очень незавидном положении. Но поверь мне, если бы ты послушал другую свою часть, результат был бы тот же. Вопрос не в том, какую часть самого себя слушать, вопрос в том, повинешься ты ей полностью или нет. Если ты полностью отдаешься тому, что делаешь, это приносит тебе радость. Даже обычные, повседневные дела, если делать их с полной отдачей, заставляют твое существо светиться, приносят тебе ощущение удовольствия, наполненности и дают чувство глубокого удовлетворения. И все, что делается с прохладцей, какое бы замечательное дело ты ни делал, принесет лишь страдания.

Страдания происходят не от твоих действий, и радость тоже появляется не от них. Радость приходит тогда, когда ты всецело чему-то отдан. Не важно, чем ты занят, страдание возникает, когда ты относишься к этому с равнодушием.

А жить вполсилы — это значит каждый миг своей жизни превращать в ад — и этот ад становится все более обширным.

Меня спрашивают, есть ли ад и есть ли рай. Все религии говорят о рае и аде, как будто эти понятия — часть географии Вселенной. Это не географические явления, это часть твоей психологии.

Когда твой разум, твое сердце и все твое существо одновременно тянут в две разные стороны, ты создаешь ад. А когда ты представляешь собой полное, целостное, органичное единство, именно в таком органичном единстве внутри тебя расцветают все цветы рая.

Люди все еще озабочены своими действиями: какое действие верно, а какое нет? Что есть добро и что есть зло?

Я понимаю это так, что дело не в каком-либо конкретном действии. Дело в твоей психологии.

Когда ты — целостная личность, это есть добро; когда ты разделен — это зло. Разделенная личность страдает; целостная — танцует, поет и торжествует.

? Расскажи поподробнее, как найти равновесие между этими противоположностями.

• Моя жизнь — это часто крайности, и кажется, что это так сложно — долгое время придерживаться середины.

Жизнь состоит из крайностей. Жизнь — это противоречие между противоположностями. Всегда быть посередине — значит быть мертвым. Середина — это только теоретическая возможность, лишь однажды ты находишься посередине, на переходном этапе.

Это похоже на хождение по натянутому канату; никогда, ни на секунду тебе не удастся оказаться точно посередине.

Если ты попытаешься, ты упадешь.

Быть посередине не означает находиться в неподвижном состоянии, это динамическое явление. Баланс — это не имя существительное, это глагол — балансировать. Канатоходец постоянно двигается слева направо, справа налево. Когда он чувствует, что зашел слишком далеко на одну сторону и вот-вот упадет, он моментально переходит на противоположную сторону, чем уравнивает себя. Когда канатоходец проходит с левой стороны на правую, в какой-то момент он действительно оказывается посередине. Точно так же, когда он слишком далеко заходит на правую сторону и может упасть, потому что теряет равновесие, он начинает двигаться налево и опять на какое-то мгновение оказывается посередине.

Вот что я имею в виду, когда говорю, что балансирование — это не существительное, а глагол, это динамический процесс. Ты не можешь просто находиться посередине. Ты можешь

двигаться справа налево и слева направо; это единственный способ оставаться посередине.

Не избегай крайностей и не выбирай ни одну из них. Оставайся открытым для обоих полюсов — вот в чем состоит искусство, секрет равновесия. Да, иногда задыхайся от счастья, а иногда и плачь от горя — в каждом из этих состояний есть своя красота.

Выбирает разум, вот почему возникает проблема. Не выбирай. Что бы ни случилось и где бы ты ни был — справа или слева, посередине или не посередине — наслаждайся моментом во всей его полноте. Когда ты счастлив — танцуй, пой, твори музыку — будь счастлив! А в моменты, когда охватывает печаль — ведь она непременно придет, она должна прийти, это неизбежно, тебе не уйти от этого... Если ты пытаешься этого избежать, тебе нужно будет разрушить даже самую возможность счастья. День не может существовать без ночи, лето — без зимы. Жизнь не может существовать без смерти. Пусть эта закономерность проникнет глубоко в твое существо — нет способа этого избежать. Единственный способ — это становиться все более и более мертвым, только мертвец может существовать в недвижной середине. Живой человек будет постоянно в движении — от гнева к состраданию, от сострадания к гневу — он будет принимать оба состояния, не отождествляя себя ни с одним из них, он будет оставаться в стороне и одновременно сопереживать — находиться на расстоянии и принимать активное участие. Живой человек получает удовольствие и одновременно похож на цветок лотоса, который плавает в воде, но вода не может намочить его.

Само твое желание — быть посередине и пребывать в этом состоянии всегда — рождает внутри тебя ненужный страх. На самом деле желание быть всегда посередине — это еще одна крайность — и наихудшая из крайностей, ведь она несбыточна. Ее невозможно исполнить. Представь себе старинные часы: если ты будешь держать маятник ровно посередине, часы остановятся. Часы работают лишь благодаря маятнику,

который постоянно двигается слева направо, справа налево. Да, конечно, каждый раз маятник проходит через середину, и мгновение такой «серединности», безусловно, есть, но это только мгновение.

И это прекрасно! Когда ты переходишь от счастья к печали, от печали к счастью, существует момент абсолютной тишины, он как раз посередине — насладись им тоже.

Нужно прожить жизнь во всех ее проявлениях, лишь тогда она будет полноценной. Человек, живущий только на левой стороне, обделен, живущий лишь на правой стороне — тоже, а тот, кто живет посередине, — не живет вообще, он мертв! Когда ты живешь, ты и не на правой, и не на левой стороне, и не посередине — ты в постоянном движении, в потоке.

Почему же мы хотим прежде всего быть посередине? Мы боимся темной стороны жизни; мы не хотим печалиться, не хотим страдать. Но это возможно, лишь если ты готов отказаться от возможности испытать чувство экстаза. Лишь немногие выбрали этот путь — то были монахи. Путь монахов существовал на протяжении веков, они готовы были пожертвовать возможностью испытать экстаз только для того, чтобы избежать страдания. Они готовы уничтожить все розы — для того, чтобы не наткнуться на шипы. Но какой тогда становится жизнь? Бесконечно скучной, банальной и застывшей. Такой человек не живет. Он *боится жить*.

Но в жизни есть все; в ней есть и нестерпимая боль, и огромное наслаждение. Боль и наслаждение — это две стороны одной медали. Если ты убираешь одну сторону, то тебе придется убрать и другую. На протяжении веков одной из самых фундаментальных ошибок было представление о том, что можно избавиться от боли и сохранить для себя удовольствие, можно избежать ада и попасть в рай, можно уберечься от всего негативного и наслаждаться позитивом.

Это большое заблуждение. Сама природа вещей не допускает такой возможности. Позитивное и негативное идут вместе, неизбежно и неразделимо вместе. Они — это два про-

явления одной и той же энергии. Мы должны принять и то, и другое.

Впусти в себя все, будь всем. Если ты находишься на левой стороне, не пропусти ничего — получай от этого удовольствие! На левой стороне есть своя прелесть, которую ты не найдешь справа. Там все будет совсем по-другому. О да, конечно, пребывать посередине — значит наслаждаться тишиной и спокойствием, которых ты не найдешь ни в одной из крайностей. Поэтому наслаждайся всем. Наполняй свою жизнь.

Разве вы не видишь, как прекрасна печаль? Помедитируй в этом состоянии. В следующий раз, когда ты будешь печален, не борись с этим чувством. Не трать время на борьбу — прими его, приветствуй его, разреши ему быть желанным гостем. Загляни в это чувство поглубже, с любовью и заботой... будь настоящим хозяином! И ты будешь удивлен — удивлен сверх всякой меры — у печали есть много прекрасных качеств, которых не найдешь у счастья. Печаль — глубока, а счастье — поверхностно. У печали есть слезы, а слезы проникают гораздо глубже, чем любой смех. У печали есть своя собственная тишина, мелодия, которой никогда не бывает у счастья. У счастья есть своя песня, но она более шумная, не такая глубокая.

Я не предлагаю выбрать печаль. Я просто говорю о том, чтобы ты и от нее получал удовольствие. Когда ты счастлив, наслаждайся счастьем. Плавай по поверхности, а иногда ныряй поглубже в реку. Это та же самая река! На поверхности — рябь и волны, светит солнце и дует ветерок — здесь своя красота. Погружение вглубь имеет свои прелести, у него свои опасности и приключения.

И ни к чему не привязывайся. Есть люди, которые привязались к печали, психологи знают таких. Их называют мазохистами. Они неустанно создают ситуации, благодаря которым могут всегда оставаться несчастными. Страдания — это единственное, от чего они получают удовольствие. Они боятся счастья. В страданиях они чувствуют себя как дома. Многие

мазохисты становятся религиозными, поскольку религия дает прекрасную защиту для разума мазохиста. Религия дает прекрасное рациональное обоснование состоянию мазохизма.

Если быть просто мазохистом и не быть при этом религиозным человеком, то ты будешь чувствовать себя обреченным и нездоровым, тебе будет не по себе и ты будешь знать, что твое состояние — ненормально. Ты будешь испытывать чувство вины за то, что ты делаешь со своей жизнью, и будешь пытаться скрыть это. Но если мазохист становится религиозен, он может с гордостью демонстрировать свой мазохизм, ведь теперь он больше не мазохист — он аскет. Это просто «самодисциплина», это не пытка. Изменились только названия — но теперь никто не назовет такого человека ненормальным, он же святой! Никто не скажет, что у него патология; он благочестив и свят. Мазохисты всегда приходили к религии, она весьма для них притягательна. В сущности, за многие века к религии обратилось столько мазохистов — и это движение было совершенно естественно, — что в конце концов мазохисты стали в ней преобладать. Вот почему большая часть религии настаивает на отречении от жизни, на ее разрушении. Это делается не ради жизни, не для любви и не для радости — но религия настаивает, что жизнь — это страдание. Утверждая, что жизнь — страдание, она обосновывает свою собственную склонность к страданию.

Я как-то слышал прекрасную историю. Не знаю, насколько она верна, ручаться не берусь.

Однажды утром в раю, в самом лучшем кафе сидели Лао-цзы, Конфуций и Будда. Подходит к ним официант с подносом. На нем стоят три стакана с напитком под названием «Жизнь». Официант предлагает попробовать напиток. Будда закрывает глаза и сразу отказывается; он говорит: «Жизнь — это страдание».

Конфуций закрывает глаза лишь наполовину. Он — приверженец срединного пути и всегда проповедовал золотую середину. Он просит официанта подать ему стакан.

Он хотел бы сделать глоток, но лишь глоток, ведь как же можно сказать, что жизнь — это страдание, даже не попробовав ее?

У Конфуция — научный склад ума; он не был великим мистиком, но обладал прагматичным и приземленным разумом.

Он был первым бихевиористом, которого знала история, и рассуждал очень логично. То, что он говорит, звучит очень здраво: «Сначала я сделаю глоток, а потом скажу свое мнение». Он делает глоток и говорит: «Будда прав: жизнь — это страдание».

Лао-цзы берет все три стакана и говорит: «Как можно говорить о чем-то, пока не выпьешь все?» Он выпивает все три стакана и пускается в пляс!

Будда и Конфуций спрашивают его: «Ты что, не собираешься ничего говорить?» А Лао-цзы отвечает: «Так я уже говорю — мой танец и моя песня говорят за меня». Пока ты не попробовал все, ты не можешь говорить. А когда ты попробовал все, ты по-прежнему не можешь говорить, ведь то, что ты знаешь, невозможно выразить словами.

Будда — это одна крайность, Конфуций — посередине. Лао-цзы выпил все три стакана: один, предназначавшийся для Будды, другой — для Конфуция, и третий, который был для него самого. Он выпил все и прожил жизнь в ее трех измерениях.

Тут я согласен с Лао-цзы. Проживи жизнь всеми возможными способами, не выбирай что-то одно в противовес другому, не пытайся найти середину. Не пытайся найти для себя равновесие — это не то, чем стоит заниматься. Равновесие приходит после переживания всех сторон жизни. Равновесие — это то, что случается, его нельзя достичь через какие-то твои усилия. Если ты будешь прикладывать усилия, чтобы его достичь, оно будет ненастоящим, притворным. А внутри тебя сохранится напряжение, тебе не удастся расслабиться. Как может быть расслаблен человек, который пытается удержать равновесие? Ты всегда будешь бояться,

что если ты расслабишься, то начнешь двигаться или вправо, или влево. Ты вынужден оставаться в напряжении, а быть в напряжении — значит упустить всё, все возможности и все дары, посылаемые жизнью.

Не напрягайся. Не живи согласно принципам. Проживай жизнь во всей ее полноте, пей ее до дна! Да, иногда она горька на вкус — ну и что? Вкус горечи научит тебя различать и сладкий вкус.

Ты сможешь оценить сладость, только если ты знаешь вкус горечи. Тот, кто не умеет плакать, не узнает и как смеяться. У того, кто не способен смеяться и даже хохотать, и слезы будут крокодильи. Такие слезы не могут быть настоящими, непритворными.

Я не учу придерживаться середины, я учу идти до конца. Тогда само по себе возникает равновесие, и тогда оно прекрасно и грациозно. Ты не принуждал его, оно просто пришло. Ты изящно двигаешься направо, налево, на середину, и медленно-медленно к тебе приходит ощущение равновесия, ведь ты не привязываешься ни к чему. Когда приходит печаль, ты знаешь, что она пройдет, а когда тебя охватывает ощущение счастья, ты знаешь, что закончится и оно. Ничего не остается; все проходит. Единственное, что всегда пребывает рядом с тобой, — это твоя внимательность. Она приносит равновесие. Она и есть равновесие.

Тело и душа: краткая история религии

Религия прошла много этапов развития. Вначале она была магической, и этот этап не закончился и до сих пор. Многие племена аборигенов во всем мире все еще живут в этой первой фазе развития религии. В ее основе лежат колдовские ритуалы жертвоприношений богам. Это что-то вроде взятки, которую ты даешь богам, чтобы они помогли и защитили тебя. Ты при-

носишь богам все, что представляет для тебя ценность, — еду, одежду, украшения, да все что угодно. Конечно, не Бог принимает жертву, ее принимает священнослужитель — он выступает между вами посредником и имеет при этом свою долю. И самое удивительное, что такая магическая обрядовая религия властвует над человеческим разумом по меньшей мере десять тысяч лет.

Было так много неудач — в 99 % случаев ничего не получалось. К примеру, если долго не выпадал дождь, колдуны приносили ритуальное жертвоприношение и верили, что уж теперь, когда богов умилостивили, дождь пойдет. Через некоторое время дождь и вправду шел — но шел он и для тех людей, которые не молились богам и не проводили никаких обрядов. Дождь шел даже для врагов тех людей, которые за него молились.

Этот дождь не имел к обряду никакого отношения, но дождь пошел — и это было доказательством, что обряд достиг цели. Обряд не помогал в девяноста девяти случаях из ста; он обречен на неудачу, так как никакого отношения к погоде не имеет. Между обрядами, всеми этими огненными церемониями и заклинаниями, и тучами с дождем не существует никакой причинно-следственной связи.

Священнослужитель, безусловно, более хитер, чем люди, которых он использует. Он прекрасно знает, что происходит на самом деле. Запомните: священнослужители никогда не верили в Бога, они просто не способны на это, но при этом они делают вид, что их вера — самая сильная. Они вынуждены так поступать, это их работа. Они делают вид, что чем сильнее их вера, тем больше облаков они могут притянуть. Но я ни разу не встречал священника, который верил бы в существование Бога. Как он может верить? Каждый день он видит, что лишь изредка и случайно помогает какой-то обряд или молитва, в большинстве же случаев они не срабатывают. Но для бедных людей у него есть объяснения: «Вы неправильно исполнили обряд. Когда вы его исполняли, ваши помыслы не были чисты».

Ну хорошо, а чьи помыслы чисты? И что это вообще такое — чистые помыслы? К примеру, один джайнский обряд люди должны исполнять на голодный желудок. Однако во время исполнения этого обряда люди думают о еде — а это нечистый помысел. Ну да, голодный человек думает о еде... Я не вижу никакой «нечистоты» в этих мыслях — они очень даже правильные. На самом деле, в этой ситуации неправильно поступает тот человек, который продолжает следовать обряду; он должен бежать в ресторан!

Но священник очень просто объяснит, почему обряд не получился. У Бога не бывает неудач, Он всегда готов защитить тебя — Он кормилец, создатель, хранитель, Он никогда не оставит тебя в беде. Это ты отворачиваешься от него. Когда ты шепчешь молитвы или исполняешь обряды, тебя переполняют нечистые помыслы. Все люди знают, что священник прав — они и вправду думали о еде или о красивой женщине, которая прошла мимо. В голове промелькнула мысль о ее красоте, и появилось желание обладать ею. Они отгоняют эти мысли, но уже слишком поздно; все уже произошло. И каждый знает, что его мысли были нечисты.

Так вот, я не вижу в этом ничего «нечистого». Когда красивая женщина проходит мимо зеркала, оно тоже отразит ее красоту, так что же — зеркало «нечистое»? Твой разум — это зеркало, он просто отражает. И твой разум осознает все, что происходит вокруг тебя. Он высказывает свое мнение, он постоянно делает комментарии. Ты будешь удивлен, если присмотришься, — тебе не найти лучшего комментатора. Твой разум говорит, что женщина красива, — и, если ты чувствуешь желание при виде красоты, я не вижу в этом ничего плохого. Вот если ты испытываешь страсть к уродству, тогда что-то не в порядке; тогда ты болен. Красоту нужно ценить. Когда ты видишь прекрасную картину, у тебя возникает желание владеть ею. Когда ты видишь что-то прекрасное, даже краем глаза, в голове мелькает мысль: «Вот если бы эта красота принадлежала мне...» Так вот, это вполне естественные мысли. Но священник скажет: «Дождя нет из-за

твоих нечистых помыслов» — и ты будешь абсолютно беззащитен. Ты сам это знаешь, и тебе за себя стыдно. Бог всегда прав.

Но, когда дожди таки начинаются, эти мысли никуда не деваются из твоей головы; ты остаешься тем же самым человеком. Когда ты был голоден, ты думал о еде; когда ты испытывал жажду, ты думал о воде. Все эти мысли приходили тебе в голову и тогда, когда шли дожди, но теперь уже никому нет дела до нечистых помыслов. Священник начинает восхвалять тебя, твою простоту и твою искреннюю молитву: «Господь услышал вас». Твое эго настолько польщено, что ты не скажешь: «Да, но как же нечистые помыслы?» Кому охота вспоминать про нечистые помыслы, когда все получилось и Бог тебя услышал?

Чаще никто не слышит, небо остается пустым, и ответ не приходит. Но магическая религия продолжает жить. Это самая примитивная религия, но ее фрагменты сохраняются и на втором этапе; между ними нет четко очерченной границы. Второй этап — это псевдорелигия: индуизм, христианство, мусульманство, иудаизм, джайнизм, буддизм, сикхизм — всего этих «измов» более трехсот. Все это псевдорелигии. Они пошли лишь чуть дальше магической религии.

Магическая религия просто ритуалистична. Это попытка убедить Бога помочь вам. На страну собирается напасть враг, долго нет дождя или дожди идут слишком долго — реки выходят из берегов и уничтожают ваш урожай... всегда, когда с вами случаются такие неприятности, вы просите помощи у Бога. Но магическая религия не ставит тебя в рамки. То есть такие религии не подавляют. Они пока еще не заняты трансформацией твоей личности, твоим изменением.

Псевдорелигии переключают свое внимание с Бога на тебя. Бог остается в поле зрения, но Его образ отдалется и бледнеет. Для магических религий личность Бога находится совсем рядом; с таким Богом можно говорить, его можно убеждать. Псевдорелигии все еще несут в себе идею Бога, но теперь Он далеко — очень далеко. Теперь единственный способ

добраться до Него — это не обряд, а радикальные изменения в твоём образе жизни. Псевдорелигии начинают формировать, менять тебя.

Магические религии оставляют людей такими, какие они есть. Поэтому люди, придерживающиеся таких религий, более естественны, в них меньше фальши, но они и более примитивны, простодушны, им не хватает культуры. В людях, принадлежащих к псевдорелигиям, больше утонченности, культуры и образованности. Для них религия — это не просто обряды, это вся их жизненная философия.

Подавление начинается здесь, на втором этапе развития религии. Почему все религии в качестве своей главной стратегии использовали подавление, для чего? Очень важно понять этот феномен подавления, поскольку во всем остальном все религии отличаются друг от друга и выступают друг против друга.

Ни одна религия не согласится с другой ни в чем, кроме принципа подавления. Похоже, что подавление — это самое мощное оружие в их руках. Как они его используют?

Подавление — это механизм твоего порабощения, при помощи которого человеческое существо попадает в психологическое и духовное рабство. Задолго до того, как Зигмунд Фрейд открыл феномен подавления, религии использовали его на протяжении пяти тысяч лет, и безуспешно. Методология проста — ее суть в том, чтобы настроить тебя против самого себя. Но она творит чудеса. Как только ты настроился против себя, обязательно случится следующее. Во-первых, ты будешь ослаблен. Ты уже никогда не будешь той сильной личностью, которой был раньше. Раньше ты был одним человеком, теперь вас даже не двое — тебя много. Раньше ты был единым, целостным существом, сейчас тебя толпа. Из одного уголка твоей личности до тебя доносится голос твоего отца, из другого — голос твоей матери, и внутри тебя они все еще ведут между собой борьбу — хоть их, может быть, и нет уже в живых.

Внутри тебя нашли себе местечко все твои учителя, и все священники, с которыми тебе доводилось встречаться, все

монахи, и все благодетели, и моралисты — все они крепко засели внутри тебя. Если кто-то произвел на тебя сильное впечатление — его частичка тоже живет в тебе. Теперь ты не один, вас много — мертвых, живых, придуманных, людей из книг, которые ты читал, из священных писаний, которые есть не что иное, как религиозная фантастика, подобная фантастике научной. Если ты заглянешь внутрь себя, ты почувствуешь, что потерялся в такой большой толпе. Ты не сможешь понять, кто же ты такой — посреди всех этих людей с лицом, таким же, как у тебя. Они все прикидываются, что они — это ты, у всех — твое лицо. Они говорят на твоём языке и все между собой ссорятся. Ты стал полем битвы.

Сила единого индивидуума утрачена. Твой дом поделен на части, и ты ничего не можешь поделать со своей целостностью.

Какие-то части внутри тебя будут против этого, другие будут за, а третьим будет абсолютно все равно.

Если ты что-то предпримешь, части, которые были против твоих действий, будут твердить тебе, что ты поступил плохо, они заставят тебя почувствовать свою вину. Те части твоего существа, которые остались безразличны, будут изображать святость и говорить тебе, что ты просто слишком плох для того, чтобы слушать людей, которые что-то понимают. Итак, что бы ты ни делал, в любом случае ты обречен.

Ты всегда стоишь перед выбором. Куда бы ты ни шел, ты будешь в проигрыше, и большая часть твоего существа будет восставать против тебя же. Поддержка всех твоих поступков будет минимальной. Естественно, это означает, что большинство захочет отомстить — и сделает это. Тебе скажут: «Если бы ты не сделал этого, ты бы мог сделать то. Если бы ты не выбрал это, ты бы мог выбрать вот это. Но ты поступил глупо, ты не послушался. А теперь страдай, кайся».

Но проблема в том, что с таким конгломератом «я» ты не можешь сделать ничего, что позже не поставили бы тебе в вину и не сказали бы тебе, что ты глуп и необразован.

Итак, во-первых, псевдорелигии разрушили единство, целостность и силу человека. Это необходимо, если ты желаешь поработить человека, — сильного человека поработить нельзя. А такое рабство почти неуловимое, оно психологическое и духовное. Не нужны ни наручники, ни цепи, ни тюремные камеры, нет — псевдорелигии придумали гораздо более изощренные методы. Они начинают трудиться с момента твоего рождения и не упускают ни единого мгновения.

Религии вынесли приговор сексу и твоей любви к еде — они приговорили все, чем ты можешь наслаждаться, — музыку, искусство, песни, танцы. Если окинуть взглядом весь мир и собрать все обвинения всех религий, то можно увидеть: все вместе они осудили в человеке всё. В нем не осталось ни единого кусочка, который не подвергался бы осуждению.

Да, конечно, каждая религия осуждает только какую-то одну часть — ведь если осудить в человеке всё, он просто может свихнуться. Нужно знать меру, чтобы осужденный почувствовал себя виноватым, а потом захотел бы освободиться от вины и был готов принять твою помощь. Нельзя осуждать настолько, чтобы человек просто сбежал от тебя или прыгнул в океан и покончил с собой. Так дело не пойдет.

Это как с рабами в старину. Им давали ровно столько еды, чтобы они не стали слишком сильными и не восстали, но и не настолько мало, чтобы они поумирали; иначе хозяин понесет убытки. Им полагалось определенное количество еды, чтобы они продолжали существовать между жизнью и смертью, могли как-то жить и работать на хозяина. Давали ровно столько еды, не больше, иначе после работы останется энергия, которая может привести к восстанию! Рабы смогли бы собираться вместе, ведь у них будет достаточно силы понять, как с ними поступают.

То же самое сделали религии. Каждая религия взяла какую-то часть человека и осудила ее и таким образом вызвала в нем чувство вины.

Как только ты почувствовал себя виноватым, ты оказываешься в лапах священника. Теперь тебе не уйти, ведь только он может очистить все постыдные части твоего существа, он может помочь тебе предстать перед Богом без чувства стыда. Он создает иллюзию Бога. Он создает иллюзию вины. Он рассказывает сказки, будто однажды тебе нужно будет предстать перед Богом, так что ты должен быть чистым и незапятнанным, ты должен предстать перед ним без страха и стыда.

Все это выдумки. Но их стоит запомнить: это правда о псевдорелигиях. Когда я говорю «все религии», я имею в виду псевдорелигии; множественное число обозначает именно такие религии.

Когда религия становится научной, она перестает быть множественной: это будет единая религия, и ее задачи прямо противоположны целям псевдорелигий. Такая религия стремится освободить тебя от Бога, от рая и ада, освободить тебя от представления о первородном грехе и от самой идеи, что ты и природа отделены друг от друга, — освободить тебя от любого подавления.

Эта свобода позволит тебе познать проявления твоего естественного существа, какими бы они ни были. Не нужно стыдиться. Вселенная хочет, чтобы ты был таким, вот почему ты такой. Вселенной нужно, чтобы ты был таким, иначе она создала бы кого-то другого, а не тебя. Вот почему я считаю, что единственное определение для «нерелигиозности» — это *не быть самим собой*.

Будь собой без каких-либо условий и ограничений — просто будь собой, — и ты будешь религиозным, ведь ты здоров и целостен. Тебе не нужны священник и психоаналитик, тебе не нужна ничья помощь, потому что ты не болен — ты не хромым и не парализованным. После обретения свободы уходят и хромота, и паралич.

Религию можно выразить одной фразой: *абсолютная свобода быть собой*.

Не бойся, выражай себя всеми возможными способами. Бояться нечего, никто не накажет тебя и никто не вознаградит. Если ты станешь выражать свою сущность в ее истинном виде, в ее естественном потоке, ты будешь немедленно вознагражден — не завтра, а сегодня, здесь и сейчас.

Тебя наказывают, только когда ты идешь против своей природы. Но такое наказание на самом деле — помощь, оно просто показывает тебе, что ты отошел от природы, что ты заблудился, сбился с пути — тебя зовут вернуться. Нет, наказание — это не мечь. Это только попытка тебя разбудить: «Что же ты делаешь?» Что-то идет не так, твои поступки противоречат твоей сущности. Вот почему есть боль, страдания и страх.

А когда ты естествен, когда ты подобен деревьям и птицам — а им повезло больше, ведь ни одна птица не пыталась еще стать священником и ни одному дереву не приходило в голову поработать психоаналитиком, — так вот, когда ты подобен деревьям, птицам и облакам, в Мироздании ты почувствуешь себя как дома.

А ведь в этом основная суть религии — быть дома.

? Кстати о том, что Ты называешь псевдорелигиями. Видишь ли Ты какую-либо существенную разницу между ними в контексте того, где они возникли — на Западе или на Востоке?

За последние две тысячи лет христианство принесло человечеству больше вреда, чем любая другая религия. Мусульманство пыталось с ним потягаться, но у него не получилось. Оно подошло очень близко, но христианство все еще остается в лидерах. Эта религия убивала людей, сжигала их живьем. Христианство убивало людей тысячами — во имя Господа, правды, религии — и убивало ради них самих, ради их же блага.

А когда убийца убивает тебя ради твоего же блага, он не испытывает никакой вины. Наоборот, ему кажется, что он сделал что-то хорошее. Он служит человечеству, Богу, он делает

это во имя любви, правды и свободы. Он чувствует возбуждение. Он чувствует, что с этого момента стал лучше. Если для того, чтобы человек почувствовал себя более совершенным, используются преступления, то это самое ужасное, что может случиться. Теперь он будет творить зло и думать, что это благо. Он будет уничтожать добро и думать, что это хорошо.

Это самая ужасная установка, которую христианство внедрило в головы людей. Христианство дало миру идею крестового похода, религиозной войны. Эту идею переняли мусульмане, так что они не могут претендовать на ее авторство. Они называют это *джихад*, священная война, но они появились на пятьсот лет позже Иисуса. Христианство уже внушило людям мысль, что война тоже может быть религиозной.

Но ведь война по самой своей природе антирелигиозна.

Не может быть никаких крестовых походов, никакой священной войны.

Если уж войну называть священной, то что же тогда несвященно?

Вот так разрушается человеческое мышление. Когда люди думают о крестовом походе, им не приходит в голову, что здесь что-то не так: ведь они сражаются за Господа и против дьявола. Но ни Бог, ни дьявол здесь ни при чем — ты просто сражаешься и убиваешь людей. Но что тебе за дело до всего этого? Если даже Бог не может уничтожить дьявола, почему ты думаешь, что это получится у тебя? Если даже Бог не может справиться с дьяволом, думаешь, это получится у священника? Или у всех этих христиан? Или у Иисуса? Уже целую вечность Бог существует рядом с дьяволом.

Даже сейчас силы зла гораздо более могущественны, чем силы добра, — по той простой причине, что силы добра находятся в руках сил зла.

Когда войны называют религиозными, священными, это становится причиной новой войны — потому что и Первая, и Вторая мировые войны начались в христианских странах, и Третья мировая война начнется там же.

Есть и другие религии, почему же обе эти большие войны случились в христианских странах? Христианству не уйти от ответственности. Когда ты создаешь идею священной войны, ты не сможешь ее монополизировать.

Адольф Гитлер говорил своему народу: «Эта война — священная»; это тоже был крестовый поход. Он всего лишь использовал христианскую идею. Он был христианином, а себя считал воплощением пророка Илии. Он считал себя равным Иисусу Христу, а может быть, и выше Его, потому что он пытался сделать то, что не получилось у Иисуса. Все, что получилось у Иисуса, — это быть распятым. У Адольфа Гитлера почти получилось. Если бы он добился успеха — а это было возможно на 99 %, он упустил всего один процент, — тогда весь мир очистили бы от всего еврейского и от всего нехристианского. А что бы тогда осталось?

Вы, может быть, знаете, что архиепископ Германии благословил Адольфа Гитлера и сказал ему: «Вы победите, потому что с вами Христос и с вами Бог». Такие же глупцы благословляли Уинстона Черчилля. Они говорили ему: «Господь на вашей стороне и Христос на вашей стороне. Вы обязательно одержите победу». Такие же и даже большие дураки сидели в Ватикане. Ватикан — это просто часть Рима, и Папа Римский — представитель, непогрешимый представитель Иисуса Христа на Земле — благословил Муссолини.

Предположим, архиепископ Германии не относится к непогрешимым, как и архиепископ Англии, — мы можем их простить, это простые грешные люди. Но как же Папа Римский, ведь христиане веками называют его непогрешимым? И вот такой «непогрешимый» Папа Римский благословляет Муссолини на победу, ибо «тот сражается за Иисуса Христа и за Господа». А Муссолини и Адольф Гитлер — союзники. Вместе они пытаются завоевать весь мир.

Возможно, Папа Римский надеялся, что в случае, если Муссолини одержит победу, у христианства будет шанс стать всемирной религией. Две тысячи лет они старались сделать

христианство всемирной религией и уничтожить все другие религии.

В джайнизме нет понятия священной войны. Все войны — от лукавого. Можно сражаться во имя религии, но само по себе сражение — антирелигиозно. В буддизме тоже нет понятия священной войны; вот почему ни джайнизм, ни буддизм никогда не имели никакого отношения к войнам — а их история очень давняя. Джайнизм существует на протяжении вот уже десяти тысяч лет и не стал причиной ни одной войны — священной или несправедливой. Буддизм тоже старше христианства на 500 лет. У него столько же последователей, сколько и у христианства. За исключением Индии, вся Азия буддистская, но буддисты не начали ни одной войны.

Христианству принадлежит честь изобретения самого ужасного явления в человеческой истории — священной войны. Прикрываясь лозунгом крестового похода, можно делать все что угодно: насиловать женщин, сжигать людей заживо, убивать детей и стариков. Есть пустой термин, прикрытие: священная война, крестовый поход. И все происходит под этим прикрытием. Все ядерное оружие производят в христианских странах.

Дело не в том, что остальному миру не хватает интеллекта. Если в Китае могли появиться Конфуций, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ли-цзы, то нет причин, почему там не могли бы появиться Альберт Эйнштейн и лорд Резерфорд. Напротив, китайцы первыми изобрели печатный станок, и он существует уже три тысячи лет.

Или взять Индию: если там могли появиться люди, подобные Патанджали, а он сам, без посторонней помощи, разработал всю систему йоги; если там появились Гаутама Будда, Махавира Джина, великие философы и мистики... Три тысячи лет назад в Индии жил Сушрут, великий врач и хирург. В своих книгах он описывает некоторые наисложнейшие хирургические операции, которые стали возможны сегодня, — даже операцию на мозге, и причем с использованием инструментов.

Если эти страны могли дать миру таких людей, чего же тогда недоставало? Почему они не пытались изготовить атомные бомбы? В Индии были математики, без которых невозможна ни одна наука. Семь тысяч лет назад они заложили основы математики, но свои математические знания никогда не использовали в разрушительных целях. Они применяли их для созидания, ведь ни одна религия из бытующих здесь не давала им установок на разработку орудий войны. Религии говорили, что война отвратительна — об этом даже не спорили. И все эти страны не поддерживали программы, проекты или исследования, которые могли ввергнуть их в войну.

Я повторяю это, чтобы еще раз подчеркнуть: именно христианство несет ответственность за то, что наука стала ориентироваться на войну. Если бы христианство создало атмосферу ненасилия и не называло войну «священной», мы могли бы избежать двух мировых войн; а без этих двух наверняка не могла бы случиться и третья. Первые две войны — это абсолютно необходимые этапы на пути к третьей; они уже привели вас к ней. Вы уже стали на этот путь, и уже нельзя вернуться, нельзя свернуть с пути.

Не только наука пострадала от христианства, само христианство — напрямую или косвенно — породило странные идеологии. И за это оно тоже несет ответственность. Тысячи лет в мире существовала бедность, но коммунизм придумали христиане. И пусть тебя не вводит в заблуждение тот факт, что Карл Маркс был евреем, ведь Иисус тоже еврей. Если еврей может создать христианство... Идеи Карла Маркса — христианские, а не иудейские. Подал идею Иисус Христос. Когда он произнес: «Блаженны страждущие, ибо их есть Царство Божие», были посеяны семена коммунизма.

Никто не говорил об этом так откровенно, ведь такое может сделать только такой сумасшедший, как я, — это я могу назвать лопату не просто лопатой, а чертовой лопатой! Что ж тут такого — назвать лопату лопатой? Когда Иисус сформулировал идею о том, что «Блаженны страждущие, ибо их есть

Царство Божие», развить ее и превратить в более практичный и прагматичный коммунизм было делом техники. Вот суть того, что говорил Маркс: «Блаженны бедные, ибо их есть Земля». Он просто изменил религиозный жаргон, претворив его в реальную политику.

«Царство Божие» — кто знает, существует оно или нет? Но зачем же упускать возможность иметь царство на Земле? Весь коммунизм основан на одном-единственном высказывании Иисуса. Пришлось лишь кое-что подправить, отбросить эзотерическую чушь и привнести сюда немного реальной политики. Да, конечно, бедные блаженны, ведь им принадлежит царство на этой Земле, — вот что говорит Карл Маркс.

Странно, что нигде больше — ни у буддистов, ни у индуистов, ни у джайнов, сикхов или даосов — коммунизм не появился, он был создан только в христианских странах. Это не случайно, поскольку мы видим, что фашизм также возник у христиан. Социализм, фабианский социализм, нацизм — все это потомки христианства, дети Иисуса Христа. Или они возникли под Его непосредственным влиянием... Ведь именно Он сказал, что скорее верблюд пройдет через игольное ушко, чем богач войдет в Царство Небесное.

Что ты думаешь об этом человеке? Разве Он не коммунист? Если Он не коммунист, тогда кто? Даже Карл Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин и Мао Цзэдун не отважились на такое жестокое заявление: богач не может войти в Царствие Божие. А вы заметили, какое он делает сравнение? Что верблюд может пройти через игольное ушко, а ведь такого вообще не может быть. Он говорит, что даже это реально, но богач войти в Царство Божие не может никак. А если это невозможно там, зачем оставлять их здесь? — давай сделаем это невозможным и тут. Именно это и сделал Маркс.

На самом деле то, что теоретически обосновал Иисус, Маркс реализовал на практике. Но первым теоретиком был Иисус. Наверное, Карл Маркс этого бы не признал, но ни при какой другой религии коммунизм не мог стать реальностью. Ни

при какой другой религии не возможен Адольф Гитлер. Если ты захочешь объявить себя воплощением Бога в Индии, то ты не можешь быть Адольфом Гитлером. Ты даже не можешь заниматься политикой и голосовать на выборах. Ты не можешь уничтожить миллионы евреев или миллионы людей, исповедующих другие религии, и после всего этого заявлять, что ты — воплощение древнего пророка Илии.

В Индии тысячи людей объявляют себя воплощениями, пророками и *тиртханкарами*, но они должны доказать это своей жизнью. Может быть, они жулики, с большинством из них это так и есть — но даже в этом случае никто не может вести себя как Адольф Гитлер и при этом утверждать, что он пророк и религиозный человек.

Однажды мне пришло письмо от главы американской нацистской партии, где он писал: «Мы слышали, как Вы высказываетесь против Адольфа Гитлера. Это оскорбляет наши религиозные чувства». Я редко чему-нибудь удивляюсь, но тут я удивился: их религиозные чувства! «Поскольку для нас Адольф Гитлер — это пророк Илия, мы надеемся, что в дальнейшем Вы не будете выступать против него».

Просто немислимо, чтобы такое произошло в Индии, Китае или Японии. Но в христианских странах это возможно. И не только возможно, это происходит! Если бы Гитлер выиграл войну, то его провозгласили бы победителем над всем мировым злом, и все человечество было бы обращено в христианство. Он бы сделал это, у него было достаточно власти.

Я не уделяю особого внимания христианству, но оно того заслуживает. Эта религия совершила столько зла, принесла столько бед... Даже не верится, что люди все еще поддерживают в ней жизнь. Церкви нужно уничтожить, Ватикан — разрушить до основания. Эти люди больше не нужны. Все, что они делали, они делали неправильно. Другие религии тоже грешат этим, но по сравнению с христианством их грехи ничтожны.

Христианство долго использовало нищету людей для обращения их в свою веру. Да, буддизм тоже привлекал новых верующих, но они появлялись не потому, что люди голодали, а им давали еду. И после того, как люди были накормлены, они чувствовали себя обязанными. Если вы даете им одежду, предоставляете им какие-то услуги — даете образование детям, строите больницы, — естественно, они будут чувствовать себя обязанными вам. И потом вы спрашиваете их: «А что для вас сделал индуизм? И что сделал для вас буддизм?»

Конечно, ни буддизм, ни индуизм, ни джайнизм никогда не открывали больниц и школ; они никогда не занимались подобной деятельностью. И это — единственный аргумент. Люди чувствуют себя обязанными, поскольку видят, что ни одна другая религия не помогала им, — и становятся христианами. Это — нечестный способ, это подкуп. Это не обращение в веру, людей просто покупают, потому что они бедны. Из бедности извлекают выгоду.

Буддизм обратил в свою веру миллионы людей, и все благодаря своим интеллектуальным качествам. Обращение началось сверху: буддистами становились короли, императоры, знать, великие писатели, поэты и художники. За ними последовали другие, поскольку увидели, что интеллигенция переходит в буддизм. Джайны обращали в свою веру императоров. Они в первую очередь старались убедить сливки общества, высшие его слои, ведь таким образом задача упрощается: простые люди понимают, что если джайнами становятся их владельцы и интеллигенция, то это означает, что старая религия уже не способна отстаивать свои позиции и свою точку зрения. Появилось нечто лучшее — более высокоорганизованное, более логичное и рациональное.

Но христиане по всему миру обрабатывали самые нижние слои общества. А бедняков всегда хватало; но использование бедности для увеличения приверженцев вашей религии — это просто политика, грязная и отвратительная. Политика — это игра чисел. Сколько христиан в мире — настолько велика

ваша власть. Чем больше христиан, тем больше власти в руках христианских священников. Спасение души никого не интересует, им нужно только увеличение населения. Чем постоянно занято христианство? Ватикан рассылает по миру послания против контроля над рождаемостью, где говорится, что использование методов регулирования рождаемости — грех. Аборт, его пропаганда и легализация — это тоже грех.

Думаешь, их заботит судьба нерожденных детей? Нет, им до них нет никакого дела. Они преследуют свои собственные интересы, прекрасно сознавая, что если не будет аборт, если не использовать методы контроля над рождаемостью, то человечество совершит глобальное самоубийство. И нам не так уж далеко от этого самоубийства. В течение ближайших десятилетий численность населения Земли может настолько возрасти, что его выживание будет под большим вопросом. Или начнется третья мировая война... Она может быть более надежным способом решения проблемы. От ядерного оружия люди будут умирать быстрее, легче и с большим комфортом, чем от голода. Голодающий человек может прожить девяносто дней, и все эти девяносто дней будет мучиться. Я знаю, какой был голод в Индии. Матери продавали своих детей за одну рупию. Матери ели своих детей. Ты даже не можешь себе представить, до чего может довести голод.

Но Ватикан продолжает твердить в своих посланиях человечеству: «Аборт — это грех. Контроль над рождаемостью — грех». Но ведь нигде в Библии не сказано, что аборт — это грех. Там нигде не написано, что грешно контролировать рождаемость, потому что такой контроль не требовался. Из десяти детей девять были обречены умереть. Соотношение было именно таким. И в Индии лет тридцать-сорок назад было нечто подобное: из десяти детей выживал только один. Население не было столь многочисленным и не так интенсивно использовало ресурсы Земли. Но теперь даже в Индии из десяти детей умирает один. Медицина помогает людям выжить, христиане продолжают

открывать больницы и раздавать медикаменты, а если ты не будешь использовать противозачаточные средства, тебя похвалит мать Тереза и благословит Папа Римский. В слаборазвитых странах работает несметное количество разных организаций, которые раздают Библии и распространяют дурацкие идеи о том, что контроль над рождаемостью — это грех. Цель заключается в том, чтобы рождалось как можно больше детей, чтобы появлялись новые сироты. Пусть Земля будет перенаселена, пусть будет много бедняков, и тогда христианство сможет стать всемирной религией.

Это было главной целью христиан на протяжении двух тысяч лет. Эту цель нужно разоблачить. Она антигуманна. И если я критикую христианство, то на это есть причины.

Богач, бедняк: взгляд на корни бедности и жадности

Нельзя уничтожить бедность, сказав лишь «Блаженны страждущие, ибо их есть Царство Божие». Иначе за две тысячи лет христианство ликвидировало бы бедность. Но бедность все увеличивается, и растет количество «блаженных». По правде говоря, этих «блаженных» должно быть так много, что если разделить между ними богатства царства Божьего, то они опять окажутся бедняками. Каждому из них достанется не так уж много. И все, кто получил свою долю в царстве Божием, сделают бедняком и самого Бога. Это будет компания обедневших владельцев акций.

Изменило ли христианское учение природу бедности за те две тысячи лет, которые оно существует? Нет. Христианство добилося только одного — оно убило в бедняках революционный дух. Бедность продолжает стремительно распространяться.

К котловану, где работала бригада рабочих, подошел адвокат. Он позвал Тимоти О'Тула.

— Кто там хотел меня видеть? — раздался грубый голос.

— Мистер О'Тул, — сказал адвокат, — вы из Кастлбара, что в графстве Майо?

— Ну да.

— Вашу мать звали Бриджит, а отца — Майкл?

— Точно.

— Тогда мой долг сообщить вам, — сказал адвокат, — что ваша тетушка Мэри из Айовы умерла и оставила вам наследство в 150 тысяч долларов.

Внизу на несколько мгновений воцарилась тишина, потом последовало оживление.

— Вы идете, мистер О'Тул? — позвал адвокат.

— Минуточку, — проревел тот в ответ. — Перед тем как уйти, я поквитаяюсь с нашим бригадиром.

О'Тул промотал 150 тысяч за шесть месяцев.

Больше всего он старался насытить свою огромную унаследованную жажду богатства. Потом он вернулся на свою работу. Через некоторое время его там снова отыскал адвокат.

— Мистер О'Тул, теперь я пришел по поводу вашего дяди Патрика, — сказал адвокат. — Он умер в Техасе и оставил вам 80 тысяч долларов.

О'Тул тяжело оперся на свою кирку и устало покачал головой.

— Пожалуй, я не смогу принять их, — сказал он. —

Я не настолько силен, как раньше, и сомневаюсь, что могу переварить такую кучу денег и выжить после этого.

Вот что случилось на Западе. Людям Западе удалось достичь того уровня изобилия, о котором веками мечтало все человечество. Западу удалось разбогатеть с материальной точки зрения, и теперь Запад устал, он изнывает от скуки. Все душевные силы ушли на то, чтобы достичь этой цели. Снаружи доступно все, но контакт с внутренним утрачен. Теперь есть все, что может

понадобиться человеку, но нет самого человека. Есть владения, но нет хозяина. Образовался огромный дисбаланс. Есть изобилие, но люди совсем не чувствуют своего богатства, наоборот, они ощущают себя крайне обездоленными и бедными.

Подумай об этом парадоксе: только когда ты богат во внешнем мире, в сравнении с этим достатком к тебе приходит осознание твоей внутренней бедности. Когда ты беден, тебе не придет в голову задуматься о твоей внутренней бедности, поскольку отсутствует контраст. Белым мелом мы пишем на черных досках, а не на белых. Почему? Потому что видно будет только на черной доске. Нужен контраст.

Лишь когда вы богаты внешне, приходит внезапное осознание: «Внутренне-то я бедняк, нищий». Тенью мелькает ощущение безнадежности: «Все, чего хотел, достиг, все фантазии и мечты сбылись — и ничего не произошло, нет ни удовлетворения, ни счастья». Люди зашли в тупик, и у них возникает вопрос: как мы можем снова наладить контакт с самими собой?

Медитация — это не что иное, как возвращение твоих корней обратно в твой внутренний мир. Вот почему люди на Западе все больше интересуются медитацией, ее восточными традициями.

Но нужно помнить следующее: когда Восток был богат, он тоже интересовался медитацией. Вот почему я не против богатства, я не думаю, что в бедности есть какая-то духовность. Я категорически против бедности, поскольку любая страна, которая становится бедной, сразу теряет контакт с любой медитацией и со всеми духовными усилиями. Когда страна становится бедной внешне, она перестает осознавать свою внутреннюю бедность.

Вот почему у бедняков Индии можно увидеть некое довольство жизнью, которое не найдешь на Западе. Это не настоящее удовлетворение, у них отсутствует осознание внутренней бедности. Я видел тысячи бедняков на Востоке — их довольство жизнью не настоящее, но одно верно: они не осознают свою

неудовлетворенность, поскольку для того, чтобы ее осознать, нужно внешнее богатство.

Без него никто не может прийти к осознанию внутренней неудовлетворенности. И тому есть множество доказательств. Все мистики, аватары индусов были королями или принцами. Все мастера-джайны происходили из королевских семей; это же можно сказать и о Будде. Все три великие индийские традиции дают нам бесчисленные доказательства. Почему Будда почувствовал неудовлетворенность, почему он пустился на поиски медитации? Потому что он был богат. Он жил в достатке; он смог насладиться всей возможной роскошью, комфортом и всеми радостями материального мира. Но вдруг он понял — ему было двадцать девять лет, когда он осознал, что внутри него — пустота. Когда снаружи идет свет, он проявляет твою внутреннюю темноту. Лишь маленькое пятнышко на белоснежной рубашке уже хорошо заметно. Вот что случилось. Он убежал из дворца. То же самое произошло и с Махавирой, он тоже сбежал из дворца. С нищими такого не случается. Во времена Будды тоже были нищие, но они не отказывались от всего, чтобы пуститься на поиски правды. Им не от чего было отказываться, они были довольны. Будда почувствовал неудовлетворенность.

Когда Индия была богатой, гораздо большее количество людей интересовались медитацией; по существу, медитацией интересовались все. Потом страна обеднела, причем настолько, что контраст между внутренним и внешним исчез. Бедность была и внутри, и снаружи. Внутреннее и внешнее обрели согласие между собой — они оба стали бедны.

Но люди привыкли думать, что в бедности есть что-то духовное. Я против любой бедности. Бедность — это не духовность, из-за нее духовность исчезает.

Я хотел бы, чтобы весь мир стал настолько изобильным, насколько это возможно. Чем больше будет богатых людей, тем более велика вероятность того, что они станут духовными. Им придется стать такими; они не смогут этого избежать. Лишь

тогда появится настоящее удовлетворение. Тогда внешнее богатство встретится с богатством внутренним и родится новая гармония — тогда наступит настоящее удовлетворение. Когда внешняя бедность сталкивается с внутренней, появляется фальшивое довольство. Гармония возможна только в двух случаях. Когда внешнее и внутреннее находятся в согласии, человек чувствует себя удовлетворенным. Бедняки в Индии выглядят довольными жизнью, поскольку их бедность везде — и внутри, и снаружи. Там есть чудесная гармония, внутреннее и внешнее хорошо сочетаются — но это довольство уродливо, на самом деле это нехватка самой жизни, недостаток жизненной энергии.

Богатый Запад обречен заинтересоваться медитацией, ему этого не избежать. Вот почему христианство теряет свои позиции в сознании западных людей. Христианство никак не развивало науку медитации. Оно осталось весьма посредственной религией; то же можно сказать и об иудаизме. В прошлом Запад был беден. Вот почему эти религии сохранили свою посредственность. До недавнего времени большая часть Запада жила в бедности. Когда Восток процветал, Запад оставался бедным. Иудаизм, христианство и мусульманство — все эти неиндийские религии были рождены в бедности. Они не могли разработать технику медитаций, поскольку им это было не нужно. И, по большей части, они так и остались религиями бедняков.

Теперь Запад разбогател, и возникло некое несоответствие. Их религии были рождены в бедности, и богачам им предложить нечего. Богатому, образованному человеку эти религии кажутся несерьезными, они не дают удовлетворения, так как просто не способны на это. Восточные религии рождены среди богатства — вот почему западное сознание все больше ими интересуется. Да, сейчас очень популярна религия Будды; дзэн распространяется со сверхъестественной быстротой. Почему? Потому что он был рожден богатством. В психологии современного богатого человека и психологии буддизма есть

много общего. Запад находится в том же положении, что и Будда, когда он заинтересовался медитацией. На путь поиска стал богатый человек. То же самое произошло и с индуизмом, и с джайнизмом. Все три великие индийские религии были рождены изобилием; и тяга к ним Запада — неизбежна.

А тем временем Индия потеряла связь со своими собственными религиями. Теперь она не может себе позволить понять Будду — Индия стала бедной страной. Бедных индусов обращают в христианство. Богатые американцы становятся буддистами, индуистами, последователями веданты. А неприкасаемые, бедняки, беднейшие из беднейших в Индии становятся христианами. Ты улавливаешь мою мысль? Эти религии чем-то притягивают бедняков. Эти люди живут в почти что бессознательном состоянии — они слишком голодны, чтобы медитировать, единственное, что их интересует, — хлеб, одежда и место для ночлега. И вот когда приходит христианский миссионер и открывает больницу или школу, на индусов это производит огромное впечатление — вот она, «духовность». Когда я говорю о медитации, им это не интересно; и не просто «неинтересно», они возражают: «Что это за духовность? А что ты делаешь, чтобы помочь бедным?» И я понимаю — им нужен хлеб и жилье, им нужна одежда.

Но ведь причина их страданий — в их собственных головах. С одной стороны, им нужен хлеб, жилье, одежда, лучшие дома, лучшие дороги, а с другой — они продолжают почитать бедность как нечто «духовное». Они слепы вдвойне. Пока Восток не может заниматься медитациями. Сначала ему нужно немного усовершенствовать свое физическое бытие, для чего нужны научные технологии. Точно так же как Западу нужны религиозные технологии, Восток нуждается в технологиях научных.

Я выступаю за единый мир, где Запад может удовлетворить потребности Востока, а Восток — Запада. Слишком долго Восток и Запад жили раздельно; в этом больше нет необходимости. Мы подошли к критическому рубежу, когда

вся земля может и должна стать единой; ведь только так она сможет выжить.

Дни отдельных наций сочтены, время разделения и политики прошло. Мы движемся к совершенно новому миру, новому этапу в развитии человечества, когда весь мир будет един и человечество будет единым целым. Тогда произойдет огромный выброс творческой энергии.

Восток обладает сокровищами духовных техник, а на Западе есть богатства научных технологий. Если им удастся объединиться, этот мир может превратиться в рай. Теперь не нужно искать рай в других мирах, впервые мы можем создать его здесь, на Земле. А если мы не создадим его, то отвечать за это будем только мы, и никто другой.

Я выступаю за единый мир, единое человечество и в конечном счете за единую науку, которая будет заниматься и тем, и другим. Я выступаю за синтез религии и науки, который будет изучать и внутреннее, и внешнее.

? Не является ли препятствием для предполагаемой Тобой встречи Востока и Запада стремление человека накапливать и хранить горы материальных ценностей?
• Может быть, система, подобная коммунизму, полезна для более равномерного распределения материальных благ по всему миру?

Бедняк и богатч зависят друг от друга, богатч не может существовать без бедняка. Ведь совсем несложно — и при нынешнем развитии технологий это было бы простой гуманитарной операцией — произвести столько материальных благ, что уже не будет ни бедных, ни голодающих. Но все происходит с точностью до наоборот.

В Америке, самой богатой стране мира, недоедает тридцать миллионов человек. И вы, наверное, удивитесь: в той же Америке тридцать миллионов людей страдают ожирением.

Они сидят на диетах, они стараются изо всех сил сбросить вес. В Америке живет несколько самых толстых людей мира. Вот простая арифметика: эти тридцать миллионов толстяков съедают еду тех тридцати миллионов, которые недоедают!

Мы можем произвести достаточно материальных благ, даже гораздо больше, чем нужно, чтобы исчезла сама необходимость в их накоплении. Тебе же не нужно хранить запасной воздух. Конечно, ты бы хранил его, окажись ты на Луне; там у тебя на спине висел бы баллон с кислородом, потому что на Луне кислорода нет. В пустыне ты запасался бы водой. Люди, живущие в пустыне, ведут сражения за крохотные оазисы, даже убивают друг друга за воду. Но за пределами пустыни никто за воду не сражается, ведь ее достаточно для всех.

Устройство общества я вижу иначе — это и не коммунизм, и не капитализм. Обществу нужна суперкапиталистическая система, причем она автоматически превратится в коммунистическую. Никакая революция не понадобится. Нужна не революция, а *эволюция*. Революция никогда не была наилучшим выходом. Лучше всего эволюция, постепенный рост.

Если большинство людей бедны и лишь немногие богаты, это означает только то, что материальных благ недостаточно. И нужно приложить все усилия, чтобы создать больше таких благ, — их можно создать; нет никаких причин, почему это было бы невозможно. И когда материальные блага созданы, причем их больше, чем нужно, тогда кому придет в голову их накапливать?

Сами по себе исчезнут многие явления, которые мы не могли искоренить в обществе ранее. Исчезнет бедность, исчезнет воровство. Больше не нужны будут полицейские, и судьям можно будет найти лучшее применение. Тысячи юристов, которые просто тратят свое время и деньги клиентов, тоже больше не нужны.

Мы не видим природы вещей; мы просто убираем симптомы, но они снова возвращаются. Нам нужно разглядеть глубинные причины. Почему в Америке такой высокий уровень преступ-

ности? Там, должно быть, очень много искушений совершить преступление. Эти искушения можно очень легко убрать.

Посмотри на мои часы. Правда, тебе захотелось иметь такие же? Конечно, тебе хочется, ведь ты не знаешь, что на них простые камни, а не бриллианты. Они ничего не стоят. Когда обычные камни могут служить так же, как и бриллианты, то какой дурак будет гоняться за бриллиантами? Ты видишь какую-то разницу? Часы с бриллиантами могут стоить четверть миллиона долларов — точно такие же часы, как у меня. Эти часы сделали мои друзья, используя только искусственные камни. Работают эти часы так же точно, как и любые другие, — за один год набегают погрешность в одну секунду. Ведь сейчас очень легко сделать часы такой точности. В часах за миллион долларов и за десять долларов используются одинаковые батарейки. Электрическая батарейка изменила саму идею часов.

Но если камни — самые настоящие — могут делать ту же работу, что и бриллианты, зачем создавать ненужные искушения? Сделай больше часов и бижутерии с красивыми камнями — и исчезнет искушение иметь бриллианты. Цены на бриллианты упадут. По большому счету, бриллианты — это ведь тоже камни. Мы создаем искушения для преступлений, а потом наказываем преступника, а не того, кто искушение создал. Наказывать нужно обоим!

Но лечат только симптомы, а не причины. Однако симптомы появятся снова. Это антинаучно! Вместо того чтобы создавать все новые материальные блага, государства делают оружие — ракеты, ядерные боеголовки — и накапливают их — зачем? Вы что, хотите совершить глобальное самоубийство? Тогда зачем все эти траты денег и времени? Если человечество решило покончить с собой, то для этого есть способы попроще.

На гонку вооружений по всему миру тратится семьдесят пять процентов нашей энергии. Разве мы стали служить смерти и разрушениям? Эти семьдесят пять процентов энергии можно было направить на службу людям — и на свете стало

бы больше смеха, больше здоровых, богатых и сытых людей. Исчезла бы бедность.

Нет никакой необходимости в том, чтобы на свете была бедность.

? Ты критиковал религии, но разве они не играют важную роль в преодолении бедности? Существует так много религиозных организаций, которые бескорыстно помогают бедным.

Все существующие религии учат помогать ближнему, причем совершенно бескорыстно. Но я думаю, корысть, эгоизм — это совершенно естественное явление. Бескорыстие — это нечто навязанное тебе; а эгоизм — часть твоей природы. До тех пор пока твое «я» не растворится в Универсуме, ты не можешь быть по-настоящему бескорыстным и неэгоистичным. Ты можешь делать вид, но ты будешь лишь притворщиком, а я не хочу, чтобы люди так себя вели. Это немного сложно, но все же можно понять.

Во-первых, эгоизм — часть твоей природы. Мы должны это принять. И поскольку это часть твоей природы, он должен служить какой-то важной цели, иначе его не существовало бы в природе. Именно благодаря эгоизму ты выживаешь, заботишься о себе; иначе человечество давно бы уже вымерло.

Представь себе неэгоистичного ребенка, он таким родился. Такому ребенку не выжить, он погибнет, ведь даже дыхание — и то эгоистично. А как эгоистично есть, когда на свете миллионы голодающих! Вы едите? Вы здоровы, когда миллионы людей болеют и умирают? Если ребенок рождается без эгоизма как естественной части его природы, он обречен на гибель. Когда к тебе подползает змея, то зачем же от нее убегать? Дай ей укусить себя. Именно твой эгоизм и себялюбие пытаются защитить тебя — иначе ты становишься легкой добычей змеи. Когда на тебя прыгает лев и пытается тебя убить, не сопротивляйся! Ведь это так бескорыстно! Лев голодный, а

ты для него — хороший обед. И кто ты вообще такой, чтобы вмешиваться? Тебе не следует себя защищать, ты не должен бороться. Просто подай себя льву на блюде — вот это будет бескорыстно. Все религии учат неестественному поведению. Это одна сторона вопроса.

Я же учу тому, что естественно. Я учу тебя быть естественным, абсолютно и бесстыдно. Да, я учу эгоизму. Никто до меня об этом не говорил; у них просто не хватало на это духу. При этом все они были эгоистичны; вот что самое удивительное. Почему джайнский монах себя истязает? У него есть мотивация. Он хочет достичь абсолютного освобождения и всех радостей, которое оно приносит. Он ничем не жертвует, он просто заключает сделку. Он — бизнесмен. В его священных книгах сказано: «Тебе воздастся сторицей». Эта жизнь на самом деле очень коротка — семьдесят, восемьдесят лет, это совсем немного. Если вы жертвуете семьюдесятью годами удовольствий и взамен получаете вечность удовольствий, то это неплохая сделка. Я не думаю, что это бескорыстно.

Так почему же все религии учат тебя служить человечеству? Какие у них мотивы, в чем их цель? Что ты от этого выиграешь? Наверное, таким вопросом ты никогда не задавался. Это не служба человечеству...

Мне нравится одна очень старая китайская легенда.

Человек упал в колодец. Это случилось на большом празднике, где собралось много народу. Было очень шумно, люди веселились, танцевали, пели, происходило много всего интересного, и никто не заметил, как человек упал. В те времена в Китае колодцы не были огорожены защитными стенами. Это были просто открытые ямы в земле, без всякой защиты. Если не знать, что там колодец, можно было просто оступиться в темноте и упасть.

Человек закричал:

— Спасите!

Мимо проходил буддийский монах. Я не знаю, что он там делал: буддийскому монаху, конечно, праздник был не нужен,

ну или так считается, что монахам празднества не интересны. Правда, даже то, что монах там был, говорит о его бессознательном желании увидеть, что происходит, как люди веселятся. «Все они попадут в ад, я тут один-единственный, кто попадет в рай».

Идет он мимо колодца и слышит крик человека. Он смотрит вниз. Человек говорит:

— Как хорошо, что ты меня услышал. Все так заняты, кругом так шумно, я боялся, что умру.

Буддийский монах отвечает:

— А ты таки умрешь, ведь то, что с тобой сейчас происходит, случилось из-за твоего плохого поступка в прошлой жизни. Теперь ты получаешь возмездие, так прими же его и погибни! Это хорошо; в следующей жизни ты все начнешь сначала, и тебе уже не нужно будет падать в колодец.

Человек отвечает:

— Мне сейчас не нужны твои мудрые мысли и философия...

Но монах удалился.

Следующим мимо проходил даос. Ему захотелось пить, и он заглянул в колодец. Человек все еще звал на помощь. Даос говорит:

— Ты ведешь себя не по-мужски. Нужно принимать все, что с тобой происходит, — так говорил великий Лао-цзы. Так прими же это! Получай от этого удовольствие! Ты кричишь, как женщина. Будь же мужчиной!

Человек говорит:

— Я согласен, называй меня женщиной, но сначала, пожалуйста, помоги мне! Я веду себя не по-мужски, хорошо, потом ты можешь сказать мне все, что пожелаешь. Но сначала вытащи меня.

Но даос ответил:

— Мы никогда не вмешиваемся в чужие дела. Мы верим в человека и его свободу. Ты был свободен упасть в колодец, теперь ты свободен умереть в нем. Все, что я могу, — это

предложить тебе выбор: ты можешь умереть с криками и стонами. Это глупо. Или ты можешь умереть как мудрец. Прими это, наслаждайся этим, пой песни и покинь этот мир. Ведь умрут все, так какой же смысл тебя спасать? Я умру, все умрут — может быть, завтра, может послезавтра, какой смысл напрягаться и спасать тебя?

И он тоже ушел.

Идет мимо конфуцианец, у человека появляется надежда, потому что они более открыты миру, более приземлены. Он кричит:

— Как мне повезло, что ты пришел, о ученый конфуцианец! Я знаю тебя, я слышал твое имя. Теперь сделай для меня что-нибудь. Ведь Конфуций говорил «Помогай людям»!

После реакции буддиста и даоса человек подумал: «Лучше, если я буду говорить философски. Этим людям нужно убеждать, чтобы они помогли мне». И он сказал: «А Конфуций говорит: "Помогай людям"».

Монах-конфуцианец отвечает:

— Ты прав. И я помогу. Я пройду по городам, буду протестовать и заставлю правительство построить защитные стены вокруг всех колодцев в стране. Так что не переживай.

Человек сказал:

— Но к тому времени, как возведут защитные стены и твоя революция достигнет цели, я погибну.

Конфуцианец говорит:

— Не важно, что будет с тобой и со мной, отдельные люди не имеют значения — важно только то, что происходит с обществом. Упав в колодец, ты обнажил очень важную проблему. Теперь мы будем вести борьбу. А ты успокойся и сиди тихо. Мы увидим, как вокруг колодцев возводятся защитные стены, и туда уже никто не упадет. А что мы получим, просто спасая тебя? У нас в стране миллионы колодцев, и в них могут упасть миллионы людей. Так что не думай о себе, поднимись над своим эгоизмом. Я собираюсь служить человечеству. Ты уже сослужил большую службу, когда упал в этот колодец, а

я собираюсь послужить, принудив правительство возвести защитные стены.

И конфуцианец пошел дальше.

Но конфуцианец поднял важный вопрос: «Ты — эгоист. Ты просто хочешь, чтобы я тебя спас и потратил на тебя свое время, которое я мог бы посвятить служению всему человечеству».

А ты знаешь, где живет это самое «человечество», ты видел когда-нибудь «общество»? Это всего лишь слова. Существуют только отдельные люди.

Четвертым шел христианский миссионер. У него на плече висела сумка, которую он мгновенно раскрыл, достал веревку и бросил ее в колодец; человек еще не успел ничего сказать, а миссионер уже бросил ему веревку. Человек удивился. Он сказал:

— Похоже, что твоя религия — самая настоящая.

Миссионер ответил:

— Конечно. Мы готовы к любым неожиданностям и опасностям. Мы знаем, что люди могут падать в колодцы, и, чтобы их спасти, я ношу с собой эту веревку — ведь только спасая их, я могу спасти себя. Но я обеспокоен — я слышал, что сказал конфуцианец, — не нужно возводить вокруг колодцев защитных стен; а то как же я буду служить человечеству? Как же мы будем вытаскивать людей из колодцев? Сначала они должны туда упасть, только тогда мы можем их вытащить. Мы существуем для того, чтобы служить, но для этого должны представляться возможности. Как же мы можем служить людям, если для этого нет никаких поводов?

Все религии, которые говорят о «служении», конечно же, заинтересованы в том, чтобы человечество оставалось бедным, чтобы люди по-прежнему нуждались в помощи. Им нужно, чтобы существовали сироты, вдовы, старики, о которых никто не заботится, нищие. Такие люди нужны, очень нужны. Иначе что случится со всеми этими великими слугами человечества?

Что произойдет со всеми этими религиями и их учениями и как люди будут зарабатывать право войти в Царство Божие? Всех этих бедняков и страдальцев необходимо использовать в качестве лестницы. И ты называешь это бескорытием? Разве тот миссионер бескорыстен? Он спасает человека, но не ради него самого; он спасает его *ради себя*. Эгоизм тут кроется где-то очень глубоко, но он прикрыт прекрасными словами «бескорытие», «служение».

Однако почему такое служение необходимо? Почему такая необходимость должна существовать? Неужели мы не можем разрушить все эти поводы и возможности для служения? Мы можем, но религии очень рассердятся. Если никто не будет бедствовать, голодать, страдать, болеть, исчезнет сама основа их существования. Это же их бизнес!

Наука может воплотить это в жизнь. Сейчас все зависит только от нас. Это могло произойти давным-давно, если бы религии не пытались остановить каждого, кто приносил новые знания, способные разрушить все возможности для «служения». Религии выступали против научного прогресса — им нужно, чтобы проблемы существовали и дальше. Их потребности крайне эгоистичны, и у них есть причина. У них есть цель.

Служение — это гадкое слово. Никогда его не используй. Да, ты можешь поделиться, но никогда не унижай людей своим «служением». Это разновидность унижения. Когда ты кому-нибудь служишь, ты чувствуешь собственную важность, а другого низводишь на уровень червя, недочеловека. Ты настолько выше всех, ведь ты пожертвовал своими собственными интересами и «служишь бедным» — что просто унижает их.

Если у тебя есть что-то, что дарит тебе радость, покой, экстаз, поделись этим. И помни: когда ты делишься, у тебя для этого нет никакой причины. Я не говорю, что таким образом ты достигнешь рая, я не ставлю перед тобой никакой цели.

Я говорю о том, что ты наиболее полно выразишь себя, когда просто поделишься. В самом этом действии есть реализация твоей личности, за этим не стоит никакой цели. Оно не целенаправлено, оно и есть цель. Ты не будешь чувствовать себя обязанным человеку, который готов поделиться с тобой. У тебя не будет ощущения, что тебе кто-то должен, — ты не «служил».

Только те люди, которые верят в то, что можно *делиться*, а не *служить*, могут уничтожить все эти ужасные поводы для служения, которые можно найти по всему свету. Все религии используют эти поводы, но то, что они делают, называется красивыми именами. За тысячи лет они наловчились давать красивые имена отвратительным вещам. А когда так поступаешь, существует вероятность, что ты сам можешь забыть о том, что это было всего лишь прикрытие. Внутренняя сущность не изменилась.

Все эти проблемы можно решить. Никакие служители общественному благу, миссионеры и тому подобные деятели не нужны. Нам нужно больше информации по каждой проблеме и варианты ее решения. Итак, я учу эгоизму. Я хочу, чтобы прежде всего вы цвели на радость самим себе. Да, это окажется эгоизмом. Тут я не возражаю, как по мне, здесь все нормально. А когда расцветает роза, она эгоистична? А когда цветет лотос, он тоже эгоист? А солнце, когда оно светит? Почему тебя должен заботить твой эгоизм?

Ты родился — и это только возможность, начало, а не конец. Ты должен цвести. Не трать время на это дурацкое служение. Твоя первая и главная обязанность — цвести, достигнуть полного понимания, осознания и готовности; и достигнув этого, ты увидишь, чем ты можешь поделиться и как решать проблемы.

Девяносто девять процентов мировых проблем можно решить. Наверное, один процент решить нельзя. Тогда ты можешь поделиться с этими людьми всем, что у тебя есть, но вначале у тебя должно быть то, чем можно поделиться.

? Я начинаю замечать, что большую роль в моей жизни играет жадность и страдания, которые она приносит.

- Не мог бы Ты поподробнее рассказать о том, что же это за штука такая — жадность и откуда она берется. Может быть, Ты посоветуешь, как мне помочь?

Достаточно лишь понять природу жадности. Чтобы от нее избавиться, тебе больше ничего не нужно; само понимание этой природы все расставит на свои места.

Если ты живешь в гармонии со Вселенной — ты наполнен; если же ты с ней не в ладу, тогда внутри тебя пусто, и пустота эта бесконечна. От этой-то пустоты и приходит жадность. Она появляется, чтобы пустоту заполнить — деньгами, домами, мебелью, друзьями, любовниками — да чем угодно, ибо человек не может жить с ощущением вакуума внутри. Это просто ужасно, это жизнь привидения. Когда ты пуст и внутри тебя ничего нет, жизнь невозможна.

Есть только два способа почувствовать внутреннюю наполненность. Ты можешь жить в гармонии со Вселенной — тогда ты наполнен всем сущим, всеми цветами и всеми звездами. Они существуют внутри тебя, так же, как и без тебя. Это настоящая наполненность. Но если ты не сделал этого — а этого не делают миллионы людей, тогда проще всего заполнить внутреннюю пустоту всяким хламом.

Когда-то я жил у одного человека. Он был богат, у него был прекрасный дом, и случилось так, что он заинтересовался моими идеями. Он послушал несколько моих лекций и пригласил меня погостить у него в доме. При этом он сказал: «Зачем тебе так далеко жить, за городом? У меня хороший дом в городе, он такой большой: ты можешь занять половину дома. Я не возьму с тебя платы, я просто хочу, чтобы ты у меня пожил».

Я жил за городом в горах, но добираться до университета было довольно сложно, а от его дома до университета было рукой подать. У него был прекрасный сад, а дом находился в лучшем предместье города. Итак, я принял приглашение. Но

когда я попал в этот дом, я не поверил своим глазам: там было собрано столько хлама, что совсем не оставалось места для жизни. Дом был большим, но коллекция была еще больше — и эта коллекция была невероятно дурацкой! Он покупал все, что попадалось ему под руку. Я его спросил:

— Что ты собираешься делать со всеми этими вещами?

Он ответил:

— Никогда ведь не знаешь, что может пригодиться.

— Но где же в этом доме жить? — спросил я.

Там было невообразимое количество мебели самых разных периодов. Когда европейцы уезжали из Индии, им приходилось продавать все свои вещи. Этому человеку все было мало, он умудрялся скупать все, даже то, что ему было совершенно не нужно. У него в гараже стояла машина, просто стояла, потому что она была сломана. Я его спросил:

— Почему бы тебе ее не выбросить? Хоть место освободишь.

— А она в гараже неплохо смотрится, — ответил он.

Все шины у этой машины были пробиты, толку от нее не было никакого. Чтобы передвинуть ее с места на место, ее нужно было толкать. Она просто гнила там. Но мой знакомый сказал:

— Я ее купил по хорошей цене.

Хозяйкой этой машины была старушка, которая работала здесь няней. Теперь она уехала в Англию.

— Если ты собирался купить машину, то по крайней мере ты мог купить такую, которая ездит! — воскликнул я.

— А мне не хочется водить машину, — ответил он, — меня вполне устраивает мой велосипед.

Велосипед у него тоже был выдающийся. Он так грохотал при езде, что о его приближении все догадывались за километр. У него не было ни крыльев на колесах, ни защитного чехла на цепи. Наверное, это был самый древний велосипед из всех известных человечеству. Звонка на нем тоже не было. Мой знакомый сказал:

— Тут не нужен звонок. Мой велосипед такой шумный, что люди разбегаются за полкилометра. И это здорово, ведь его нельзя украсть — никто, кроме меня, не может на нем ездить. Его крали два раза, и вора очень быстро ловили, ведь от него столько шума. К тому же все знают, что это мой велосипед. Я могу оставить его где угодно. Я иду в кино и не ставлю его на стоянку для велосипедов, за нее же нужно платить. А я могу его поставить где вздумается, и когда возвращаюсь, он всегда на месте. Все знают, что с моим велосипедом будут одни неприятности, так что лучше не связываться. Это раритет.

Чего у него в доме только не было... К примеру, поломанные радиоприемники. Он купил их по очень дешевой цене. Он был джайном, но у него хранилась поломанная статуэтка распятия Иисуса. Я его спросил:

— Зачем ты ее купил?

— Мне ее бесплатно отдала та женщина, у которой я покупал машину, — она мне ее предложила в качестве подарка. Я не верю в Иисуса Христа, но не мог отказаться от произведения искусства, — ответил он.

Я сказал ему о своем условии:

— Если я буду жить в этом доме, мои комнаты должны быть пустыми.

Он с радостью забрал все вещи из моих комнат. В доме уже было не повернуться, но он все забрал на свою половину. У него было так много мебели, что часть он сложил кучей на диван, так что сидеть на нем уже было нельзя. Я спросил его:

— Зачем?

— Ты не понимаешь, — ответил он, — я купил все эти вещи по такой хорошей цене! Когда-нибудь я женюсь, у меня будут дети. Им все это может пригодиться. Не беспокойся, когда-нибудь это понадобится.

Он подбирал даже то, что валялось на дороге, выброшенное кем-то за ненадобностью. Однажды мы шли с ним из сада к дому. Он заметил лежавший на земле руль от велосипеда и подобрал его. Я его спросил:

— Что ты с ним будешь делать?

— Сейчас я тебе покажу, — ответил он.

Я пошел за ним в его ванную. Там стоял почти собранный велосипед — ему не хватало всего нескольких деталей.

— Все части этого велосипеда я подобрал на дороге, — сказал он. — Я их собираю и соединяю между собой. Сейчас не хватает всего парочки деталей. Нет цепи и сидения, но я их достану. Когда-нибудь их выбросят. У меня впереди долгая жизнь, так что же тут плохого? В ванной велосипед отлично смотрится.

Жадность означает лишь то, что внутри ты ощущаешь глубокую пустоту. Ты хочешь заполнить ее любыми средствами — не важно какими. Когда ты это осознаешь, с жадностью уже ничего не нужно делать. Тебе нужно позаботиться о том, чтобы войти в контакт с целым, так исчезает внутренняя пустота. А с ней уходит и жадность.

Это не означает, что отныне ты живешь голым и босым; это значит, что ты живешь не только для того, чтобы накапливать вещи. Когда тебе что-то нужно, ты можешь получить это. Но во всем мире много сумасшедших, которые собирают вещи. Кто-то собирает деньги, хотя никогда не использует их. Странно — вещи нужно использовать. Но если ими не пользуются, значит, в них нет потребности. Эта ситуация принимает различные формы. Люди едят: они не чувствуют голода, но продолжают глотать еду. Они знают, что будут из-за этого страдать, что это приведет к болезням и ожирению, но не могут остановиться. Еда — это тоже процесс заполнения. Итак, есть много способов заполнить пустоту, но все равно она остается пустой, и ты продолжаешь страдать, ведь достаточно никогда не бывает. Тебе нужно еще и еще, и эта жажда бесконечна.

Я не считаю жадность разновидностью желания — это некая экзистенциальная болезнь. Ты не находишься в гармонии с целым. Только это может вылечить тебя, гармония с целым может сделать тебя святым. Интересно, что слово «здоровье»

и слово «святой» происходят от одного корня «целостность»*. Когда ты чувствуешь свое единство с целым, исчезает всякая жадность. А что же делают религии? Они неправильно толкуют жадность как желание, поэтому стараются его подавить: «Не будьте жадными». Тогда случается другая крайность — полное отрицание. Жадный человек копит, а тот, кто хочет от жадности избавиться, начинает все отрицать. Здесь тоже нет предела.

Мастер-джайн Махавира никогда не признавал Гаутаму Будду просветленным по той простой причине, что у того было три комплекта одежды — всего лишь три, причем совершенно необходимых. Один, который вы носите, один нужно постирать, и еще один на всякий случай; может случиться так, что вещи не вернулись из стирки, или еще не высохли, или весь день шел дождь. Так что три — это минимум. Любые непредвиденные обстоятельства, и тебе понадобится еще один наряд. Махавира — категорический противник жадности и возвел это в абсолют — он живет голым. Будда носит чашу для подаяний. Махавира этого не признает, ведь даже такая чаша — это собственность, а просветленный, согласно Махавире, не должен владеть ничем. Чаша для подаяний... она сделана из скорлупы кокосового ореха. Ты раскалываешь кокос напополам, вынимаешь мякоть и из половинок скорлупы у тебя получается две чаши. Это самая дешевая вещь, которую можно себе представить, ведь иначе скорлупу выбросят, есть-то ее нельзя. Неправильно называть человека «собственником» за то, что у него есть такая чаша для подаяний.

Но если жадность воспринимать как желание и упрямо выступать против нее, тогда все можно назвать владением. Махавира жил нагишом, и вместо того, чтобы пользоваться чашей для подаяний, он складывал в чашу свои ладони. Ему было сложно: две его руки были заполнены едой, и ел он как животное, потому что не мог использовать для этого

* Англ. *health* — здоровье, *holy* — святой, *wholeness* — целостность, единство. — Прим. перев.

руки. Ему приходилось ртом брать еду из чаши, сложенной из его рук.

Все на свете едят сидя, но Махавира считал, что, когда ты ешь сидя, ты съедаешь больше. Поэтому он учил своих монахов, что они должны есть стоя. Стоять и есть из своих рук. Один прием пищи — это все, что помещается в твои руки за один раз. Нужно съесть это стоя, и всю еду нужно есть вместе, и сладкую, и соленую. Махавира считал, что таким образом еда становится безвкусной, а наслаждаться вкусом еды — это значит наслаждаться телом, то есть материальным миром.

По моему мнению, жадность — это вообще не желание. Так что тебе ничего не нужно с ней делать. Тебе нужно разобраться с той пустотой, которую ты пытаешься заполнить, и задать себе вопрос: «Почему внутри меня пусто? Все сущее так наполнено, почему же внутри меня пустота? Может быть, я сбился с пути, я больше не иду в том же направлении, я больше не связан с Сущим. Вот в чем причина моей опустошенности».

Так что будь экзистенциален.

Отпусти себя, подойди ближе к реальности в тишине и покое, в медитации. И однажды ты увидишь, что полон, — ты переполнен, тебя наполняют радость, блаженство, благословление. У тебя так этого много, что ты можешь поделиться этим со всем миром, и все еще не исчерпаешься.

Тогда впервые ты не почувствуешь жадности — ни к деньгам, ни к еде, ни к вещам, ни к чему. Ты будешь жить, но исчезнет та вечная жадность, которую невозможно удовлетворить, та рана, которую нельзя исцелить. Ты будешь жить естественной жизнью, и все, что тебе будет нужно, придет к тебе.

Глава 2

Вера versus опыт

Понимание различия между знанием и познанием

Истинная религия — впрочем, как и наука — может быть только единой. Не существует мусульманской, индуистской или христианской физики; это было бы нелепо. Но религии сделали именно это — их стараниями весь мир превратился в сумасшедший дом. Если наука едина, почему бы духовной науке тоже не стать единой? Наука изучает объективный мир, а религия занимается миром субъективным. Они выполняют одну и ту же работу, но делают это в разных областях.

В грядущие, более просвещенные времена религии не будет, будет только два вида науки: объективная и субъективная. Объективная наука будет изучать материальный мир, а субъективная займется миром духовным. Я против религий, но не против *религиозности*. Правда, такая религиозность все еще в зачаточном состоянии. Старые религии будут делать все от них зависящее, чтобы ее уничтожить: ведь рождение духовной науки будет означать смерть для всех этих так называемых религий, которые тысячи лет эксплуатируют человечество. Что же случится со всеми их церквями, синагогами и храмами?

Что будет с их священниками, попами, имамами, их шанкара-чарьями и раввинами? Это же крупный бизнес, и эти люди не допустят рождения истинной религии.

Но в человеческой истории наступили времена, когда хватка старых религий слабеет. Все больше людей только формально отдают дань уважения христианству, иудаизму, индуизму и мусульманству, но, в сущности, ни один мало-мальски образованный человек уже не интересуется всей этой ерундой. Он может сходить в синагогу, церковь или мечеть, но совсем не из религиозных побуждений. Его мотивы — социальные. Посещать синагогу выгодно, так принято, и от этого не будет никакого вреда. Точно так же можно быть членом Ротари или Лайонс-клуба. Все эти религии — старые клубы со своим сложившимся религиозным жаргоном, но, если заглянуть поглубже, ты увидишь, что все там сплошное надувательство, фокус-покус без всякого внутреннего наполнения.

Я — за религию, но она не будет похожа ни на одну религию из тебе известных. Эта религия станет бунтом против всех старых верований. Она не будет продолжать начатое ими дело. Все это уйдет в прошлое, и начнется новая работа — настоящая трансформация человека.

Самая крупная ошибка всех религий состоит в том, что ни одна из них не набралась смелости признать существование реальных, о которых нам не ведомо. Все они притворяются, будто знают все, изображают из себя всеведущих. Почему так случилось? Потому что, если ты признаешься, что чего-то не знаешь, тогда в головах у твоих последователей родится сомнение. Если ты не сведущ в чем-то, то кто его знает? Может, ты и в других вещах не разбираешься. А где гарантии? Вот чтобы обезопасить себя, все они и притворяются всеведущими.

Самое замечательное свойство науки — в том, что она не делает вид, будто знает все. Наука признает, что существуют границы человеческих возможностей. Она знает ровно столько, сколько знает. Она знает и то, что непознанного осталось еще очень много. А самые великие ученые понимают

и более глубинные вещи. Они знают границы познанного, и рано или поздно они узнают границы познаваемого. Они уже на пути к этому. Но величайшие ученые, подобные Альберту Эйнштейну, отдают себе отчет в том, что существует еще и непознаваемое, то, что не будет познано никогда. С этим ничего нельзя поделать, ведь величайшую тайну нельзя втиснуть в рамки простого знания.

Мы — часть бытия. Как же мы можем познать его величайшую тайну? Мы слишком поздно пришли. Свидетелей, присутствовавших в самом начале, среди нас нет. И мы никак не можем полностью отделить себя от бытия и стать просто свидетелями. Мы живем, мы дышим, мы существуем вместе со всем сущим; мы не можем отделить себя от него. Как только мы отделяем себя, мы умираем. Нельзя познать величайшую тайну, не отделив себя, не превратившись в зрителя, который не вмешивается и не привязывается. Это невозможно. Останется нечто, что нельзя познать ни при каких обстоятельствах. Да, его можно почувствовать, но познать — нет. Вероятно, это можно пережить разными способами, но это нечто отличное от знания.

Ты влюбляешься — но можешь ли ты сказать, что *знаешь* любовь? Очевидно, что это нечто совершенно другое. Ты это чувствуешь. Если ты попробуешь ее изучить, она растает в твоих ладонях. Нельзя свести ее к простому знанию. Нельзя сделать ее объектом познания, потому что это не ментальное явление. Любовь живет в твоём сердце. Да, твоё сердце ее знает, но это совершенно другое знание; интеллект не в состоянии понять сердце.

Но внутри тебя есть не только сердце — там есть твоя сущность, источник твоей жизни. Так же, как ты познаешь при помощи разума — а это самая поверхностная часть твоей индивидуальности, — ты познаешь и через свое сердце, которое видит глубже, чем разум. Разум не может проникнуть туда, это для него слишком глубоко. А в самой глубине, еще дальше, чем может проникнуть сердце, лежит твоя сущность,

источник твоей жизни. Этот жизненный источник тоже имеет свой способ познания.

Когда познает разум, мы называем это *знанием*.

Когда познает сердце, это называется *любовь*.

А когда познает твоя сущность, мы называем это *медитацией*.

Все они говорят на разных языках, и перевести с языка на язык невозможно. Чем глубже ты погружаешься, тем сложнее становится переводить, поскольку в самом центре твоего существа нет ничего, кроме тишины. А как перевести тишину в звуки? Как только ты попытаешься это сделать, ты разрушишь тишину. Даже музыка не способна на это. Может быть, музыка подходит ближе всего, но все же это лишь звуки.

Поэзия не подходит так близко, как музыка, ведь слова, как бы прекрасны они ни были, все же остаются словами. В них нет жизни, они мертвы. А как можно перевести язык жизни во что-то мертвое? Да, возможно, в промежутках между словами то тут, то там промелькнет какая-то вспышка, но только меж слов, между строк, но не в словах и строках.

Вот в чем самая крупная ошибка всех религий: они обманули человечество, они нагло притворялись, будто знают все.

Но с течением времени становилось очевидным, что им известно далеко не все. Поэтому они боролись против любого прогресса в знаниях. Когда Галилей обнаружил, что Земля вращается вокруг Солнца, Папа Римский ужасно рассердился. А Папа Римский непогрешим. Он — всего лишь наместник Христа на Земле, но считается непогрешимым. Что же говорить тогда про самого Иисуса, единственного рожденного сына Бога, и что сказать о самом Боге? Но в Библии — а это книга, посланная небесами и написанная самим Богом, — написано, что Солнце вращается вокруг Земли. Значит, Галилей создает проблему. Если он прав, тогда Бог ошибается. И его единственный сын — тоже. Получается, что две тысячи лет наместники сына Божьего на Земле, все эти непогрешимые папы римские ошибались. Один-единственный человек, Галилей, разрушает

все их притязания на истину, обнажает все их притворство. Он должен замолчать. Галилей был уже стар. Он умирал, лежал на смертном одре, но его заставили, почти приволокли на суд Папы Римского, чтобы потребовать его извинений. Папа Римский заявил: «Ты перепишешь свою книжку, потому что в священных писаниях ошибки быть не может. Ты — простой смертный и можешь ошибаться, а Иисус Христос ошибаться не может, сам Господь тоже не может ошибаться, и сотни непогрешимых пап римских — тоже... Ты стоишь перед Господом, его сыном и его наместниками на Земле. Просто поменяй то, что написал в своей книге!»

Галилей, наверное, был человеком с большим чувством юмора, которое я считаю одним из самых замечательных качеств религиозного человека. Серьезными бывают только идиоты; они обречены быть такими. Для того чтобы уметь смеяться, нужно немного ума.

Галилей, наверное, был умным. Он был одним из величайших ученых в мире, но его можно считать и одним из самых религиозных людей. Он сказал: «Да, конечно, Бог не может ошибаться, и Иисус не может ошибаться, и все непогрешимые папы римские, а бедный Галилей всегда может ошибаться. Никаких проблем — я перепишу свою книгу. Но запомните одно: Земля по-прежнему будет вращаться вокруг Солнца. С этим я ничего поделать не могу, она не слушается моих приказов. Что касается моей книги, я внесу в нее изменения, но в примечании мне придется написать, что Земля не выполняет мои приказания, она, как и раньше, вращается вокруг Солнца».

Всем религиям на свете приходится притворяться, что, о чем бы ни шла речь, они в этом разбираются. Причем их знание истинно, по-другому и быть не может.

Джайны говорят, что их пророк и мессия — всеведущ. Он знает все, прошлое, настоящее и будущее, и все, что он скажет, — абсолютная истина. Будда шутил по поводу Махавиры, мессии джайнов. Двадцать пять веков назад они были совре-

менниками. Махавира старел, а Будда был еще молод и способен на шутки и смех. Он был молод и полон энергии; он еще не сформировался. Когда твоя религия получает признание, вокруг нее появляется круг последователей. Будда только заложил основы буддизма. Он мог позволить себе смеяться и шутить, и вот он отпускает шутки про Махавиру, его всемогущество, всеведение и вездесущность. «Я видел, как Махавира стоял около одного дома и просил милостыню, — рассказывал Будда. А Махавира всегда ходил обнаженным и еду добывал подаением. — Я видел, как он стоял перед домом, в котором люди не живут, — продолжал Будда. — В доме никого не было, а джайны говорят про этого человека, что он ведаёт не только настоящее, но и прошлое, и будущее».

Будда сказал: «Я видел, как Махавира прошел рядом и наступил на хвост собаке. Было раннее утро и еще довольно темно. Лишь когда собака подпрыгнула и залаяла, Махавира понял, что наступил ей на хвост. Этот человек всеведущ, но он не знает о том, что прямо на его пути спит собака, и он наступает ей на хвост!»

Но то же самое произошло и с Буддой, когда его религия окончательно сформировалась. Через триста лет после его смерти, когда его изречения были собраны и впервые опубликованы, его ученики совершенно четко заявили, что «все, что здесь написано, является *абсолютной истиной* и навсегда таковой останется».

Религиям не хватило смелости признать, что их знание неограничено, и в этом их основная ошибка. Ни о чем на свете они не смогли сказать: «Мы не знаем». Они настолько невежественны, что продолжают твердить «Мы знаем» и продолжают создавать новые фантомы знаний.

Вот в чем новая религия будет от них отличаться, и отличаться радикально.

Да, изредка появлялись отдельные личности, которые были носителями качеств, присущих настоящей религии. Таким был, к примеру, Бодхидхарма — один из самых замечательных пред-

ставителей рода человеческого. Тысячу четыреста лет назад он отправился в Китай, где прожил девять лет. Вокруг него собирались последователи. Но этот человек не совершал глупостей, свойственных так называемым религиям. Формально он был буддийским монахом, а в Китае буддизм уже был широко распространен. Тысячи буддийских монахов уже оказались в Китае, и, когда они услышали, что сюда идет Бодхидхарма, их охватило ликование, потому что его приравнивали к Будде. Его имя достигло пределов Китая задолго до того, как он появился сам. Даже китайский правитель, великий император Ву, отправился на границу Китая с Индией, чтобы встретить Бодхидхарму.

Именно Ву обратил всех китайцев в буддизм — от Конфуция к Гаутаме Будде. Всю мощь и сокровища страны он отдал в руки буддийским монахам. Это был великий император. Встретив Бодхидхарму, он сказал: «Я ждал встречи с тобой. Я стар, и для меня это большая удача — видеть тебя. Мы ждали много лет. Я хотел бы задать тебе несколько вопросов».

Первый вопрос был такой:

«Все свои сокровища, армии, всех чиновников — словом, все, что я имею, я посвятил распространению буддизма в этой огромной стране. Я построил в честь Будды тысячи храмов».

Он построил один храм, в котором было десять тысяч статуй Будды. Для того чтобы создать этот храм, на камень пустили целую гору. Он спросил: «Что я получу за это в мире ином?»

И вот что ему говорили монахи: «Вы так много сделали для того, чтобы послужить Гаутаме Будде, что, наверное, когда вы перейдете в мир иной, он лично будет вас встречать. Вы столь полны добродетелей, что вас ждет вечность наслаждений».

Бодхидхарма же сказал: «Все, что ты делал, не имеет никакого смысла. Ты даже не начал свой путь, ты не сделал еще ни одного шага. Помни мои слова, ты попадешь в ад».

Император Ву не мог поверить своим ушам: «Я так много сделал, а ты говоришь, что я попаду в ад?»

Бодхидхарма рассмеялся и ответил: «Все твои дела — от жадности, а все, что делается от жадности, не может добавить тебе религиозности. Ты отказался от стольких благ, но ты сделал это с условием. Ты совершаешь сделку; это деловая операция. Тебе хочется заполучить себе место в мире ином. Ты переносишь твой банковский счет из этого мира в тот, просто переводишь свои накопления. Ты хитрый, ведь этот мир быстротечен, завтра ты можешь умереть, а монахи говорили тебе, что в том мире тебя ждет вечность. Так что же ты делаешь на самом деле? Отказываешься от временных сокровищ, чтобы получить вечные, — да, это и вправду хорошая сделка! Так кого ты пытаешься обмануть?»

Когда Бодхидхарма говорил это Ву, вокруг стояли монахи, генералы и мелкие царьки — вассалы императора, стоял весь его двор. Ву был вне себя от гнева. Никто раньше не говорил с ним так.

— Разве верующие люди так разговаривают? — спросил он Бодхидхарму.

— Да, верующие только так и разговаривают, а по-другому говорят люди, которые хотят тебя обмануть. Эти монахи лгали тебе; они давали тебе какие-то обещания. Ты не знаешь, что будет после смерти, и они тоже не знают, но они делают вид, что знают, — ответил Бодхидхарма.

— А кто ты такой, чтобы говорить об этом с такой уверенностью? — спросил Ву.

И знаешь, что ответил Бодхидхарма? Он сказал:

— Я не знаю. Это единственное, чего я не знаю. Я ходил в глубины своего «я», был в самом центре моего существа и вышел таким же невежественным, как и раньше. Я не знаю.

Вот это я называю смелостью.

Ни одной религии не хватило смелости сказать: «Мы знаем вот столько, но очень многого мы не знаем; может быть, в будущем мы узнаем это. Но дальше находится то, что навсегда останется непознанным».

Если бы все эти религии были настолько же смиренны, мир был бы совершенно другим. Человечество не попало бы в беду, не было бы на свете столько страдания. Страдание наполняет все существа на земле. Что толку говорить об аде — мы уже живем в нем здесь. Какие еще страдания могут ждать нас там? А ответственность за все это лежит на твоих так называемых религиозных деятелях. Они продолжают притворяться, играть в одну и ту же игру. На протяжении трехсот лет наука постепенно разрушает их территорию, их так называемое знание, предъявляет миру новые факты, новые реалии; но и Папа Римский, и индуистский шанкарачарья по-прежнему непогрешимы.

Истинная религия будет достаточно скромна и смиренна, чтобы признать: нам ведомо лишь немного, гораздо большего мы не знаем, а что-то останется непознанным навсегда. Вот это «что-то» и есть цель всех духовных поисков. Его нельзя сделать объектом познания, но можно пережить, его можно попробовать, почувствовать на вкус — это само бытие.

Ученый остается отделенным от объекта исследования. Он всегда отделен от этого объекта; именно таким образом знание становится возможным, поскольку познающий отделен от познаваемого. А религиозный человек движется в глубины своей личности, где познающий и познаваемое едины. А когда они едины, знание — невозможно. Да, ты можешь станцевать это, но выразить это словами у тебя не получится. Это может быть в твоей походке, в твоих глазах, в том, как ты смотришь; это может быть в твоём прикосновении и в том, как ты прикасаешься, но этого нельзя выразить словами. Когда дело касается религии, слова абсолютно бессильны. А все эти так называемые религии состоят из сплошных слов. По-моему, это полная чушь! Это их грубейшая ошибка.

И тут я подхожу к следующей мысли, о том, что все эти религии выступают против *сомнения*. На самом деле они боятся сомнения. Только беспомощный разум может бояться

сомнений, ведь сомнение — это вызов, это возможность узнать что-то новое.

Все они убивали сомнение и вбивали в головы людей идею, что если ты сомневаешься, то попадешь в ад, где тебя ждут вечные муки: «Никогда не сомневайся». Самое главное — верить; нужна вера, абсолютная вера — слабая вера не годится, нужна именно абсолютная. И чего вы требуете от человека? Чего-то совсем ему не свойственного. Как человек, обладающий интеллектом, может верить абсолютно? Даже если он попытается внушить себе такую веру, это будет означать, что сомнение где-то рядом; иначе из-за чего вся эта суета? Вопреки каким сомнениям он пытается верить абсолютно?

Сомнение никуда не делось, верой его не уничтожишь. Лишь личный опыт разрушает сомнение.

Они говорят: веруй. Я говорю: исследуй. Они говорят: не сомневайся; я говорю — сомневайся до самого конца, пока ты сам не дойдешь, не узнаешь, не почувствуешь и не *проживешь*. Не нужно подавлять сомнение; оно уйдет само. Тогда тебе не нужно будет верить. Ты же не веришь в солнце, ты не веришь в луну — так почему вы веришь в Бога? Тебе не нужно верить в обычные явления, ведь они здесь, рядом. Утром расцветает роза, к вечеру ее уже нет. Ты это знаешь, здесь о сомнении речь не идет. Эта «вера» в цветок розы есть просто вера, к ней не примешано сомнение. Чтобы ты не запутался между простой верой и верой сложной, я нашел для нее другое слово: это *доверие*. Ты доверяешь розе. Она цветет, благоухает, и вот ее уже нет. К вечеру ты ее уже не найдешь; ее лепестки опали и их унес ветер. И ты знаешь, что расцветут другие розы и снова будут источать свой аромат. Тебе не нужно верить, ты просто знаешь это из своего опыта, ведь вчера розы тоже цвели, и их уже нет. Сегодня они появились снова, и завтра в природе все пойдет своим чередом.

Зачем верить в Бога? Ты не почувствовал его существования ни вчера, ни сегодня... и насчет завтра нет никакой уверенности. А откуда этой уверенности взяться? Ведь вчера

было пусто, сегодня — тоже, а на завтра есть лишь слабая надежда, безнадежное упование. Но именно этому учат все эти религии — убери твои сомнения и верь...

Как только ты уничтожишь сомнение, ты разрушишь что-то очень ценное, ведь именно сомнение поможет тебе задавать вопросы и делать открытия. Разрушая сомнение, ты с корнем вырываешь саму возможность исследования, теперь его не будет. Вот почему так редко в мире рождается человек, который чувствует вечность, который дышит ею, чувствует ее пульс. Это очень редко случается. А кто в этом виноват? Все эти равнины, священники, имамы и шанкарачарьи — виноваты они, ведь они уничтожили сами корни исследования.

В Японии выращивают странные деревья. Возраст у них триста-четырееста лет, а в высоту они — сантиметров двадцать. Целых четыреста лет! Если посмотреть на это дерево, оно выглядит таким древним, но каким-то пигмеем, всего двадцать сантиметров в высоту. Они думают, что это искусство. И вот что они делают: они подрезают корни. У горшка, в котором дерево растет, нет дна, и время от времени они поднимают горшок и обрезают корни. Если корни подрезать, дерево не сможет расти. Оно стареет, но не растет. Оно становится все старше и старше, но ты его искалечил. Оно могло вырасти большим деревом, ведь именно такие деревья бывают священными.

Япония — это буддийская страна, и Гаутама Будда стал просветленным под таким священным деревом. По-английски священное дерево тоже называется «*bo tree*», поскольку под ним Гаутама Будда стал просветленным, достиг состояния *бодхи*, нирваны. Полное название «дерево бодхи» — *bodhi tree*, но обычно его называют священным деревом — «*bo tree*». Так вот, большинство этих японских деревьев — это священные деревья. И теперь под этими карликовыми священными деревьями не сможет сесть никакой Будда. Скольким же Буддам они не дали стать Буддами, обрезав эти деревья!

Но то, что делают японцы, показывает нам кое-что очень важное: так же религии поступают с человеком. Они обре-

зают твои корни, чтобы ты не рос, а только старел. И первый корешок, который они обрезают, — это сомнение. Тогда останавливается твое исследование.

Потом они обрезают второй корешок, и ты обращаешься против своей собственной природы, ей выносятся приговор. Очевидно, что когда твоя природа осуждается, как ты можешь помочь ей раскрыться, вырасти и, подобно реке, найти свое собственное течение? Нет, они не разрешают тебе быть рекой, течь по своему собственному извилистому руслу. Все религии превратили тебя в поезд, который движется по рельсам от одной станции к другой, — ты можешь маневрировать, проехать по запасным путям, но не больше — ты все еще будешь двигаться по проторенной колее. Эта колея называется дисциплиной, контролем и самоконтролем.

Религии нанесли столько вреда, что его невозможно измерить. Их сосуд переполнен грехами. Его нужно выбросить в Тихий океан, на глубину в десять километров — так глубоко, чтобы никто его больше не смог найти и заново начать тот же самый идиотизм. Те немногие из живущих ныне людей, которые обладают разумом, должны избавиться от всего, что без их ведома с ними сделали религии. Они должны полностью очиститься от иудейства, индуизма, христианства, джайнизма и буддизма. Они должны быть совершенно чисты — достаточно быть просто человеком.

Прими себя. Прояви к себе уважение. Позволь твоей природе найти свой собственный путь. Не принуждай и не подавляй. Сомневайся — ведь сомнение — это не грех, это признак твоего ума. Сомневайся и исследуй, пока не найдешь.

Я могу сказать одно: кто ищет, тот находит. Это абсолютно точно; по-другому никогда не бывало. С пути настоящего исследования никто еще не возвращался с пустыми руками.

Самое большое зло, которое причинили человечеству так называемые религии, состоит в том, что они не давали ему отыскать *истинную* религию. Все они претендовали на право называться истинной религией. С самого раннего детства

каждая религия внушает человеку, что именно она и является истинной — та религия, в которой ты родился. Индус верит, что в мире есть одна единственно верная религия, его собственная, а все остальные религии ложны. Так же думает иудей, христианин, буддист и мусульманин. Сходятся они в одном, в том, что не нужно искать истинную религию; она у тебя уже есть — ты с ней родился.

Я называю это величайшим злом, ведь если внутри тебя нет настоящей религиозности, ты не живешь, а ведешь растительное существование. Ты остаешься поверхностным существом; глубина и подлинность тебе не доступны. Ты даже не догадываешься о глубинах, которые лежат внутри тебя. Ты знаешь о себе только то, что скажут о тебе другие люди. Так же, как твое лицо тебе знакомо благодаря зеркалу, себя ты узнаешь через мнения о тебе других людей; ты не знаешь себя непосредственно. А мнения, на которые ты полагаешься, принадлежат людям, находящимся в подобной же ситуации: они тоже себя не знают.

Эти религии создали общество слепцов, и они продолжают твердить, что тебе не нужны глаза. У Иисуса глаза были; так зачем же глаза христианам? Все, что вам нужно, — это поверить в Иисуса; Он проведет тебя к раю, тебе нужно просто идти за Ним. Тебе не разрешается думать, ведь размышления могут сбить тебя с пути. Когда ты думаешь, ты неизбежно сворачиваешь на другие тропинки, совсем не те, по которым они хотят тебя провести, ведь «думать» — значит увеличивать твои сомнения, оттачивать твой интеллект. А для так называемых религий это очень опасно. Они хотят, чтобы ты был вялым, безжизненным, пассивным; им нужно, чтобы ты не включал свой разум. Но они наловчились давать всему хорошие названия; такое состояние они называют «верой». А это не что иное, как самоубийство твоего разума.

Истинная религия не будет требовать от тебя веры; она потребует *опыта*. Она не попросит тебя оставить сомнения, она поможет тебе умножить их настолько, чтобы до самого

конца ты мог познавать. Истинная религия поможет тебе найти твою собственную истину.

И помни, что моя правда никогда не будет твоей правдой, ведь никак нельзя передать истину от одного человека другому. Истина Мухаммеда — это истина Мухаммеда; она не может стать твоей только потому, что ты принял мусульманство. Для тебя она останется только верой. А кто знает, познал Мухаммед истину или нет? Может, Иисус тоже был просто фанатиком и невротиком. Кто его знает? Многие психиатры, психологи и психоаналитики сходятся на том, что Иисус был душевнобольным. А по-твоему, это нормально — объявить себя единственным сыном Господа и заявить: «Я мессия, и пришел, чтобы весь мир избавить от страданий и грехов»?

Даже если Гаутама Будда знает истину, ты никак не сможешь проверить это. Да, если ты сам знаешь истину, ты сможешь определить того, кто тоже ее знает, тогда у тебя будет способность ощутить это. В противном случае ты просто доверяешь общественному мнению: вы веришь массовой психологии, которая находится на самом низком уровне.

Истина приходит к наивысшим проявлениям разума. Но, если с самого начала тебя научили верить, тогда ты связан по рукам и ногам, ты уничтожен. Если с самого начала ты поставлен перед необходимостью верить, тогда ты теряешь свою душу. Тогда ты не живешь, а прозябаешь. Именно так существуют миллионы людей во всем мире: они живут как растения.

Какая у тебя может быть жизнь? Ты ведь даже не знаешь себя. Ты не знаешь, откуда пришел, куда идешь, где цель твоей жизни. Кто же мешаает тебе знать? Не дьявол, а попы, священники, раввины, шанкарачарьи — вот кто настоящие дьяволы.

Мне кажется, что все эти синагоги, храмы, мечети и церкви строятся в честь дьявола, а не Бога, поскольку то, что они сделали, божественным никак не назовешь. Это чистое убийство, расправа над человеческим разумом.

Ни одной религии не хватило духу сказать: «Существует то, о чем вы можете спросить. Но не ждите ответа. Жизнь — это загадка». У нас может получиться жить лучше, дольше и с большим комфортом, но мы не можем знать, что собой представляет жизнь. Этот вопрос так до самого конца и останется вопросом.

Сейчас я стараюсь помочь тебе снова оказаться в неведении.

Религии наполнили тебя разными знаниями, вот в чем зло, совершенное ими. Ты легко и просто можешь взять у них целый христианский катехизис, можешь за час его вызубрить и потом повторять, как попугай. Но тебе так и не удастся постигнуть истину — настоящую, ту, что вокруг тебя и внутри. Катехизис не даст тебе этой истины.

Правда, это так сложно — забыть о своих знаниях, ведь знание дает это так много пищи. Это желает властвовать над знанием. И когда я говорю, что ты должен забыть всю свою ученость и снова стать ребенком, я имею в виду, что тебе следует начать с той точки, где тебя сбили с толку раввин или священник. Ты должен снова туда вернуться.

Ты снова должен стать невинным и необразованным, как чистый лист, чтобы у тебя опять могли появиться вопросы. Снова оживает дух исследования, и тогда ты не сможешь жить как растение. Тогда жизнь становится путешествием, приключением.

Человек ученый и человек естественный: возвращение к себе

В прошлые времена во всем мире люди были язычниками, они просто поклонялись природе. Не существовало понятия греха, вопрос о вине не ставился. Жизнь принимали такой, какая она есть. Не было никаких оценок, никаких интерпретаций, разум еще не вмешался.

Как только начинает вмешиваться разум, возникает суждение. Как только разум выходит на сцену, начинается разделение, человек становится разобщенным. Тогда ты начинаешь осуждать какую-то часть своего существа — одна часть возвеличивается, а другая принижается, и ты теряешь внутреннее равновесие. Но это должно было случиться, разум должен был пробудиться, это — часть роста. Как и с каждым ребенком, это должно было произойти со всем человечеством.

Когда ребенок рождается, он — язычник. Каждый ребенок язычник от рождения, он счастлив быть таким, каков он есть. У него нет представлений о том, что хорошо и что плохо, у него нет никаких идеалов. Критерии, суждения — всего этого у него тоже нет. Когда он голоден, он просит есть. Если хочет спать, засыпает. Мастера дзэн говорят, что это проявление наивысшей религиозности — есть, когда голоден, и спать, когда клонит в сон. Не вмешивайся — пусть жизнь идет своим ходом.

Каждый ребенок рождается язычником, но рано или поздно он теряет свою непосредственность. Это часть жизни, это должно случиться. Это часть нашего роста, взросления, часть нашей судьбы. Ребенок должен потерять и обрести это вновь. Когда ребенок теряет это, он становится обычным, приземленным. Когда же эта способность возвращается к нему, в нем рождается религиозность.

Детская невинность стоит дешево, это подарок от Мироздания. Мы его не заработали, и мы непременно теряем его. Только потеряв, мы осознаем, чего лишились. Тогда мы начинаем поиск. И только когда мы ищем это, зарабатываем, достигаем, становимся этим, только тогда мы понимаем огромную его ценность.

? Я всегда, с самого детства, чувствовал, что во мне обитает много людей. Что Ты можешь об этом сказать?

Каждый человек рождается единой целостной личностью. Но к тому времени, как он готов вступить в активную жизнь, внутри него поселяется целая толпа. В том, что ты чувствуешь, нет ничего особенного, это случается почти с каждым. Единственная разница в том, что ты понемногу осознаешь, что происходит внутри тебя. И это хорошо. А многие люди этого просто не понимают.

Если ты просто посидишь в тишине и прислушаешься к своему сознанию, ты услышишь много голосов. Ты удивишься, тебе будет легко узнать эти голоса. Вот слышен голос твоего дедушки, а вот — твоя бабушка, там говорит твой отец, а здесь — мать. Другие голоса принадлежат священнику, учителю, соседям, твоим друзьям и врагам. Все эти голоса создают внутри тебя невообразимый шум, и если ты захочешь услышать твой собственный голос, это будет почти невозможно — уж очень большая вокруг суматоха.

По существу, ты давным-давно забыл свой собственный голос. Ты никогда не был достаточно свободен для того, чтобы высказать собственное мнение, тебя всегда учили послушанию. Тебя учили говорить «да» всему, что исходило от старших. Тебя учили, что ты обязан повторять все, что делают твои учителя или священники. Никто и никогда не говорил тебе, чтобы ты искал свой собственный голос. А есть ли он у тебя вообще — свой голос? Итак, твой голос оставался неслышим, а другие голоса звучали громко, они командовали. И поскольку они отдавали приказы, ты эти приказы выполнял — вопреки себе самому. Ты не собирался им следовать, ты же видел: «Это не есть хорошо». Но для того, чтобы тебя уважали, чтобы тебя принимали и любили, ты должен был стать послушным.

Конечно же, внутри тебя не хватает только одного голоса и одного человека — тебя самого. Вообще-то там целая куча людей, и все они ежеминутно сводят тебя с ума, ведь один голос говорит: «Делай так!», а другой ему возражает: «Никогда так не делай! Не слушай этот голос!» И тебя разрывает на части. Всю эту толпу нужно ликвидировать. Ей нужно сказать:

«А теперь, пожалуйста, оставьте меня в покое!» Люди, которые уходили в горы или поселялись в глухом лесу, убегали не от общества; они пытались отыскать местечко, где можно было бы разогнать их внутреннюю толпу.

Конечно же, люди, поселившиеся у тебя внутри, не хотят никуда уходить. Но если ты намерен стать личностью со своими собственными правами, если хочешь избавиться от этого постоянного внутреннего конфликта и неразберихи, тогда тебе нужно распрощаться с ними — даже если они принадлежат твоему глубокоуважаемому папочке, твоей маме или бабушке. Не важно, чьи они. Ясно одно — это не твои голоса. Это голоса людей, живших в свое время, и у них нет ни малейшего представления о том, что нас ждет в будущем. Они передали детям свой жизненный опыт; а их опыт не подходит для будущего. Они думают, будто помогают своим детям быть мудрыми, будто передают им знания и благодаря этому их жизнь станет легче и комфортнее. Но они совершают ошибку. Все их благие намерения приводят к тому, что они разрушают в ребенке его непосредственность, его собственное сознание, его способность стоять на своих ногах и соответствовать новому будущему, о котором их предки не имели никакого представления.

Этому ребенку предстоят новые испытания, он столкнется с новыми ситуациями, и для того, чтобы реагировать на них, ему нужно абсолютно новое сознание. Лишь тогда его реакция будет адекватной; лишь в этом случае он добьется в жизни успеха и его жизнь будет не длинной чередой страданий, каждое ее мгновение станет танцем, который проникает все глубже и глубже и длится до последнего вздоха. Тогда человек встретит смерть танцем и улыбкой на лице.

Прекрасно, что ты начинаешь осознавать, будто внутри тебя сидит не один человек. Со всеми происходит то же самое! Благодаря тому что к тебе приходит такое осознание, ты можешь избавиться от этой толпы.

Побудь в тишине и отыщи себя самого. Пока ты не найдешь себя, очень трудно будет разогнать толпу, ведь все эти люди

говорят тебе: «Твое “я” здесь»; и ты не сможешь ни согласиться, ни опровергнуть эти слова. Так что не конфликтуй с этой толпой. Пусть они передерутся между собой — у них это очень хорошо получается! А ты тем временем попробуешь отыскать самого себя. И как только ты узнаешь, кто ты есть, ты просто скажешь им, чтобы они убирались из дому. Видишь, все так просто! Но вначале тебе нужно найти свое «я». Как только у тебя получится, как только найдется хозяин, владелец дома, все эти люди, изображавшие из себя хозяев, начнут исчезать. Как только ты станешь самим собой и на тебя больше не будет давить груз прошлого, когда ты порвешь с ним все связи, станешь тем, кем был вначале, — сильным, как лев, и невинным, как дитя, тогда ты сможешь долететь до звезд и даже выше; тогда твое будущее — блестяще.

До сих пор люди всегда говорили о золотом веке в прошлом. Теперь нам нужно научиться помнить о золотом будущем. Тебе не нужно менять весь мир, просто изменись сам, и ты начнешь менять мир, ведь ты — его часть. Если изменится даже единственный человек, это изменение заденет тысячи и тысячи других людей. С тебя начнется та революция, после которой может родиться новое человечество.

? Ты сказал, что для познания самого себя знание бесполезно. Объясни, пожалуйста, в чем заключается
 ● развитие сущности человека.

Сущность никогда не развивается. Она просто есть. Никакой эволюции не происходит, время здесь ни при чем. Это вечность, это не становление. Духовно ты никогда не развиваешься; это невозможно. Что касается высшей цели, то ты ее уже достиг. Ты больше нигде и не был.

Тогда в чем заключается развитие? Это лишь один из способов пробудиться и постичь правду о том, кто ты есть. Правда не растет, растет только ее понимание, воспоминания о ней.

Вот почему я не говорю о «развитии человека». Я говорю о препятствиях на пути к твоему осознанию. Знание — это самое большое препятствие; вот почему я так много о нем говорил. Это барьер.

Если ты думаешь, что уже знаешь, то ты не узнаешь никогда. Если ты думаешь, что знание у тебя в кармане, к чему все эти поиски? Ты можешь пойти поспать и помечтать. В ту секунду, когда ты признаешься себе, что «не знаешь», это признание пронзает твое сердце, как стрела, оно вонзается в тебя, подобно копью. Осознание приходит к человеку именно в этот момент — когда его пронзает острая боль.

А знание подобно болеутоляющему средству. Оно не позволяет тебе ощутить этот шок и потрясение. Оно тебя защищает, оно как броня. Я выступаю против знания, чтобы ты сумел сбросить эту броню и жизнь могла пронзить тебя осознанием.

Жизнь — вот она, рядом, она каждую минуту готова поразить тебя. Твоя сущность прячется внутри тебя, она готова проснуться в любой момент. Но между тобой и ею стоит знание. И чем его больше, тем дольше придется ждать твоего самопробуждения.

Стань незнающим.

И никогда не думай о духовности как о процессе роста. Рост тут ни при чем. Вы — уже боги, с самого начала вы — будды. Тебе не нужно становиться буддой — сокровище лежит рядом, просто ты не знаешь, куда его положили. Ты забыл ключи, или забыл, как ими пользоваться. Ты так опьянен знаниями, что забыл о том, кто ты есть. Знание — это алкоголь, оно опьяняет людей. Тогда их восприятие размыто, они почти ничего не помнят. Люди начинают видеть то, чего нет, и перестают видеть то, что есть.

Вот почему я не говорил о том, как развивать твою личность. Человек уже таков, каким и должен быть, он совершенен. Добавлять ничего не нужно, да и не получится. Это творение всего сущего. Оно было создано совершенством, поэтому и

само совершенно. Просто убери все созданные тобой препятствия.

Все наше общество трудится не покладая рук, все пытается создать новые барьеры. Когда рождается ребенок, мы в тот же миг начинаем возводить в нем внутренние барьеры. Мы начинаем сравнивать: «Кто-то красивее тебя, а кто-то здоровее, а тот ребенок... посмотри, какие у него оценки, какой он умный, а ты чем занимаешься?» Мы *сравниваем*. А сравнение несет идею о неполноценности и превосходстве, а ведь и то, и другое — уже нездоровое состояние, барьер. Теперь ребенок никогда не будет думать о себе просто так, он всегда будет себя сравнивать с кем-то другим. Яд сравнения начал действовать. Теперь человек обречен на страдания, блаженство бытия становится все более иллюзорным.

Каждый человек рождается уникальным и неповторимым. Никакое сравнение невозможно. Ты — это ты, а я — это я. Будда — это Будда, Христос — это Христос, как можно сравнивать? Когда ты сравниваешь, ты создаешь чувство превосходства и неполноценности — качества, присущие личности. Естественно, все это рождает жажду соперничества, появляется большое желание одержать верх над другими. Ты скован страхом: получится или нет, ведь это жестокая битва, и каждый стремится к тому же — он хочет быть первым. Миллионы людей пытаются стать первыми. Вокруг нас — насилие, агрессия, ненависть, вражда. Жизнь превращается в ад. Если ты потерпел поражение, ты страдаешь... А шансов проиграть гораздо больше, чем одержать победу. Но даже если ты победил, счастья это не приносит. Ведь в ту секунду, когда ты добиваешься успеха, ты испытываешь страх: теперь у тебя могут это отнять. Вокруг полно соперников, и все они наступают на пятки!

До того как тебе повезло, ты переживал, получится у тебя или нет; теперь ты на коне: у тебя есть деньги и власть, но ты боишься, что у тебя могут все это отнять. Ты трясся от страха раньше и трясешься теперь. Страдают неудачники, страдают и победители.

В этом мире очень трудно найти счастливого человека, поскольку никто не соблюдает условий счастливой жизни. Первое условие — нужно отказаться от любых сравнений. Оставь все эти дурацкие идеи о том, что кто-то лучше, а кто-то хуже. Ты и не лучше, и не хуже. Ты — это просто ты. Такого, как ты, больше нет, нет никого, с кем тебя можно было бы сравнить. И вот тогда ты вдруг оказываешься дома.

Но мы начинаем отравлять мозги детей знаниями. Мы начинаем учить их тому, что они не знают, что не испытали. Мы учим их верить в Бога — мы учим их лжи. Этот Бог не станет настоящим Богом — такого они не знают; мы заставляем их верить, и эта вера станет их знанием. Вера не может стать настоящим знанием, это будет лишь претензия на такое знание. Всю свою жизнь они будут думать, что *знают*, а они не будут знать никогда. Фундамент был построен на лжи.

Мы учим детей: «Ваша душа — бессмертна». Какой же глупости мы их учим! Я не говорю, что не существует бессмертной души или не бывает такого качества, как благочестие. Я говорю о том, что это не должно внушаться, не должно быть верованием. Это сущностное переживание. Ребенку нужно помочь в исследовании его внутреннего мира.

А мы вместо того, чтобы помочь ребенку в этих исследованиях, вручаем ему готовые знания. Такое знание становится самой большой проблемой. Как же уйти от этого?

Вот почему я говорил о бессмысленности знания — потому что под маской знания прячется невежество. Когда ты отказываешься от знаний, ты снова становишься ребенком — чистым, живым, подвижным, любопытным; удивление будет светиться у тебя в глазах, а твое сердце снова забьется чаще, наполненное тайной жизни. Тогда ты станешь на путь поиска, а с ним придет и осознание. Ты все больше приходишь к осознанию своей внутренней сущности, которая всегда живет в глубине тебя, но она слишком набита знаниями, вот почему, когда ты заглядываешь внутрь себя, ты никогда ее не находишь; твое сознание вечно завалено каким-то хламом.

Знание похоже на облака в небе. Даже сейчас на небе так много облаков. Если ты поднимешь свой взгляд и захочешь увидеть небо, то ты его не найдешь: там будут только облака. В таком же состоянии находится разум человека, переполненного знаниями: мысли, священные книги, великие теории, догмы, доктрины — все они плавают, как облака, и из-за них не видно чистого неба.

Пусть эти облака исчезнут. Они все еще здесь, потому что ты за них цепляешься. Они здесь, потому что ты продолжаешь за них держаться. Ослабь свою хватку, отпусти их. Тогда небо станет девственно чистым, мы увидим, что оно бесконечно. Это свобода. Это сознание. Это истинное познание.

Великий западный философ Дэвид Юм, который много раз слышал от великих мистиков слова «Познай себя!», как-то написал: «Я однажды тоже попытался познать себя. Я закрыл глаза и отправился внутрь себя. Там я обнаружил несколько желаний, немного мыслей, какие-то воспоминания, мечты, образы и тому подобное. Но больше ничего найти мне не удалось. Себя я найти так и не смог».

Это очень правдивое описание состояния сознания почти каждого человека, за исключением нескольких будд. Что ты найдешь, если ты заглянешь внутрь себя? Много всего разного — облака, застилающие небо.

Даже такой умный человек, как Дэвид Юм, не смог понять главного: кто же был тот, кто смотрел на все это? Что есть то самое осознание, которое находит все новые воспоминания и желания? Конечно, этот кто-то не может быть желанием и не может быть воображением. Этот кто-то не может быть мыслью. Все проходит перед глазами этого «кого-то»... А Юм его искал! Так вот, нельзя искать свидетеля как объект. Единственный способ узнать свидетеля — это отстраниться от всего содержимого и стать абсолютно пустым. Когда смотреть уже не на что, твоя способность видеть оборачивается на тебя самого.

Это то, что Иисус называл *обращением*. Когда не остается ничего, на чем можно остановить свой взгляд, начинаешь

видеть себя самого. Когда все помехи устранены, сознание очищено, в этой чистоте рождается осознание себя.

Когда я употребляю термин «самоосознание», я не имею в виду твое «самосознание». Твое самосознание — это не осознание твоего «я», не осознание его целостности. Ты не знаешь, кто ты, как же ты можешь быть в состоянии самосознания? Твое самосознание — это болезнь. Ты сознаешь себя, только когда сталкиваешься с другими людьми. Если вам нужно произнести речь, ты сознаешь свое «я», из-за чего тебе становится не по себе, ты почти парализован страхом. Ты сознаешь свое «я» и когда играешь роль в спектакле. Твое «самосознание» здесь — не что иное, как желание твоего эго наилучшим образом сыграть свою роль и всем понравиться.

Когда я говорю о самосознании, то имею в виду другое. Когда все исчезло и не осталось никакого содержимого — тогда зеркало отражает само себя. Представь себе маленькую свечу, горящую в комнате. Ее свет отражается на стенах, на мебели, на картине, висящей на стене. Он отражается на потолке. Представь на мгновение, что стены исчезли, нет больше ни картины, ни крыши — все исчезло, осталась лишь маленькая свечка. От чего будет отражаться ее свет теперь? Он будет отражать только себя и освещать будет только себя.

Это состояние существования.

Оставь знания. Оставь сравнения. Забудь о тех фальшивых свойствах, что определяют твою индивидуальность. Все это вредно! Откажись от этого, от того. И продолжай в том же духе до тех пор, пока не останется ничего, — лишь тогда ты достигнешь цели: твое сознание очистится.

? Стоит ли тратить энергию
• на совершенствование моей личности?

Ты должен порвать со своей личностью, чтобы могла проявиться твоя индивидуальность. То, что мы называем личностью, — это не ты, это маска, которую на тебя надели

люди. Это не твое истинное проявление, не твое настоящее лицо. Ты спрашиваешь меня, стоит ли тратить силы на совершенствование твоей личности. Направь всю свою энергию на ее разрушение! Потрать силы на раскрытие твоей индивидуальности, при этом ты должен четко понимать разницу: индивидуальность — это твое естество, данное тебе от рождения. Индивидуальность — это твоя изначальная сущность, а личность — это то, что с тобой сделало общество, то, что оно хотело с тобой сделать.

За всю человеческую историю ни одно общество не смогло дать своим детям свободу быть самим собой. Кажется, что это большой риск. Дети могут взбунтоваться. Они могут отказаться от религии своих предков; могут подумать, что великие политики на самом деле не такие уж и великие; они могут разувериться в ваших моральных ценностях. Они найдут свою собственную мораль и придумают свой собственный образ жизни. Они не станут точными копиями, не повторят прошлое; они будут людьми будущего.

И становится страшно: они ведь могут сбиться с пути. Но пока они с пути не сбились, каждое общество пытается внушить им некие стереотипы, научить, как жить; общество объясняет им, что есть добро и что есть зло, дает им религию и какие-то священные тексты. Так формируется личность, и она подобна тюрьме.

Миллионы людей во всем мире знают лишь то, что у них есть личность; они не имеют представления о том, что бывает что-то еще. Они совершенно забыли себя, они забыли даже то, как можно прийти к себе. Все они стали актерами, лицедеями. Они делают то, чего им совсем не хочется, а то, чего они желали бы больше всего на свете, не делают никогда. Их жизнь настолько суетлива, что покой для них недостижим. Их природа заявит о себе снова и снова, она не даст им покоя. Но их так называемая личность будет настойчиво ее подавлять, загонять в глубины подсознания. Этот конфликт разрывает тебя на куски, забирает твою энергию, а ведь если

дом поделить на части, долго он не простоит. Вот где источник страданий человека — вот почему не видно танцев, не слышно песен и криков радости.

Люди слишком заняты военными действиями с самими собой. У них не остается ни энергии, ни времени на что-то другое, кроме бесконечных внутренних сражений. Они должны побороть свою чувственность, свою сексуальность, они должны бороться со своей индивидуальностью и неповторимостью. При этом им приходится прилагать усилия, чтобы стать тем, чем они быть не хотят, ведь это совсем им не присуще, это не их удел. Да, на некоторое время можно притвориться — но реальность напоминает о себе снова и снова.

Так проходит вся жизнь, в ней бывают взлеты и падения, и человек никак не может понять, кто же он на самом деле: тиран или жертва, угнетатель или угнетаемый. И что бы люди ни делали, они не могут разрушить свою природу. Да, конечно, они могут отравить ее, могут убить ее радость и танец, могут разрушить ее любовь. Они могут превратить свою жизнь в руины, но полностью уничтожить свою природу им не дано. Они не могут отбросить свою личность, ибо в этой личности прячутся все их предки, родители, учителя, священники, все их прошлое. Это их наследие; они крепко держатся за него.

А суть моего учения состоит в следующем: *не держись за личность*. Она не твоя и никогда не станет твоей. Дай своей природе полную свободу. Уважай себя, гордись тем, что ты — это ты, кем бы ты ни был. Имей же достоинство! Не позволяй мертвецам уничтожать себя.

Люди, которые уже тысячи лет мертвы, крепко засели у тебя в голове. Твоя личность — это они, и ты хочешь их совершенствовать? Ну тогда позови еще парочку мертвецов! Выкопай еще пару могил, вытащи оттуда скелеты, окружи себя всевозможными привидениями. Общество тебя будет очень уважать. Тебе окажут почести, тебя вознаградят; ты будешь пользоваться почетом и уважением, тебя будут считать свя-

тым. Но в окружении мертвецов ты не сможешь смеяться, это будет крайне неуместно, ты не сможешь танцевать, петь и любить.

Личность — это штука неживая. Выбрось ее! Одним махом, и не по кусочкам, не постепенно, чуть-чуть сегодня, немного завтра; ведь жизнь так быстротечна, и никто не знает, что будет завтра. Фальшивка есть фальшивка. Избавься от нее окончательно!

Каждый настоящий человек должен быть бунтарем... Против чего, спросишь ты. Против своей собственной личности.

Один японец, живущий в Америке, был завсегдатаем греческого ресторана. Оказалось, что там готовят особенно вкусный жареный рис. Каждый вечер он приходил в этот ресторан и всегда заказывал «жаленый лис». И каждый раз владелец ресторана покатывался со смеху. Иногда он звал парочку своих друзей — только для того, чтобы они послушали, как этот японец будет заказывать свой «жаленый лис».

В конце концов японца так допекли, что он взял несколько уроков дикции только для того, чтобы правильно выговорить слова «жареный рис». Когда он снова появился в ресторане, то очень четко произнес: «Пожалуйста, жареный рис».

Хозяин ресторана не поверил своим ушам, он попросил: «Сэр, не могли бы вы повторить еще раз?»

Японец ответил: «Ты же слышал, что я сказал, ты, хлен глеческий».

Сколько ты можешь притворяться? Рано или поздно реальность даст о себе знать, и лучше, чтобы это произошло пораньше. Не нужно улучшать дикцию, просто забудь обо всем, что касается твоей личности. Будь собой. Каким бы грубым и несовершенным это ни казалось вначале, скоро начнут проявляться и изящество, и красота.

А личность... ты, конечно, можешь и дальше шлифовать ее, но это всего лишь наведение красоты у трупа, на это уйдет не только твое время, энергия и жизнь, это разрушит людей вокруг тебя.

Мы все друг на друга влияем. Если все вокруг тебя заняты каким-то делом, то и ты начнешь делать то же самое. Жизнь — очень заразная вещь, и все заняты совершенствованием своей личности, вот почему у тебя в голове родилась эта идея. Не нужно этого делать. Ты же не в стаде живешь. И ты — не часть толпы. Уважай себя и относись с уважением к другим. Гордись своей свободой. Когда твоя свобода наполняет тебя гордостью, ты хочешь, чтобы свободными были все, ведь свобода сделала тебя таким любвеобильным и милосердным! Как бы тебе хотелось, чтоб все люди на земле были свободны, наполнены любовью и добродетелями.

Это возможно только если ты подлинный — не собран из кусков, не фальшив, когда внутри тебя что-то прорастает: корни — в глубинах твоего существа, а в свое время появятся и цветы. Свои собственные цветы — только в этом удел человека, это единственное, что значимо в его жизни.

Но у личности корней нет, она податлива и притворна. Отказаться от нее совсем несложно; нужно лишь немного смелости. Мои ощущения после встреч с тысячами людей говорят мне, что у каждого из них смелости достаточно, люди просто не используют ее. Как только ты применишь свою смелость, проснется все, что дремало внутри тебя, и ты будешь способен даже на более храбрые поступки, на *бунт*. Внутри себя ты станешь бунтарем.

Радостно видеть, когда это происходит, ведь ты выполнил свое предназначение. Ты возвысился над массой, над спящей толпой.

? Ты говоришь «Просто будь собой». А что это означает? Как я могу быть собой, если не знаю, кто я есть? Я знаю, что мне нравится и не нравится, знаю,

к чему я стремлюсь, все это кажется просто продуктом запрограммированного биокомпьютера, который называется разумом. Может, «быть собой» значит, что все рожденное разумом нужно прожить как можно более отстраненно?

Да, в точности это означает — жить с осознанием. С осознанием всех программ, сидящих в мозгах, осознанием всех импульсов, желаний, воспоминаний и фантазий... всего, что может породить разум. Нужно не быть частью всего этого, быть *свидетелем* — видеть, но не быть этим, осознавать, свидетельствовать.

И нужно помнить одну очень важную вещь: ты не можешь свидетельствовать свое свидетельство. Если ты это делаешь, тогда *свидетельствующий* ты, а не осознаваемое. Ты не можешь выйти за пределы свидетельства. Суть в том, что ты не можешь подняться над своей сущностью, ты не можешь выйти за ее пределы. Ты легко можешь свидетельствовать все мысли, эмоции и чувства. Но одно ты свидетельствовать не можешь — само твое осознание. Если тебе удастся взглянуть на него, это будет означать, что угол зрения у тебя сместился: первоначальное свидетельство стало всего лишь *мыслью*, теперь ты стал вторым свидетелем. Ты можешь вернуться назад, но не можешь уйти из осознания, свидетельства, поскольку теперь это ты, и другим ты быть уже не можешь.

Так что когда я говорю «Просто будь собой», я имею в виду: «Будь незапрограммированным, безусловным осознанием». Именно так ты пришел в этот мир, и именно так покидает его просветленный человек. Он покидает мир, но остается полностью индивидуальным.

У одного из величайших мистиков, Кабира, есть на эту тему прекрасное стихотворение. Все его стихи великолепны; нельзя себе представить ничего лучше. В одном его стихотворении сказано: «Я верну данную мне при рождении душу такой же чистой и незапятнанной, какой она была мне вручена. Я верну ее, когда буду умирать». Когда он говорит, что душа

осталась незапятнанной, то имеет в виду осознание. Весь мир приложил руку к тому, чтобы ее загрязнить, но он оставался *свидетельствующим*.

Тебе нужно только свидетельствовать, и ничто тебя не затронет. Эта неуязвимость сохранит твою чистоту, которая принесет тебе всю свежесть жизни, радость существования — все сокровища, которыми ты наделен.

Но ты привязываешься к окружающим тебя мелочам, забываешь, кто ты есть на самом деле. Это самое великое открытие в твоей жизни и самое захватывающее путешествие за истинной. И тебе не нужно быть аскетом, не нужно отказываться от жизни; ты не должен отвергать окружающий тебя мир и уходить в горы. Ты можешь оставаться там, где живешь, и продолжать заниматься тем же, что и раньше. В твоей жизни изменится лишь одно: что бы ты ни делал, ты будешь делать это с осознанием даже малейшего движения тела или ума, и с каждым таким движением ты будешь все глубже постигать красоту, ценность, величие и бессмертие твоего бытия.

Внешнее и внутреннее: в поиске точки соприкосновения

На Земле существовало уже много цивилизаций, которые достигали расцвета, но потом сами себя уничтожали, так как их развитие было крайне негармоничным. Они развивали технологии, но забывали, что даже самый распрекрасный технологический прогресс не сделает людей более счастливыми и мирными, не добавит им ни любви, ни сострадания.

Развитие нашего сознания не поспевало за темпами роста научного прогресса, и это было причиной саморазрушения многих цивилизаций. В области машин и механизмов человек создал настоящих монстров и при этом остался отсталым и неосознанным. А давать такую власть людям, не обладающим развитым сознанием, очень опасно.

Это происходит и сейчас. Они умны и хитры. К тому же они жестоки, все свои силы они бросают на достижение одной-единственной цели, и цель эта — еще больше власти. Больше власти — вот их единственное стремление — не больше мира, правды или любви.

А зачем им еще больше власти? Чтобы управлять другими людьми, чтобы уничтожить их. Вся власть сосредоточена в руках людей с низким уровнем сознания. Так что, с одной стороны, у всех цивилизаций, которые расцветали и умирали, а точнее сказать, совершали самоубийство, вся власть была в руках у политиков. С другой стороны, человеческий разум изобретал все новые технологии, делал научные открытия, и все это в конце концов оказывалось в руках политиков.

Нашу Землю разрушат не инопланетяне — мы сами роем себе могилу. Мы можем понимать это, можем ни о чем не догадываться, но все мы — могильщики, роющие могилы для самих себя. Сейчас ядерным оружием владеет всего несколько стран. Вскоре многие другие страны тоже обзаведутся ядерными арсеналами. Этот процесс выйдет из-под контроля, а когда такое количество стран обладает столь мощным разрушительным потенциалом, то одно-единственное государство может уничтожить всю нашу планету. Один ненормальный, какой-нибудь политик — просто для того, чтобы продемонстрировать свою власть, — может уничтожить всю цивилизацию, и все придется начинать с нуля. Не только человечество будет уничтожено. Вместе с людьми погибнет все живое — животные, деревья, птицы, цветы. Все может исчезнуть, все, живущее на этой планете.

И причиной тому — дисбаланс в нашем развитии. Мы продолжаем развивать научные технологии, не думая о том, что теми же темпами должно эволюционировать и наше сознание. По существу, наше сознание должно даже несколько опережать технологический прогресс.

Если бы наше сознание достигло просветления... В руках Гаутамы Будды ядерное оружие уже не было бы столь опас-

ным. В его руках это оружие превратилось бы в созидательную силу, ведь сила всегда нейтральна; можно использовать ее для уничтожения, но можно применить и для созидания. А сейчас силы наши велики, чего не скажешь про наши человеческие качества. Это все равно что дать гранату детям для игры.

Во все времена люди вели эту битву. Речь о дисбалансе между внутренним и внешним.

Внешнее проще, и оно реально. К примеру, один человек, Томас Эдисон, изобрел электричество. Теперь им пользуется все человечество; его не нужно изобретать много раз. А внутреннее развитие — совершенно другое. Гаутама Будда мог достичь просветления, но это не значит, что просветленным станет кто-то еще. Каждый человек должен дойти до истины сам. Что бы ни происходило во внешнем мире, все это собирается и накапливается; научный прогресс добавляет новое к тому, что уже создано, поскольку каждый ученый стоит на плечах своих предшественников. А эволюция сознания не подчиняется этим законам. Каждый человек должен сделать свое собственное открытие; он не может взобраться на чьи-то плечи.

Всем существующим в материальном мире можно поделиться, можно преподавать в школах, колледжах и университетах. А субъективное живет по другим законам. Я могу знать о внутреннем мире все; но я не смогу передать мои знания тебе. Один из фундаментальных законов бытия состоит в том, что внутреннюю истину каждый человек должен постигать сам, прилагая свои собственные усилия. Истину нельзя купить на рынке или украсть. Никто тебе ее не подарит. Это не товар, не вещь; это духовный опыт.

О наличии у человека такого духовного опыта говорит сама его личность, его внешний вид и то сопереживание, любовь и внутреннее безмолвие, которые наполняют его. Но это лишь признаки того, что внутри человека что-то произошло. Такой человек может тебя приободрить, он может сказать тебе, что ты не напрасно отправляешься в это внутреннее путеше-

ствие: «Так же как и я, ты найдешь там сокровища». Каждый мастер — это не что иное, как аргумент, доказательство, очевидец. Но сам опыт остается индивидуальным.

Наука принадлежит обществу, то же можно сказать и о технологии; а царство духа остается уделом отдельных индивидуумов. В этом главная проблема: как найти равновесие.

В одном из красивейших лесов Германии, в знаменитом Черном лесу без всякой видимой причины погибали деревья. Правительство Германии пыталось скрыть факты, но шила в мешке не утаишь. Лес погибал, и не по вине «природных факторов». Причиной стали какие-то газы, которые вырабатывались на заводах, эти газы проникали в атмосферу, после чего выпадал кислотный дождь. Когда такой дождик поливал дерево, оно начинало засыхать, поскольку было отравлено. На сегодня погибла, наверное, половина Черного леса.

Землю окутывает озоновый слой, он выполняет защитные функции — защищает все живое на планете. Солнечное излучение не очень полезно для живых организмов, а озоновый слой отражает немалую его часть. Это излучение, если оно проникает в атмосферу, губительно сказывается на живых существах. Озоновый слой пропускает только те лучи, которые не уничтожают жизнь, а помогают ей развиваться. А мы наделали в этом слое дырок. Посылали ракеты на Луну — нельзя придумать ничего более глупого. Когда ракеты выходили за пределы атмосферы, они создавали дыры в озоновом слое, когда они возвращались, появлялись новые дыры. Теперь смертельное солнечное излучение проникает в атмосферу.

Когда эта цивилизация погибнет, люди, наверное, подумают, что это было стихийное бедствие. Но это не так, бедствие создали мы сами. Концентрация углекислого газа и других соединений привела к потеплению в атмосфере Земли, и это создает новые проблемы. На обоих полюсах, и Северном, и Южном, тает лед, и вызвано это потеплением. Когда такие явления будут изучать через сотни лет, то, наверное, подумают,

что случилась природная катастрофа. Но это не так. Это наша собственная глупость.

Мы многое сможем понять, взглянув на происходящее вокруг и вспомнив о других цивилизациях, которые исчезли или по причине войн, или в связи с бедствиями, которые, по видимому, были стихийными. Но совсем не обязательно. Те цивилизации могли натворить каких-то глупостей, которые и привели к бедствиям. На Земле уже были высокоразвитые цивилизации, но с ними случилась та же беда, которая поджидает и нас.

Все они погрузились во тьму, к которой приближаемся и мы. Они не потеряли свое сознание, у них его не было. Точнее их сознание было таким же поверхностным, как и у нас.

Что ты делаешь для того, чтобы предотвратить катастрофу, которая надвигается на нас с каждым днем? Гибель Земли все ближе, осталось самое большее несколько десятилетий, и это по оптимистичным прогнозам; для пессимистов она может произойти и завтра. Но даже если бы у тебя в запасе было сто лет, что ты собираешься сделать, чтобы помочь человеческому сознанию подняться настолько, чтобы мы могли предотвратить предстоящее глобальное самоубийство? Оно надвигается со многих сторон. С одной стороны — абсолютно реальная ядерная угроза. Можно в любой момент нажать на кнопку, и начнется война. И уже не нужно будет посылать армии и самолеты, чтобы нанести ответный удар. Если в океаны попадет весь лед из Гималаев, с Северного и Южного полюсов, из Альп и других гор, то все мы потонем.

Единственный способ избежать всего этого — создать в мире больше медитативности. Но мир настолько обезумел, что иногда это кажется почти невероятным.

Если в ближайшие годы произойдет революция и мы сумеем достичь нового уровня сознания, то, вероятно, удастся избежать последствий всего, что до сих пор происходило в мире. Мы должны приложить все усилия, чтобы избежать этих последствий. Сейчас особенно темные времена, и эта темнота

будет сгущаться, если только каждый не зажжет внутри себя маленький лучик света и не осветит все вокруг. Если каждый человек не поделится своим светом и огнем со страждущими, рассвет сам по себе не наступит. Мы должны быть в полной боевой готовности, должны приложить все усилия, чтобы помочь развитию сознания.

Это великая битва против тьмы, но, кроме того, это и большая возможность, захватывающее испытание. Не нужно воспринимать все слишком серьезно. Все нужно делать с любовью, танцуя, распевая песни, радуясь жизни, потому что лишь так можно вызвать рассвет и разогнать тьму.

Есть один космический закон, который гласит: «Лотос может вырасти только из грязи». Политики, священнослужители всех религий, правительства и чиновники — все они создали много грязи. Теперь нам нужно вырастить на ней лотосы. Ты не должен утонуть в этой грязи; ты должен посеять в ней семена лотосов.

Семя лотоса творит чудо: оно превращает грязь в прекрасный цветок. На Востоке лотос почти обожествляют. И вот почему. Во-первых, потому что он растет из грязи. Английское слово «*human*» означает просто «грязь». Арабское слово «*admi*» тоже означает «грязь», ведь из грязи Бог сотворил человека. Но можно вырастить цветок лотоса. Это большой цветок, и он раскрывает свои лепестки только на рассвете, когда начинают петь птицы и небо окрашивается в разные цвета. Когда темнеет и садится солнце, лепестки складываются. Лотос любит свет.

Во-вторых, лепестки лотоса и даже его листья такие бархатистые, что ночью на них собирается роса. Рано на рассвете капельки росы сияют, подобно жемчужинам, и даже прекраснее, а вокруг них светятся маленькие радуги. Но самое прекрасное то, что, хотя роса лежит и на лепестках, и на листьях, ее капельки их не смачивают. Налетает легкий ветерок, и они скатываются обратно в воду, не оставляя следов.

Цветок лотоса на Востоке стал символом. Там говорят, что нужно жить в мире, но так, чтобы он тебя не затронул.

Ты должен оставаться в миру, но он не должен оставаться внутри тебя.

Иди по жизни, оставив позади все превратности и удары судьбы. И если в свой последний час ты сможешь сказать, что твое сознание осталось таким же чистым и невинным, каким оно было при рождении, то ты прожил религиозную, духовную жизнь. Вот почему цветок лотоса стал символом жизни, наполненной духовностью. Лотос вырастает из грязи, но остается незапятнанным. И это символ трансформации. Грязь превращается в самый прекрасный и благоухающий цветок на Земле. Гаутама Будда так любил лотос, что говорил о «рае лотосов».

Наша глубокая медитация и благодарность всему существу могут помочь Земле. Здесь станет больше сознания, расцветут новые цветы; наша планета может стать раем лотосов.

Правда, понадобятся невероятные усилия, чтобы произвести революцию в человеческом сознании, и я призываю всех принять в ней участие. Делай все, что в твоих силах. Революции нужно посвятить всю свою жизнь. У тебя не будет другого шанса, другой возможности для твоего внутреннего роста и для роста всей нашей прекрасной планеты.

Это единственная планета во Вселенной, где есть жизнь; ее гибель была бы огромной трагедией. Но этого можно избежать.

? Кажется, что научное видение объективной реальности и субъективный опыт бытия абсолютно различны и несовместимы. Такова природа вещей или это всего лишь иллюзия нашего разума?

В прошлом научный и религиозный подходы к существованию были различны и несовместимы. Причиной тому были старые религии, которые упорно держались за предрассудки, системы верований, отрицали возможность поиска и сомнения. По существу, ничего несовместимого в науке и религии нет, и

нет между ними никакого отличия. Но религия настаивала на необходимости веры, а наука не могла этого принять.

Вера прикрывает твое невежество. Она никогда не открывает тебе правду; она дает какие-то догмы и убеждения, и с их помощью ты создаешь иллюзию знания. Но такое знание — только иллюзия. Все, что основано на слепой вере, — ненастоящее. Поскольку религии неизменно настаивали на необходимости веры, а в науке основным инструментом является сомнение, то между ними произошел раскол, который стал непреодолимым. Таким он и останется, если религия не осмелится решить проблему сомнения.

По моему мнению, существует только наука, у которой есть два раздела. Первый занимается внешним миром, а второй — внутренним. Один мир объективен, другой — субъективен. Нет никаких отличий в методах и умозаключениях этих разделов науки. И каждый из них начинается с сомнения.

Так много было обвинений в адрес сомнения, что все позабыли, насколько оно прекрасно, как много в нем заключено.

Когда рождается ребенок, в нем нет никакой веры, но есть любопытство, способность сомневаться, скептический разум. Сомнение естественно, а слепая вера противна природе. Веру навязывают родители, общество, образовательные системы, религии. Все эти люди состоят на службе у невежества, они тысячи лет служат ему. Они держали человечество в темноте, и на то были свои причины. Дремучего человека, который ничего не знает о реальности, легко эксплуатировать, из него можно сделать раба, его легко провести, держать его в нищете и зависимости. И всем этим пользовались.

Старым религиям до истины не было никакого дела. Они много говорили об истине, но старались удержать людей как можно дальше от нее. До сих пор им это удавалось, но сейчас все они при смерти. И чем быстрее они помрут, тем лучше.

Почему тебе нужно, чтобы вера была на первом месте? Ты же не веришь в розу. И никто тебя не спрашивает: «А веруешь ли ты в розу?» Ты просто рассмеешься и ответишь: «А при-

чем тут вера, я знаю, что роза есть». Когда есть знание, вера не нужна.

А вот слепой *верит* в свет, он вынужден это делать, потому что у него нет глаз. Из-за веры религиозный человек остается слепым. Если бы в него не вложили веру, если бы ему сказали, что он слеп и его глаза нужно лечить, тогда, возможно, он смог бы видеть. Когда ты увидел свет, вопрос о вере уже больше не встает; ты просто *знаешь*. Любая вера говорит лишь о твоём невежестве, о твоей слепоте, но она же даёт тебе ложную уверенность в том, что ты *знаешь*.

Если ты будешь задавать вопросы, медитировать, погружаться в глубины своего «я», тебе откроется грандиозная реальность, но ты не найдёшь Бога. Ты обнаружишь сознание, вечное, сияющее своей красотой, но старичка с длинной бородой там не будет. Да, теперь его борода, наверное, стала длиннее — с километр, он же веками там сидит! Ты не найдёшь там Бога. Все религии боятся поиска, поэтому и случился этот раскол с наукой. И все религии выступали против науки, поскольку рано или поздно наука докажет, она уже доказала, что её метод сомнения даёт более реальную картину мира. Он открывает секреты жизни, он делает тебя по-настоящему разумным, внимательным человеком, который знает, в чём состоит истина.

Но до недавнего времени наука занималась только объективным миром, который окружает нас с тобой. Я обвиняю религии, потому что они держали человечество в темноте, а ученых я обвиняю в том, что они сделали глупость — они все на свете знают, все на свете исследуют. Все, кроме самих себя. Только ученый, сидящий в своей лаборатории, не стал объектом исследования. Все остальное он изучает, глубоко и непредвзято. Но он забывает о том, кто есть сам исследователь.

Разве возможно исследование без исследователя? Разве можно наблюдать за объективной реальностью, когда нет наблюдателя? А этим наука занимается уже триста лет. Религии совершили преступление, но наука тоже должна взять на себя

часть ответственности. Её часть будет не такой большой, ведь науке всего триста лет. Но о субъективном мире наука не может сказать ничего, ведь его она не исследовала.

Религии должны исчезнуть полностью. Они подобны раковой опухоли на человеческой душе, а наука для полноты картины должна расширить рамки своих исследований. Но это только половина дела. Ты просто смотришь на какой-то предмет и забываешь о человеке, который смотрит. Науке необходимо развить новое направление, которое отправится исследовать *внутреннее*. Оба раздела науки будут опираться на сомнение, и вопрос о точках соприкосновения этих разделов уже не возникнет. В центре лежит сомнение: Отсюда ты можешь отправиться в объективную реальность — то, чем до сих пор была занята наука. Опираясь на то же сомнение, ты можешь пойти вглубь своей личности, вот этого наука до сих пор не делала. И поскольку наука была занята другим, мир духовности оказался в руках религий.

Религии делают вид, что занимаются поисками в области духовного, в царстве сознания; но это лишь притворство, потому что свои поиски они начинают с веры. Как только ты во что-то поверил, твой поиск можно считать законченным. Ты уже убил сам вопрос, уничтожил сам предмет поисков.

Нельзя начинать исследование, опираясь на веру. Каждый поиск — то ли в субъективном, то ли в объективном мире — требует открытости твоего разума, и сомнение даёт тебе это прекрасное качество, открытый ум. И помни, так как здесь можно запутаться: сомнение не означает неверия, ведь неверие — это та же вера, только вверх ногами. Карл Маркс и его последователи-коммунисты говорили, что Бога нет. Это была их вера. Ни Карл Маркс, ни Ленин, ни любой другой коммунист никогда и не пытались выяснить, есть Бог на самом деле или нет. Они приняли эту идею на веру, точно так же, как христиане, индуисты, мусульмане или иудеи приняли идею о существовании Бога. Не думай, что между атеистами и верующими есть какая-то разница; все они плывут в одной лодке.

Я не отличаю христианина и индуиста от коммуниста. С первого взгляда кажется, что разница между ними велика. Коммунист в Бога не верит, а религии верят. Но это только на первый взгляд; если взглянуть повнимательнее, немного в этом покопаться, то ты будешь удивлен: неверие так же невежественно, как и вера. Оба приняли что-то на веру, без какого бы то ни было исследования. Поэтому я утверждаю, что коммунизм — это атеистическая религия. У мусульман есть Мекка, у иудеев — Иерусалим, а у коммунистов есть Кремль. А смотреть на Кремль очень забавно: он похож на храм! Наверное, до революции это и был храм. Ну, его точно построили не коммунисты. Это, наверное, была самая большая церковь в России. Они ее захватили и сделали своим главным штабом. Но по архитектуре это явно храм.

Да и не только архитектура Кремля, но и сознание людей, правящих страной из Кремля, точно такое же, как и у попов, аятолл и шанкарачарьев. Нет никакой разницы! По основным принципам они бы договорились. Коммунисты верят в «Капитал», христиане верят в Библию, так в чем же разница? Книги разные, но люди, которые в них верят, устройство сознания, которое верит, — одно и то же.

Поскольку наука по непонятным причинам отказывалась замечать существование собственно ученого, она продолжает играть с крысами, проводить с ними эксперименты. Они работают с крысами, обезьянами, с чем угодно. Научные исследования дошли до уровня молекул, атомов и электронов. Ученые были так заняты своими поисками, что забыли об одном: что они тоже существуют. Без ученого нет никакого смысла в существовании лаборатории. Кто проводит эксперименты? Конечно же, существует сознание, некая сумма знаний, некое существо, способное наблюдать. Это такой простой факт, но вот уже триста лет наука не может его принять. Я считаю ее виновной, поскольку, если бы она признала этот факт и сделала его субъектом научного исследования, религии давно уже прекратили бы существование. Наука должна взять

на себя часть ответственности за то, что религии до сих пор существуют.

Само слово «наука» объясняет мою точку зрения. Наука означает познание. Для любого знания, любого познания нужно три вещи: объект знания, его субъект, и между ними возникает собственно знание.

Даже если бы на Земле не существовало людей, на ней росли бы деревья и розовые кусты, но они бы не знали, что они кусты роз и деревья. На небе собирались бы тучи, но никто бы не знал, что наступил сезон дождей. Выходило бы солнце, но не было бы рассвета, потому что некому было бы его описать. Человек познающий — это самое драгоценное явление природы, и ввиду того, что наука отвергала это явление, у религий была абсолютная свобода в навязывании своих устаревших верований.

Моя задача состоит в том, чтобы помочь религиям почтить с миром. Место, которое они занимали, должна занять наука. Можно оставить два названия: изучение объективной реальности будет называться наукой, а субъективной — религией, но на самом деле необходимости в двух названиях нет. Лучше, если будет одно название, наука, и два ее раздела — один будет заниматься внешним, а другой отправится вглубь человека.

Научный метод начинается с сомнения. Сомнение живет, пока не достигнута точка, где оно становится невозможным. Когда сомнение сталкивается с реальностью, оно исчезает.

Религии подавляли сомнение. Я не встречался еще ни с одним религиозным лидером, в глубине души которого не жило бы сомнение. Все его верования старались это сомнение подавить, но уничтожить его они не могли. Ты можешь заглянуть в свой собственный разум. Ты веришь в Бога, но разве у тебя нет сомнения на этот счет? По существу, если у тебя нет сомнений, зачем тебе верить? Ты не болен, так зачем же ты носишь с собой целую кучу лекарств? Вера доказывает наличие сомнения; и вера остается лишь на поверхности; она

загоняет сомнение поглубже в недра твоего подсознания. Но она не может разрушить сомнение.

У веры нет на это сил, она бессильна. В сомнении заключена огромная энергия. Вера — это нечто отжившее, труп. Ты можешь носиться с этим трупом, сколько захочешь, но помни, он для тебя — совершенно ненужная ноша. Вскоре ты сам начнешь вонять, как труп, и в конце концов он сделает из тебя такой же труп. Нехорошо водиться с мертвецами. Это опасно. Слово «вера» должно исчезнуть из всех языков. На трон следует посадить сомнение, а веру нужно оттуда свергнуть. Сомнение сразу же наведет мосты между объективным и субъективным. Это два полюса одной и той же реальности, а соединяет их сомнение.

Почему я так восхваляю сомнение? Потому что оно приводит тебя на путь поиска, оно задает вопросы, благодаря ему ты переживаешь новые приключения. Оно никогда не позволит тебе оставаться в неведении. Оно продвигается все дальше и дальше, пока ты не увидишь свет.

Люди часто спрашивают меня: «А ты в это веришь? А веришь ли ты вот в это?» И я не устаю повторять, что эти вопросы бессмысленны. Я или знаю что-то, или не знаю. Внутри моего существа нет места вере, нигде. Если я чего-то не знаю, тогда я попытаюсь узнать. Вот в чем состоит сомнение, вот что значит исследование. А если я знаю, мне не нужно верить. Я сам для себя авторитет. Почему я должен верить в Иисуса Христа или Гаутаму Будду? Мне это совсем не нужно.

Наука должна открыть двери возможностям, которые религии всегда держали взаперти. Вокруг тебя огромная Вселенная, она бесконечна. Ты можешь отправиться исследовать ее, конца этому не будет. Но внутри тебя живет еще большая Вселенная, и она так близко — в глубине твоего существа! Ты можешь отправиться изучать и эту Вселенную. Ты наконец-то узнаешь, кто ты есть, но это будет еще не все; опыт будет вести тебя все глубже, и так до бесконечности.

Человек может быть одновременно и научен, и религиозен, и это будет целостный человек. Я много раз давал определения нового человечества и делал это с разных точек зрения. Давай добавим к этим определениям следующее: мы будем совершенны, целостны, знакомы с внешним миром и с миром внутренним. В ту секунду, когда ты познаешь оба этих мира, ты понимаешь, что их не два; что это та же самая энергия, имеющая два полюса. Один становится объектом, а другой субъектом. Я назвал бы это наукой о внутреннем мире. А то, что сегодня известно под названием наука, я назвал бы наукой о внешнем мире. Но внутреннее и внешнее — это две стороны одной медали. Внешнее не может существовать без внутреннего, а внутреннее — без внешнего. Нет между ними никакого разделения, и вопрос о наведении мостов не стоит.

Проблема объединения науки и религии возникает из-за того, что мы склонны воспринимать науку отдельно от фальшивых религий, опирающихся на верования, а не на исследование.

Мы должны быть исследователями. Твоей единственной обязанностью должно быть познание самого себя. Тебя учили тому, что у тебя множество обязанностей, но об этой всегда забывали. Тебе говорили, что у тебя есть обязательства перед родителями, женой, мужем, детьми, государством, церковью, человечеством, Богом. Этот список бесконечен. Но самая главная твоя обязанность в этот список не попала.

Я бы сжег все эти списки! Ты ничего не должен ни государству, ни церкви, ни Богу. У тебя есть только одна обязанность, и состоит она в самопознании. И, что самое удивительное, если ты сможешь выполнить эту обязанность, то и все другие дадутся тебе без труда. В ту секунду, когда ты придешь к самому себе, в твоем восприятии произойдет революция. Все твои взгляды на жизнь изменятся радикально. Ты почувствуешь новые обязательства, но они не будут давить на тебя, не будут долгом, который необходимо исполнить. Тебе будет радостно их выполнять.

Ты ничего уже не будешь делать из чувства долга, ответственности лишь потому, что от тебя этого ждут. Направлять твои поступки будут переполняющее тебя счастье, любовь и сострадание. И речь не о том, что ты должен, ты просто делишься. У тебя так много любви и счастья, что тебе хочется ими поделиться.

Итак, я учу только одной обязанности — обязанности перед самим собой. Все остальное придет само, без всяких усилий с твоей стороны. А когда что-то случается легко и без усилий, есть в этом неизъяснимое очарование.

Наука должна признать, что она игнорировала самую главную часть всего сущего: человеческое сознание. И как только наука начнет изучать внутренний мир человека, религии сами по себе начнут исчезать. Их существование потеряет всякий смысл. Когда доступно знание, кому придет в голову верить? Когда есть доступ к опыту, кто будет читать о нем в Библии или Коране? Когда у тебя есть еда, я не думаю, что ты предпочтешь почитать о ней в поваренной книге. Ты, конечно, можешь это сделать попозже; а возможно, тебе это и не понадобится.

В глубинах твоего существа есть секретный ключ, и сейчас наука обязана помочь тебе отыскать этот ключ. Мое видение религиозности научно. Вот почему я не предлагаю никакой системы верований. Я предлагаю методiku, подобно тому как это делается в науке. При помощи методик в науке изучают объекты; при помощи наших методик мы изучаем наше сознание.

Наши методики называются медитациями. Они абсолютно научны. Молитва не научна, поскольку вначале тебе следует поверить в Бога и лишь потом ты можешь молиться. Ведь молитву нужно кому-то адресовать.

Медитацию не нужно никому адресовать, это просто методика погружения вглубь себя. И цель достигнута! В то, что ты существуешь, тебе верить не нужно. По существу, даже если бы ты захотел, отрицать самого себя ты не сможешь. Даже само такое отрицание будет служить доказательством твоего

существования. И это единственное, чего отрицать нельзя. Все, кроме этого, ты можешь опровергать. Может быть, это мираж в пустыне или сон, может, у тебя галлюцинации, тебя загипнотизировали и ты видишь то, чего нет на самом деле. Ты можешь отрицать все, что существует в мире, кроме себя самого. Ты — это самая что ни на есть реальная реальность, неопровержимая, не подлежащая никакому сомнению.

И поиск этой реальности есть научный опыт.

В нарождающемся мире новому человечеству не надо будет заботиться о том, как найти взаимопонимание между религией и наукой, как сблизить их, как остановить их вражду и уничтожение друг друга. В этом не будет необходимости. Мы можем создать науку, подобно тому как создавались все другие науки. Мы можем утвердить медитацию в качестве научного метода, который не так уж и сложен, каждый может медитировать. Для этого не нужны большие лаборатории, ты сам для себя лаборатория. И больше ничего не нужно, ни пробирок, ни горелок, ни химических реактивов — ничего.

Все, что тебе нужно, чтобы познать себя, дано тебе от рождения. Нужно всего лишь развернуться на сто восемьдесят градусов.

? Если истина о нашем собственном бытии уже находится внутри нас, почему же так мало людей нашли ее? И как мы можем определить разницу между этой истиной и всем тем хаосом, который мы обнаруживаем, когда обращаемся внутрь себя?

Причина только в нашей невежественности. Не то чтобы у нас не было истины, она всегда была с нами, но мы забыли ее. Мы перестали обращать на нее внимание, наши глаза закрыла пелена. Зрение утратило кристальную ясность, и нужно вновь ее искать.

С тобой, наверное, так тоже бывает. Иногда пытаешься вспомнить чье-то имя. Ты его знаешь, но вспомнить никак не

можешь. Ты в растерянности. Вот оно, это имя, вертится на кончике языка. Ты говоришь: «Я же знаю его». А когда кто-то возражает: «Ну, если знаешь, тогда почему не назовешь?» — ты отвечаешь: «Никак не вспомню».

С тобой такое случалось? Ты знаешь имя, знаешь, что знаешь его, но в голове — провал. И провал этот не пустой, он не дремлет. Он очень активен, чрезвычайно деятелен. Этот провал ищет, он сам пытается вспомнить то самое имя.

И вот еще как интересно бывает: кто-то предлагает какое-то имя, а ты говоришь: «Нет, это не то». Это великолепно! Ты не знаешь правды, но ты знаешь, где ложь. Ты говоришь: «Это не то». Предлагают другое имя. «Нет, я знаю, что там другое имя, это не подходит», — ствечаешь ты. Провал в голове — не просто что-то мертвое, он живет, двигается. Он знает, что ложно, знает, что это — неправда, но правду он забыл.

Так что, когда кто-то будет учить тебя верить в ложного бога, ты сразу это поймешь. Тут нет никаких проблем. Когда тебе будут давать фальшивку, ты тоже это поймешь. Ты не знаешь, где истина, ты не знаешь, в чем она заключается, но ты сразу же почувствуешь ложь, поскольку истина спрятана внутри тебя. Ты, наверное, забыл ее, но ты не забыл, что она там.

Вот почему, когда ты слышишь истину, что-то внутри тебя сразу же откликается на нее. Тут вопрос не во времени. Другие, те, кто не могут воспринять ее, подумают, что тебя загипнотизировали. Они думают, что нужно спорить, доказывать, обдумывать, вынашивать в сердце, а потом поверить. Но когда ты услышишь истину, она будет такой, что моментально заполнит твой провал, ведь из глубин твоего существа поднимется твоя собственная истина.

Когда бы ты ни услышал истину, она не приходит снаружи. Внешнее — это всего лишь возможность для открытия внутреннего. Ты сразу узнаешь, что это истина. Дело не в том, что ты мог спорить о ней, или что-то доказать, или тебя в чем-то убедили, нет. Истина изменит тебя, а не убедит. Это преобразование, а не убеждение.

Ум и мудрость: распутываем узлы разума

Разум не может находиться в покое. Ему нужно все время думать, о чем-то заботиться. Он работает как велосипед: если ты крутишь педали, он едет. Как только ты перестал крутить педали, ты падаешь. Разум — это двухколесное средство передвижения наподобие велосипеда, а твое мышление — это бесконечное кручение педалей.

Даже в те моменты, когда ты на секунду затих, сразу же появляется беспокойство: «А почему это я молчу?» Чтобы создать чувство обеспокоенности, сгодится все, ведь разум может существовать только так — в постоянном движении. Он бежит за чем-то или от чего-то, но всегда бежит. Это движение и есть сам разум. Когда ты останавливаешься, разум исчезает.

Сейчас ты отождествляешь себя с разумом. Ты думаешь, что ты — это он. Отсюда появляется страх. Если ты — это твой разум, то, конечно же, когда остановится разум, будет покончено и с тобой, тебя не станет. Ты не знаешь ничего вне пределов разума.

На самом же деле ты — это не разум. Ты — это то, что лежит за его пределами. Поэтому совершенно необходимо, чтобы разум остановился, чтобы впервые в жизни ты мог понять, что ты — это не твой ум... Ведь ты все еще будешь здесь. Разум исчезнет, а ты будешь здесь — и внутри тебя будет больше радости, ликования, света, сознания и больше жизни. Разум притворялся... а ты попал в ловушку.

Тебе нужно понять, как происходит этот процесс — как человек может отождествить себя с чем-то, чем он не является.

В одной древней восточной притче рассказывается, как львица прыгала с одного холма на другой. И вот, когда она совершала очередной прыжок, у нее родился львенок. Он

упал на дорогу, по которой шло большое стадо овец. Львенок, конечно же, смешался с овцами. Он остался в овечьем стаде и был воспитан как овца. Он не мог себе представить, даже во сне, что он лев. А как он мог это сделать? Вокруг него были овцы, и только овцы. Он никогда не рычал как лев, ведь овцы не рычат. Он никогда не бродил в одиночестве, как это делают львы, ведь овцы никогда не бывают одни. Они всегда в стаде — там уютно и безопасно. Ты, может быть, видел, как ходят овцы. Они так тесно прижимаются друг к другу, что чуть ли не спотыкаются. Они очень боятся остаться в одиночестве.

Но лев стал подрастать. И было так странно! Лев считал себя овцой, но его биология никак с этим не соглашалась; природа не слушает голоса рассудка. Он превратился в прекрасного молодого льва, но поскольку все происходило очень медленно, овцы к нему привыкли и он тоже к ним привык.

Овцы думали, что он — немного ненормальный ягненок. Он себя как-то странно вел, был немного с приветом. А тем временем лев рос. Ну кто же так делает! Это ж надо, изображать из себя льва! Они знали, что он не лев, они видели его с самого рождения. Они воспитали его, вскормили его своим молоком. От природы лев был плотоядным, львы ведь вегетарианцами не бывают, а этот лев ел траву, потому что так делали овцы. Он ел траву с огромным удовольствием. Овцы признавали, что он немного отличается от них, он был немного великоват и похож на льва. Одна мудрая овца сказала: «Он — просто причуда природы. Иногда такое случается».

И сам лев принимал это как истину. Он был другого цвета, его тело отличалось — так и есть: он причуда, ненормальный. Но подумать о том, что ты лев, было совершенно невозможно! Овцы окружили его, овечий психоаналитик все ему объяснил: «Ты — ошибка природы. Не переживай. Мы здесь для того, чтобы позаботиться о тебе».

Но однажды мимо проходил старый лев. Среди стада овец он заметил фигуру молодого льва. Он не поверил своим глазам! Такого он никогда не видывал и не слыхивал. Чтобы

лев стоял посередине овечьего стада и ни одна овца его не боялась! А этот лев двигался ну точно как овца, да еще и траву щипал!

Старый лев не поверил своим глазам. Он забыл о том, что собирался поймать на завтрак овцу. Он совершенно забыл о завтраке. Это было так странно, что он решил поймать молодого льва и выяснить, что происходит. Но этот лев был стар, а лев из овечьего стада молод — он удрал. Хоть он и считал себя овцой, но когда приближалась опасность, то об этом как-то забывалось. Бежал он как лев, и старому льву стоило больших трудов поймать его.

Но в конце концов старый лев таки поймал молодого. Тот кричал и стонал: «Прости меня, я бедная овца. Отпусти меня, пожалуйста».

«Ты идиот, — отвечал ему старый лев. — Перестань молоть ерунду и пойдем со мной на пруд». Пруд был как раз неподалеку. Он потащил молодого льва туда. Тот упирался и шел с большой неохотой, но что ты можешь поделать со львом, когда сам ты только бедная овца? Он же может тебя убить, если ты не пойдешь, и молодой лев шел.

На пруду было тихо, его поверхность была гладкой, как зеркало.

Старый лев сказал молодому: «Посмотри сюда. Просто взгляни на мое лицо, а потом посмотри на себя. Посмотри на мое тело и сравни со своим отражением в воде».

И тут раздался громкий рык! Его эхо прокатилось по холмам. Овца исчезла; это было уже совершенно другое существо — лев узнал себя. Он думал, что он овца. Но это не было реальностью, эта идея просто сидела в его мозгу. Теперь он увидел реальность. Старый лев произнес: «Теперь мне не нужно больше ничего говорить. Ты понял».

Молодой лев почувствовал странную энергию, которой у него раньше никогда не было, — как будто он спал. Он чувствовал огромную силу, а он всегда был слабой, покорной овцой. Вся эта покорность и слабость просто испарились.

Это старинная притча о мастере и ученике. Роль мастера состоит в том, чтобы показать ученику, кто он есть на самом деле, и что то, что он думает о себе, — неправда.

Твой разум не создан природой. Никогда не забывай эту разницу: природой создан твой мозг. Твой мозг — это механизм, который принадлежит телу, а твой разум создает общество, в котором ты живешь. Тут участвуют религия, церковь, идеология, которой придерживаются твои родители, образовательная система, в которой тебя обучали, и тому подобное.

Вот почему есть разум христианский и индуистский, мусульманский и коммунистический. Мозг — это природное явление, а разум — творение искусственное. И зависит оно от того стада овец, в котором тебя вырастили. Это было индуистское стадо? Тогда, понятное дело, ты будешь вести себя как индуист.

Только медитация может помочь тебе в осознании того, что ты — это не твой разум; и это даст тебе огромную силу. Тогда ты сможешь выбирать, что твоему разуму подходит, а что — нет, потому что ты будешь отстраненным, ты станешь свидетелем, зрителем. Тогда ты уже не будешь настолько привязан к своему разуму... вот этого-то ты и боишься. Ты совершенно забыл себя, ты стал сплошным умом. Ты полностью отождествляешь себя с ним.

Когда я говорю: «Пусть внутри тебя будут тишина и покой. Внимательно следи за тем, что происходит у тебя в голове», ты можешь растрогаться, появится страх; это похоже на смерть. В чем-то ты прав, но это не твоя смерть, это кончина сдерживающих тебя условностей. Все вместе они называются твоим разумом.

Как только ты сможешь четко видеть, что ты не есть твой разум, а разум — это не то же самое, что мозг, это свершится почти сразу же. Как только ты отстранишься от своего рассудка, ты вдруг увидишь, что он находится посередине; по одну сторону от него будет мозг, а по другую — твое сознание.

Мозг — это просто механизм. Ты можешь делать с ним все, что пожелаешь. Проблема в твоём рассудке, потому что за тебя его создали другие. Это не ты, он даже тебе не принадлежит; ты взял его взаймы.

Священники, политики — люди, в руках у которых власть и которые вложили свои капиталы, — они не хотят, чтобы ты знал, что ты выше рассудка, что твоя сущность выходит за его рамки. Они прилагают массу усилий, чтобы ты отождествлял себя с разумом, ведь он подвластен не тебе, это они управляют твоим разумом. Тебя так искусно обводят вокруг пальца. Властители твоего разума находятся вне тебя.

Когда сознание отождествляется с рассудком, то мозг бессилен. Мозг — это просто механизм. Он делает все, что хочет разум. Но если ты отделен от разума, он теряет свою власть; иначе он становится полновластным правителем.

? Так страшно себе представить, что разум теряет свою власть. Как же человек может жить без разума?

Просветленный может использовать свой разум гораздо более эффективно, чем самый выдающийся интеллеktуал, — по той простой причине, что он отстранен от разума и видит общую картину. Возможно, определенные части мозга, которые не работают у обычного человека, начинают действовать, когда твое сознание выходит за пределы рассудка, когда ты переступаешь через ограничения, налагаемые твоей рациональностью. Другие части работают только после такого перехода.

Это опыт всех просветленных. И если я говорю об этом, то только потому, что пережил это сам. Я не поверил бы, если бы об этом сказал Будда. Может быть, он врет, может, его ввели в заблуждение; а может, он и не обманывал, просто то, о чем он говорил, неверно. Возможно, он не собирался никого обманывать, а просто что-то перепутал — ошибся.

Но я знаю это по моему собственному опыту, это настолько глубинное изменение, что не заметить его нельзя. Как если бы

половина твоего тела была парализована; а потом однажды ты вдруг чувствуешь, что больше не парализован. Обе части твоего мозга отлично работают. Ты можешь такое не заметить? Если парализованный человек вдруг обнаруживает, что больше не парализован, как он может этого не заметить? Такое пропустить невозможно.

Я прекрасно знаю разницу между своим состоянием перед тем, как просветление пришло ко мне, и состоянием после него. Я знал абсолютно четко, что внутри моего разума — а я даже не подозревал, что такое там есть, — что-то завертелось и начало работать. С тех пор для меня не существует проблем. С тех пор я живу не зная забот, переживаний и напряжения.

Все эти состояния приходят из других частей рассудка, которые у меня не работают. А когда работает весь рассудок целиком, а ты находишься вне его, тогда ты — хозяин. Разум — лучший слуга, которого ты мог бы отыскать, и худший хозяин. Но обычно хозяином бывает разум, и то — только его половина. Хозяин наполовину парализован! Тогда ты становишься хозяином, а рассудок превращается в слугу, крепкого и здорового.

Просветленный человек находится «не в своем уме», но полностью управляет своим рассудком. Достаточно лишь его знания. Если ты на некоторое время углубишься в созерцание какого-нибудь предмета, ты получишь опыт, подобный опыту просветленного... Не полный, конечно, ты лишь прикоснешься к нему, почувствуешь его вкус на кончике языка. Если ты примешься наблюдать за своим гневом, он исчезнет. Если ты чувствуешь сексуальное желание, пристально взгляни на него, и вскоре оно исчезнет.

Если они испаряются только от твоего внимания, что же говорить тогда о человеке, который всегда находится *над* своим рассудком и осознает его целиком? Тогда все те отвратительные качества, от которых ты хочешь избавиться, просто испарятся. И помни, у всех у них есть энергия. Гнев обладает энергией — когда он исчезает, энергия, которую он освобождает,

превращается в сострадание. Это та же самая энергия. Путем созерцания мы избавляемся от гнева, он был лишь формой, оболочкой, окружающей энергию, а сама энергия остается. Теперь энергия гнева без самого гнева становится сопереживанием. Когда исчезает навязчивое стремление к сексу, остается огромная энергия любви. И так с каждой гадостью, засевшей у тебя в рассудке. Когда она исчезает, то на ее месте остается великое сокровище.

Просветленному не нужно ни от чего избавляться, и ему нечего тренировать. Все плохое уходит само по себе, поскольку не может вынести осознания. А все хорошее само по себе появляется, ведь осознание дает прекрасную почву для этого.

Просветленный поднялся над механикой разума на высоту немеханического сознания. Ты можешь уничтожить мозг, тогда с рассудком будет покончено, но нельзя уничтожить сознание, ведь оно не зависит от мозга или нервной системы. Можно уничтожить тело, убить мозг, но, если ты смог освободить сознание от них обоих, ты знаешь, что неуязвим, неприкосновенен. На тебе не появится ни единой царапины.

Есть один важный закон: у мыслей нет своей собственной жизни. Это паразиты; они живут, пока ты отождествляешь себя с ними. Когда ты говоришь «Я зол», ты тратишь на злость свою жизненную энергию, ведь ты отождествляешься с этой злостью. Но когда ты говоришь «Я смотрю на гнев, который внутри меня мелькает на экране разума», ты больше не отдаешь гневу ни жизненных сил, ни энергии. Ты сможешь увидеть это, потому что отделил себя и гнев совершенно обессилен. Он никак на тебя не влияет, он тебя не меняет, не затрагивает. Он совершенно пустой и мертвый. Он просто пройдет мимо, и небо останется чистым, а экран твоего рассудка — пустым.

Потихоньку ты начнешь выбираться из плена своих мыслей. В этом и заключается процесс наблюдения и созерцания. Георгий Гурджиев называл это не-отождествлением, ты больше не отождествляешь себя со своими мыслями. Ты просто безучастно стоишь в сторонке, ты полон равнодушия, как будто

это чьи-то чужие мысли. Ты разорвал свои связи с ними. Лишь в этом случае ты можешь осознавать их.

Для созерцания нужна некая дистанция. Когда ты отождествлен, то дистанции нет, они слишком близко. Это похоже на то, как если бы ты поднес зеркало близко к глазам: ты не сможешь увидеть свое лицо. Нужна определенная дистанция; только в этом случае ты сможешь разглядеть себя в зеркале.

Если мысли пролетают слишком близко от тебя, ты не сможешь посмотреть на них. Твои мысли оказывают на тебя воздействие, раскрашивают тебя: гнев заставляет тебя злиться, жадность делает тебя жадным, от похоти ты становишься похотливым, потому что нет никакой дистанции. Они так близко, что ты обречен думать, будто ты и твои мысли — это одно и то же.

Созерцание разрушает это единство и создает разделенность. Чем больше ты созерцаешь, тем больше увеличивается дистанция. И чем она больше, тем меньше энергии забирают у тебя твои мысли. У них нет никакого другого источника энергии. Вскоре они начнут умирать, исчезать. В моменты такого исчезновения ты переживешь первые вспышки состояния не-ума.

? Благодаря Фрейдю, Адлеру, Юнгу и Вильгельму Райху психоаналитики на Западе решают многие проблемы, связанные с разумом человека. Это чувство неудовлетворенности, конфликты, шизофрения, сумасшествие. Не мог бы Ты объяснить роль системы психоанализа в решении человеческих проблем, связанных с разумом, описать ее ограниченность и недостатки, а также сравнить эту систему с твоими техниками медитации.

Самое главное, что ты должен понять, — ни одну проблему, связанную с разумом, нельзя решить, пока ты не выйдешь за его пределы. Можно твое состояние привести в норму, можно

отложить решение проблемы, можно приглушить ее остроту, но решить ее не получится. Психоанализ может сделать из человека «нормального члена общества», но решить проблему он не в состоянии. А когда решение проблемы откладывается, когда она смещается, возникает новая проблема. Она просто уходит в другое место, но никуда не девается. Рано или поздно произойдет новый приступ, и каждый раз, когда это будет случаться, все сложнее и сложнее будет ее спрятать или отложить решение.

Психоанализ — это временное избавление, ведь этот метод не предлагает ничего, что выходило бы за рамки разума. А проблему можно решить лишь тогда, когда тебе удастся выйти за его пределы. Если ты не можешь этого сделать, тогда проблема в тебе. И тогда кто будет решать ее? Как ее вообще решать? Проблема — в тебе; это не что-то отдельное от тебя.

Йога, тантра и все техники медитации основаны на совершенно иных принципах. Они говорят, что проблемы здесь, вокруг тебя, но это не ты, не твоя личность. Ты можешь подняться над ними; ты можешь взглянуть на них, как наблюдатель смотрит с высокого холма на долину. Такое свидетельство своего «я» может решить проблему. На самом деле простое осознание проблемы уже наполовину ее решает, ведь если тебе удастся видеть проблему отстраненно, беспристрастно за ней наблюдать, когда ты в нее не вовлечен, — тогда ты можешь стоять в сторонке и просто смотреть. Та ясность, которая возникает во время такого свидетельства, и приносит тебе решение, дает тебе секретный ключ. А почти все проблемы существуют только из-за того, что нет вот такой ясности, благодаря которой можно было бы их понять. Тебе не нужны решения, ты нуждаешься в ясности.

Когда есть правильное понимание проблемы, она решена, ведь проблему порождает неосознающий ум. Ты создаешь проблему, потому что не понимаешь. Так что самое главное — не решить проблему; главное — подняться на более высокий уровень понимания. А когда есть понимание, ясность, то на

проблему можно взглянуть беспристрастно, с точки зрения свидетеля; будто это вовсе и не твоя проблема, а чья-то чужая. Проблему можно решить лишь тогда, когда тебе удастся создать между тобой и ею некую дистанцию.

Такую дистанцию создает медитация, она дает тебе перспективу. Ты поднимаешься над проблемой. Меняется уровень восприятия. В психоанализе ты остаешься на том же уровне. И этот уровень никогда не меняется; ты к нему привязан. Не меняются ни твой уровень осознания, ни твое сознание, ни твоя способность к созерцанию. В медитации ты поднимаешься все выше и выше. На свои проблемы ты можешь взглянуть сверху. Теперь они где-то там, в долине, а ты поднялся на холм. С этой точки, с этой высоты все проблемы выглядят по-другому. И чем больше дистанция, тем больше растет твоя способность смотреть на них со стороны, как будто они и не твои вовсе.

Запомни одно: если проблема не твоя, ты всегда можешь дать хороший совет, как ее разрешить. Если это чья-то чужая проблема, если в беде кто-то другой, у тебя всегда найдется немного мудрости, ты дашь дельный совет. Но, если проблема твоя, то ты просто не знаешь, что делать. Что же произошло? Проблема та же самая, но теперь она касается тебя. Когда эта проблема была чужой, ты был на расстоянии, с которого и смотрел на нее беспристрастно. Любой человек может быть хорошим советчиком для других, но когда дело касается его, то вся его мудрость куда-то девается, потому что исчезает та самая дистанция.

Вот в семье кто-то умирает, и все родственники безутешны: мы можем дать хороший совет. Ты можешь сказать, что душа бессмертна, что ничто в этом мире не умирает, а жизнь вечна. Но когда умирает человек, которого ты любил, который что-то для тебя значил, был тебе близок, то ты рыдаешь и стонешь. У тебя уже не получится сказать себе то же самое — что жизнь вечна и никто никогда не умирает. Все это выглядит несколько странно.

Так что помни: когда даешь советы другим, ты можешь выглядеть глупо. Если ты скажешь кому-то, у кого умер близкий человек, что жизнь вечна, он подумает, что ты идиот. Ты несешь чушь. Он знает, каково это, когда теряешь любимого человека. Тут не поможет никакая философия. И он знает, почему ты все это говоришь — потому что эта проблема тебя не касается. Ты можешь себе позволить быть мудрым, а он — нет.

Благодаря медитации ты поднимаешься над своим обычным существованием. Внутри тебя рождается новое состояние, точка, с которой ты можешь взглянуть на все происходящее новым взглядом. Появляется дистанция. Проблемы никуда не деваются, но теперь они очень далеко, как будто все это происходит не с тобой. Теперь ты сам можешь давать себе советы, но они уже не нужны. Сама дистанция сделает тебя мудрым.

Вся техника медитации заключается в создании дистанции между проблемами и тобой. Вот сейчас ты настолько запутался в своих проблемах, что не в состоянии думать, размышлять, ты не можешь выйти за рамки проблем, не можешь взглянуть на них со стороны.

Психоанализ помогает только видоизменить ситуацию. Это не трансформация; в этом заключается одна проблема. А вторая состоит в том, что психоанализ делает тебя зависимым. Тебе нужен эксперт, который сделает все. На это уйдет три, четыре года, а если проблема серьезная — то и все пять лет. Ты просто попадешь в зависимость, и ты не развиваешься. Скорее наоборот, ты будешь становиться все более и более зависимым. Каждый день — ну, или два-три раза в неделю — ты будешь испытывать потребность в этом психоаналитике. Если ты пропустишь прием, тебе будет не по себе. Если ты перестанешь ходить к психоаналитику, то будешь чувствовать себя потеряннным. Это становится похожим на алкогольную зависимость. Ты впадаешь в зависимость от кого-то, кто является специалистом. Ты можешь рассказать этому человеку о своей проблеме, и он решит ее. Вы все обсудите, найдете при-

чины проблемы в твоём подсознании. Но сделает это другой человек; решит проблему кто-то другой.

Помни, если проблема решена не тобой, это решение не добавит тебе зрелости. Если проблему решил другой человек, то это решение может добавить зрелости ему, но не тебе. Ты можешь стать еще более незрелым; и потом, когда у тебя будут возникать новые проблемы, тебе понадобится совет специалиста, профессионала. Правда, я не думаю, что сами психоаналитики как-то развиваются благодаря решению твоих проблем, поскольку они ходят за психоанализом к другим психоаналитикам. У них свои собственные проблемы. Они решают твои проблемы и не могут решить своих. Здесь опять вопрос дистанции.

Каждый психоаналитик ходит к другому со своими проблемами. Это как в медицине. Если врач заболевает, он не может поставить диагноз самому себе. Это все так близко, что ему страшно, лучше он пойдет к другому врачу. Если ты хирург, ты же не можешь сам себя оперировать, или можешь? Нет дистанции. Очень сложно оперировать самого себя. А когда заболит твоя жена и ей понадобится серьезная операция — это тоже будет тяжело, ты не сможешь ее оперировать: у тебя будут дрожать руки. Она для тебя близкий человек, и тебе будет страшно: ты не сможешь быть хорошим хирургом. Придется позвать другого хирурга, чтобы он прооперировал твою жену.

Что же происходит? Ты хирург и провел уже много операций. Но оперировать своего ребенка или жену ты не сможешь, дистанция недостаточна — ее почти нет, а без нее ты не можешь быть беспристрастным. Поэтому психоаналитик может помочь другим, но, когда он сам оказывается в беде, ему нужны советы постороннего, нужно, чтобы другой специалист провел психоанализ.

И как же это странно, когда даже такой человек, как Вильгельм Райх, в конце концов сошел с ума. Невозможно себе представить, чтобы Гаутама Будда сошел с ума, а ты можешь

это представить? Если бы Будда мог сойти с ума, то из этих страданий нет никакого выхода. Просто невероятно, чтобы Будда сошел с ума.

Посмотри на жизнь Зигмунда Фрейда. Он отец и основатель психоанализа; он очень глубоко проник в суть проблем. Но в том, что касается его самого, ни одна проблема решена не была. Ни одна! Страх был для него такой же проблемой, как и для любого другого человека. Он был полон страхов и переживаний. У него случались такие приступы гнева, что он мог потерять сознание. Этот человек так много знал о человеческом разуме, но, когда дело касалось его самого, похоже, что все эти знания были абсолютно бесполезны.

Юнг тоже, когда переживал глубокую тревогу, терял сознание; у него были припадки. В чем же заключается проблема? Опять в наличии дистанции. Они размышляли над проблемами, но их сознание не расширилось. Мыслили они рассудочно, логично, вьедливо, пришли к некоторым умозаключениям. И, наверное, в чем-то были правы, но суть не в этом. Их сознание не расширилось, они не переступили пределы. А без этого проблему ты решить не сможешь; ее можно только видоизменить.

В последние дни своей жизни Фрейд говорил, что человек неизлечим. Правда, человек способен приспособливаться, но это самое большее, на что мы можем рассчитывать; другой надежды нет. И это все! Фрейд говорит, что человек не может быть счастлив. Мы можем сделать его не таким несчастным, но не более того. Вот так. Ну и какое же решение может прийти при таком подходе? И это после сорока лет работы с людьми! Он делает вывод, что человеку помочь нельзя, что страдание заложено в самой нашей природе и мы обречены страдать.

А приверженцы медитации говорят, что это не человек неизлечим; это наше крохотное сознание создает проблемы. Пусть сознание растет, расширяется, и проблемы станут уменьшаться. Существует взаимосвязь: если уровень сознания минимален, то проблемы бесчисленны; если сознание

находится на наивысшем уровне, проблем почти нет. Когда сознание становится абсолютным, проблемы попросту исчезают, подобно каплям росы в лучах восходящего солнца. При абсолютном сознании проблем не бывает, они просто не могут появиться. Самое большее, на что способен психоанализ: он может залечить старую проблему, но на ее месте будут возникать новые; и ему не удастся их предотвратить.

Медитация идет в самые глубины. Она настолько изменит тебя, что проблемы просто не могут появиться. Психоанализ занимается проблемами. Медитация обращена непосредственно к тебе, ее совершенно не интересуют проблемы. Вот почему величайшие психологи Востока — Будда, Махавира или Лао-цзы — не говорят о проблемах. Поэтому западная психологическая школа думает, что психология — новое явление. Но это не так!

Только в первой половине XX века Фрейд смог научно доказать существование такого явления, как бессознательное. Будда говорил о нем двадцать пять веков назад. Но Будда никогда не занимался решением проблем, поскольку, как он говорил, проблемы бесконечны. Если начать заниматься каждой проблемой, то тебе никогда их не разрешить. Займись человеком, забудь о проблемах. Занимайся самой личностью и помоги ей вырасти. Когда она вырастет, когда ее сознание расширится, проблемы постепенно уйдут; тебе не нужно будет заботиться о них.

К примеру, человек страдает шизофренией, его личность разделена, расколота. Психоанализ будет заниматься этим расколом, он будет пытаться поставить его под контроль, попытается изменить человека так, чтобы он был дееспособен, чтобы мог мирно существовать в обществе. Психоанализ будет заниматься проблемой, шизофренией. Если же этот человек придет к Будде, то Будда не будет рассуждать о шизофрении. Он скажет: «Медитируй, чтобы твоя внутренняя сущность воссоединилась. Когда это случится, раскол на ее краях исчезнет». Раскол есть, но это не причина, это следствие. Где-то глубоко внутри ты чувствуешь двойственность, и она

создала этот внешний раскол. Ты можешь зацементировать раскол, но внутренняя разделенность останется. Тогда раскол появится в другом месте. Твой цемент даст трещину; и где-то снова появится разделение. Поэтому, когда ты излечиваешь одну психологическую проблему, тотчас возникает другая; ты лечишь ее, но появляется третья. Это совсем неплохо с точки зрения профессионалов, они ведь с этого живут. Но толку от этого — никакого. Нужно будет выйти за рамки психоанализа, и пока мы не придем к методикам роста сознания, внутреннего развития человека, расширения сознания, никакой психоанализ не поможет.

И в наше время это уже происходит; психоанализ устарел. Самые выдающиеся умы на Западе размышляют о том, как расширить сознание, а не как решить проблемы, о том, как пробудить в людях внимательность и осознание. Теперь время пришло; семена взошли. Нужно помнить самое главное.

Я не занимаюсь твоими проблемами. Их миллионы, и совершенно бесполезно пытаться их решить, поскольку создаешь проблемы ты сам и тебя это решение не затронет. Я решаю одну проблему, а ты сотворишь еще десять. За тобой не успеешь, ведь создатель всех проблем остается в тени. И чем дальше я буду их решать, тем больше моей энергии будет потрачено попусту.

Я просто откладываю твои проблемы в сторону и занимаюсь *тобой*. Нужно изменить творца. И как только мы изменим создателя проблем, исчезнут и поверхностные проблемы. Теперь никто с ними не носитя, никто не помогает их создавать, никто ими не наслаждается. Тебе может показаться странным слово «наслаждаться», но хорошо запомни, что ты наслаждаешься своими проблемами; вот поэтому-то и создаешь их. Есть много причин, почему ты ими наслаждаешься.

Все человечество больно. На то есть серьезные причины и основания, о чем мы еще будем говорить. Когда болеет ребенок, он получает внимание, когда же он здоров, до него никому нет никакого дела. Когда ребенок болен, родители любят его — или

по крайней мере делают вид, что любят. А когда с ребенком все в порядке, о нем заботятся мало. Никому и в голову не придет поцеловать его или обнять. Ребенок все это понимает. Любовь — это основная потребность, а внимание — главная пища. Для ребенка внимание даже более необходимо, чем молоко. Без внимания внутри у него что-то умирает.

Ты, наверное, слышал об исследованиях в лабораториях, где проводились эксперименты с растениями. Даже растения растут быстрее, если уделять им внимание, если с любовью смотреть на них. Для эксперимента взяли два растения. Одному растению уделяли внимание, за ним ухаживали с любовью и улыбкой. А другому растению не уделяли никакого внимания. Все остальное у них было — вода, удобрения, свет; все это растения получали поровну — все, кроме внимания. Второе растение было внимания лишено, когда проходили рядом, на него даже не смотрели. Ученые заметили, что одно растение быстрее растет, цветы у него больше, а рост второго растения замедлен и цветет оно мелкими цветками.

Внимание — это энергия. Когда кто-то смотрит на тебя с любовью, он дает тебе пищу — и очень тонкого плана. Итак, каждому ребенку необходимо внимание, а получает он его, только когда болен, когда есть какая-то проблема. Поэтому, если ребенок хочет получить внимание, он создает проблему, он становится творцом проблем.

Любовь — это главная потребность. Твое тело растет благодаря пище, а душа растет в лучах любви. Но получить любовь ты можешь, только когда болен, когда у тебя проблемы; иначе никто тебе никакой любви не даст. Ребенок усваивает этот урок и начинает создавать проблемы. Когда человек болен или у него какие-то проблемы, он получает внимание.

Наверное, ты это тоже замечал. У тебя дома дети тихо и спокойно играют. Если приходят гости, они начинают шуметь. Это потому, что твое внимание переходит к гостям и детям очень хочется получить его обратно. Им нужно, чтобы на них смотрели все: и ты, и твои гости. Они что-нибудь натворят,

сделают какую-нибудь шкуру. Это все неосознанно, но потом такое поведение становится стереотипом. И когда ты вырастаешь, ты продолжаешь поступать точно так же.

Психоаналитик уделяет тебе внимание, потому что работа у него такая. Целый час он внимательно на тебя смотрит. Он выслушает все, что ты скажешь. Любую ерунду он будет слушать так, будто внимает чтению Святого Писания. Для того чтобы вытащить все, что сидит у тебя в голове, он будет убеждать тебя говорить еще и еще, рассказать обо всем, что имеет и не имеет отношения к делу. И тебе станет так хорошо.

Большинство пациентов влюбляются в своих психоаналитиков. А как уберечься от отношений между клиентом и психоаналитиком? Это большая проблема, поскольку рано или поздно их отношения становятся любовными. Почему? Почему пациент-женщина влюбляется в психоаналитика-мужчину? И наоборот: почему пациент-мужчина влюбляется в психоаналитика-женщину? Причина проста: впервые в жизни им уделяют столько внимания. Потребность в любви удовлетворена.

Пока не изменится твоя глубинная сущность, решить проблемы не получится. В тебе заложен бесконечный потенциал сотворения своей новой личности. Медитация — это попытка, во-первых, сделать тебя независимым, а во-вторых, изменить вид и качество твоего сознания. С новым качеством сознания старые проблемы существовать не могут, они просто исчезают. Ты был маленьким ребенком; у тебя были одни проблемы. Когда ты стал старше, они просто исчезли. Куда они делись? Ты никогда их не решал, их просто не стало. Ты даже не сможешь вспомнить, какие же проблемы были у тебя в детстве. Ты вырос, и проблемы ушли сами собой.

Потом ты стал постарше, у тебя появились другие проблемы; когда ты постареешь, их уже не будет. Это не значит, что ты сможешь решить их, на это не способен никто, из них можно только вырасти. Когда ты станешь старше, ты будешь смеяться над проблемами, которые у тебя были раньше.

А они были такие острые, такие серьезные, что ты много раз подумывал, не совершить ли тебе самоубийство. А теперь, когда ты вырос, тебе просто смешно. А куда делись все эти проблемы? Ты их решил? Нет, ты просто вырос. Эти проблемы существовали лишь на определенном этапе развития.

Точно так же бывает, когда растет твое сознание. Тогда проблемы тоже исчезают. Наступает момент, когда твой уровень осознания настолько высок, что проблемы просто не появляются. Медитация — это не анализ. Медитация — это рост. Она не имеет отношения к проблемам — она занимается сутью человека.

Глава 3

Ведущий и ведомый Понимание ответственности быть свободным

У Ницше есть пророческое высказывание: «Бог мертв, а человек — свободен». Он поразительно глубоко проник в суть проблемы. Очень немногие люди смогли понять всю силу этой мысли. Это новая веха в истории сознания. Если Бог есть, человек не может быть свободным — это исключено. С Богом человек останется рабом, а свобода будет просто пустым звуком. Только когда Бога нет, слово «свобода» обретает какой-то смысл.

Но в этом высказывании Фридриха Ницше только половина правды; никто не попытался довести его до логического завершения. Кажется, что здесь все сказано, но Ницше не знал, что бывают религии, где Бога нет, но даже там человек не свободен. Он не знал буддизма, джайнизма и даосизма — самых глубоких религий в мире. Во всех этих религиях Бог отсутствует. Лао-цзы, Махавира и Гаутама Будда отрицали Бога по той же причине, что и Ницше. Они видели, что, когда есть Бог, человек — всего лишь марионетка. Тогда все попытки достигнуть просветления бессмысленны — если ты не сво-

боден, как же ты можешь стать просветленным? Ведь есть кто-то — всемогущий, всеильный, он может забрать у тебя твое просветление. Он может все уничтожить!

Но Ницше не знал, что существуют безбожные религии. Всегда были люди, которые понимали, что существование Всевышнего — это наибольшее препятствие для свободы человека. Такие люди отказывались от Бога. Но человек все еще не свободен.

Я пытаюсь помочь тебе, хочу, чтобы ты понял: просто уничтожив Бога, ты не сделаешь человека свободным. Тебе потребуется разрушить еще кое-что. Я имею в виду религию.

Религия тоже должна умереть; она должна последовать за Богом. Мы должны создать безбожную и антирелигиозную религиозность, где над тобой не будет никого, кто был бы могущественнее тебя, где не будет никаких организованных религий, которые создают разные клетки — христианскую, исламскую, индуистскую, буддистскую. Прекрасные клетки...

Когда Бог и религия будут мертвы, само по себе исчезнет еще одно явление. Я говорю о священнослужителях, о разных духовных лидерах. Теперь у них нет работы. Ведь нет никаких организованных религий, где они могут быть Папой Римским, шанкарачарьей или Аяталлой Хомейни. У них уже нет Бога, которого они могли бы представлять; их миссия окончена.

Будда, Махавира и Лао-цзы отказались от идеи Бога так же, как и Ницше. Но они не знали, не ведали о том, что если останется религия, то священникам удастся удержать человека в рабстве, даже если не будет Бога.

Для того чтобы завершить мысль Фридриха Ницше, должна умереть еще и религия. Нет никакого смысла в существовании разных конфессий, если нет Бога.

Для кого существует организованная религия? Церкви, храмы, мечети и синагоги должны исчезнуть. После этого все раввины, епископы и другие всевозможные религиозные лидеры окажутся без работы, они будут никому не нужны.

И тогда произойдет великая революция: человечество станет абсолютно свободным.

Но, прежде чем ты сможешь уяснить для себя скрытый смысл такой свободы, тебе необходимо понять ограниченность высказывания Ницше. Если его постулат верен на все сто, тогда о какой свободе идет речь? Бог мертв, человек — свободен...

Свободен от чего? Это будет свобода, подобная свободе любого другого животного. Называть это свободой было бы неверным — это *вседозволенность*. Это не свобода, поскольку в ней не заложено никакой ответственности, отсутствует всякое осознание. Она не поможет человеку подняться вверх, стать более совершенным, чем теперь, когда он окован цепями рабства. Какой смысл в свободе, если она не ведет тебя вверх, не уводит от твоего рабства?

Возможно, свобода потянет вниз и ты окажешься ниже уровня раба, ведь рабство предполагало наличие определенной дисциплины, морали и принципов. За тобой присматривала какая-то религия, она держала тебя в страхе — ты боялся возмездия и ада, ты жаждал вознаграждения и рая и держался на уровень выше диких животных, у которых свобода есть, — правда, она не сделала их более совершенными. Она не добавила им ни одного видимого признака сознания.

Ницше не знал о том, что дать свободу недостаточно, и не только недостаточно, это опасно, это может превратить человека в животное. Прикрываясь свободой, он может свернуть с пути, ведущему к высшим состояниям сознания.

Когда Бог мертв и когда умер институт религии, вот тогда у человека есть свобода *быть собой*. Впервые без всяких препятствий он волен исследовать самые сокровенные части своего существа. Он свободен погружаться в глубины своей личности, подниматься на высоты своего сознания. Никто не станет чинить ему препятствий, его свобода абсолютна. Но такая свобода возможна, только если нам удастся сохранить внутри себя качество, которое я называю *религиозностью*. Это

живая религиозность, она прекрасно сочетается со свободой, помогает развитию человека.

Под «религиозностью» я понимаю то, что просто человека — такого, каков он есть, недостаточно. Мы можем быть чем-то большим. Чем-то *гораздо большим*. Что бы ни представлял собой человек, это только семя. Мы не знаем, какой в нас заложен потенциал.

Религиозность просто означает возможность роста, возможность для семени вырасти в прекрасное растение, которое покроется тысячами цветов и будет источать скрытый в них аромат. Этот аромат я и называю религиозностью. К твоим так называемым религиям, Богу и священнослужителям это не имеет никакого отношения: речь идет о тебе и возможностях твоего развития.

Так что я использую слово «религиозность» лишь для того, чтобы напомнить тебе, что может умереть Бог, могут исчезнуть религии, но религиозность — это качество, присущее самому существованию, нитью вплетенное в его ткань. Это великолепие восхода и красота полета птицы. Это очарование раскрывающихся лепестков лотоса. Это все, что есть вокруг правдивое, искреннее и настоящее, — все, что любит и испытывает сострадание. Сюда относится все, что толкает тебя вверх, что не дает тебе застыть на месте и всегда напоминает тебе, что предстоит еще неблизкий путь. Где бы ты ни остановился на отдых — это только для того, чтобы переночевать, утром ты вновь отправляешься в странствие. И это странствие вечно, ты один на этом пути, и ты абсолютно свободен.

Так что это величайшая ответственность, она невозможна для верующего в Бога, для того, кто верит священнику и церкви, ведь такой человек хочет переложить свою ответственность на других. Христианин думает, что Иисус — Спаситель, вот ему за все и отвечать: «Он придет и освободит нас от наших страданий, от этого ада». Свобода возлагает на тебя полную ответственность за то, кто ты есть сейчас и кем ты станешь в будущем.

Поэтому я оставил слово «религиозность». Это прекрасно! Это не институт; она не принадлежит индуистам, мусульманам или христианам. Это просто аромат, который заставляет тебя идти вперед.

На этом пути не бывает остановок. В жизни нет точки, и даже точки с запятой, лишь маленькие запятые. На отдых у тебя есть только секунда, а все остальное время ты будешь набираться сил, чтобы идти вперед и вверх.

Пастух и овцы: отрезая нити, которые держит кукловод

Сама идея Бога приносит тебе утешение — ты не один, кто-то присматривает за твоими делами. Возьмем, к примеру, космос — это не просто хаос, а самый настоящий космос: он создан по какому-то принципу, в нем есть логика; это не бессмысленная мешанина, не анархия. Кто-то всем этим управляет; там есть абсолютный монарх, который следит за самыми ничтожными мелочами — даже лист на дереве шевелится, подвластный Его воле. Все запланировано. Ты — часть великого рока. Может быть, смысл всего этого тебе не известен, но он точно есть, ведь существует Бог. Он приносит огромное облегчение. Человеку начинает казаться, что жизнь не случайна; во всем этом есть какой-то скрытый смысл, значение и предназначение. Бог дает смысл жизни.

Но Бога нет — просто все это говорит о том, что человек не знает, почему он здесь. Это показывает, что человек беспомощен. Человеку недоступен смысл. Создав Бога, он может поверить в смысл и он может прожить свою бессмысленную жизнь с представлением о том, что кто-то за ним присматривает.

Просто представь: ты летишь на самолете, кто-то приходит и говорит: «Пилота у нас нет». И тут начнется паника. Нет пилота?! Просто это означает, что ты обречен. Потом кто-то

говорит: «Пилот должен быть там. Он невидим. Мы, наверное, не можем его видеть, но он там; иначе как же работает весь этот великолепный механизм? Просто подумай: все так замечательно работает — значит, пилот должен быть! Может быть, мы не способны видеть его, может, мы пока еще не очень благочестивы, чтобы его увидеть, может, наши глаза закрыты, но пилот там *есть*. Иначе как же все это может быть? Самолет оторвался от земли, он прекрасно летит, моторы гудят. Все так надежно, значит, пилот — там».

Если кому-нибудь удастся тебя убедить, ты сможешь снова расслабиться в своем кресле. Ты закроешь глаза, начнешь мечтать и даже можешь заснуть. Пилот на месте, тебе не о чем беспокоиться.

Никакого пилота нет, его придумали люди. Человек создал Бога по своему образу. Это — изобретение человека. Бог — это не открытие, это изобретение. И Бог не истина — это самая грандиозная ложь из всех, которые есть на свете.

? Неужели Ты на самом деле веришь, что Бога нет?

Я не верю, что Бога нет, я знаю это наверняка. И слава богу, что Он не существует, ведь Его существование создало бы так много проблем и сложностей, что жизнь была бы почти невозможной. Наверное, ты не думал об этом так, как я буду говорить, — возможно, никто не пытался этого сделать.

Христиане говорят, что Бог создал все сущее. По существу, предположение о существовании Бога нужно, чтобы как-то обосновать факт Творения. Вселенная — вот она, здесь; значит, кто-то должен был ее сотворить. И кто бы это ни сделал, творец и есть Бог. Ты улавливаешь скрытый смысл? Если наш мир сотворен, то эволюции быть не может, ведь это означало бы, что творение продолжается.

Вспомни библейскую историю: Бог создал мир за шесть дней, а на седьмой день Он отдыхал; вот с тех пор Он и отды-

хает. За шесть дней было завершено все Творение. Так откуда же взяться эволюции? Творение означает, что все уже закончено! Точка поставлена. На шестой день дело было сделано, и после этого никакая эволюция уже невозможна.

Если есть эволюция, значит, творение не завершено; отсюда следует возможность развития. Но ведь Бог не может создать несовершенный мир; это было бы против самой природы Божественного. Бог — совершенен, и так же совершенно все, что он делает. Ни Бог, ни сотворенный им мир не меняются; все застыло, замерло. Вот почему церковь выступила против Чарльза Дарвина: этот ученый выдвинул идею, которая рано или поздно могла уничтожить Бога. В каком-то смысле иерархи церкви были весьма прозорливы: они увидели далекие последствия эволюционной теории.

Обычно мы не видим никакой связи между творением и эволюцией. А какая связь между Богом и Чарльзом Дарвином? Такая связь есть. Чарльз Дарвин говорит, что творение — это непрерывный процесс, что бытие всегда несовершенно, что оно никогда таковым не будет; лишь тогда может продолжаться развитие, тогда можно взбираться на новые вершины, проникать в новые измерения, открывать незнакомые двери и неизведанные возможности.

Бог закончил свою работу за шесть дней — и не так давно это было, всего за четыре тысячи четыре года до рождения Иисуса Христа. Наверное, это было первого января, в понедельник, ведь мы умудряемся приспособлять Бога под все, что придумали сами. Так что Он должен соблюдать и наш календарь. Если бы спросили меня, я бы сказал, что это, пожалуй, был понедельник, первое апреля, День дураков. Наверное, этот день лучше всего подходит для сотворения законченного, готового к употреблению мироздания.

Если эволюция невозможна, то жизнь теряет всякий смысл, она теряет будущее; тогда есть только прошлое.

Это ненормально, что верующие все время смотрят в прошлое, — у них только оно и есть. Все уже сделано; для будущего

не осталось ничего, там пусто, и все же ты должен жить в этом будущем. Все, что должно было случиться, произошло за четыре тысячи четыре года до рождения Иисуса. После не было никаких дополнений, эволюции, не было никакого развития.

Всевышний создал мир, как гончар лепит горшок, это неживой предмет, вылепленный из глины. Но ты должен помнить: в любой момент гончар может разбить горшок. Если отдать Богу право на творение, то одновременно в его руках оказывается и право на разрушение. Это как-то упускают из виду. Всевышний может уничтожить сотворенное. Каждый год в апреле бывает День дураков, и каждый год первого апреля Бог может все уничтожить. На это снова может уйти самое большее дней шесть.

Сама мысль о том, что тебя кто-то создал, превращает тебя в вещь, твоя суть исчезает.

Только если Бога нет, ты можешь быть человеком. Бог и ты как отдельные сущности не могут быть одновременно. Вот почему я говорю, что уверен — Бога нет, ведь я везде вижу людей.

Их существование является достаточным доказательством того, что Бога нет, это невозможно. Или ты, или Бог, вы не можете существовать одновременно. Человек, поверивший в Бога, сам не ведая того, теряет свою сущность; он становится вещью. Поэтому бывают христианские вещи, индуистские вещи, мусульманские вещи — это не существа. Они отказались от своего существа, это был их выбор; они отдали все свое существо Богу. Иллюзия ожила, а жизнь стала иллюзией. Я просто все ставлю на свои места.

Когда я говорю, что Бога нет, то никакой неприязни к Нему не испытываю. До Бога мне нет никакого дела, есть Он или нет — меня это не касается. Когда я говорю, что Бога нет, я хочу вернуть твою потерянную сущность; хочу показать тебе, что ты не вещь, созданная по чьей-то прихоти.

Почему в какой-то определенный день за четыре тысячи четыре года до рождества Христова Бог решил сотворить

мир? Почему вообще возникла эта идея? Было ли что-то еще, что заставило Его сотворить? Может, там был какой-то Змей, который соблазнил Его на сотворение? Почему именно в этот день, а не раньше? Я хочу, чтобы ты понял главное. Все это произошло случайно, по какой-то прихоти. Если эта история правдива, то Бог — безумен. Чем Он занимался целую вечность и почему идея творения так поздно пришла Ему в голову?

Сама идея творения делает нас случайностью, причудой, тогда как эволюция совсем не случайная прихоть. Эволюция бесконечна, она всегда была. Никогда такого не было, чтобы бытие не существовало, и никогда в будущем не случится так, что бытие прекратит свое существование. Бытие означает вечность.

Всевышний все делает глупым, незначительным, случайным, бессмысленным, непредсказуемым. Всего лишь этот старичок, а Он, наверное, был и вправду стар — очень стар, — когда Ему пришла в голову идея о сотворении, и за шесть дней Он управился. Вот почему церковь была против Чарльза Дарвина: «Ты говоришь, что все еще не завершено, все развивается. Ты — против Библии, против священных писаний. Ты против Бога и концепции о сотворении мира».

А Дарвин отвечал: «Я не выступаю против какого-то Бога, потому что я не знаю никаких богов». Ему было очень страшно, ведь он был христианином. Он часто молился; а после того, как была создана теория эволюции, он стал молиться даже чаще. Он очень испугался: кто его знает, может, он делал что-то богопротивное. Он верил, что мир создан Богом, но научные факты говорили о другом — все эволюционирует, жизнь не стоит на месте.

Так что если кто-то верит в Бога, он не может верить, что ты — самостоятельное существо. Создают только вещи; у них есть начало и конец — а человеческая сущность вечна.

Из-за этого две религии в Индии, джайнизм и буддизм, отказались от идеи Бога, ведь иначе нужно было отказаться

от идеи о человеческой сущности, а это гораздо более важно. Они хотели оставить и то, и другое, но это противоречило бы всякой логике. Как только ты признаешь, что ты был создан, ты признаешь и вторую часть этого постулата: тот же капризный старичок в любое время может тебя уничтожить. Так что же ты значишь — ты просто игрушка в руках старого волшебника? Когда Он хочет, Он играет с игрушками, и когда Ему заблагорассудится, Он их уничтожает? Это был и вправду большой и смелый шаг со стороны Махавиры и Будды: выбрать человеческую сущность и отказаться от идеи Бога. Это произошло двадцать пять веков назад. Они просто смогли понять, что невозможно одновременно принимать обе идеи, поскольку они противоречат друг другу. Но они не знали об эволюции, это пришло позже. Сейчас мы тоже знаем, что концепция творения противоречит идее эволюции.

Творение и эволюция абсолютно несовместимы. Творение означает завершение; эволюция значит постоянный рост. Рост возможен, только если все сущее несовершенно и остается таковым. Как бы высоко мы ни выросли, всегда можно вырасти еще.

Есть еще несколько соображений, которые нужно иметь в виду.

Если ты создан, у тебя не может быть свободы. Ты когда-нибудь видел свободную машину или вещь? Все сотворенное находится в руках творца, подобно марионетке. В его руках нити, он дергает за одну... ты, наверное, видел кукольное представление. Кто-то дергает за веревочки, но остается за сценой; ты его не видишь, ты видишь только кукол — они танцуют, дерутся, и все это ненастоящее. Настоящий тут только кукловод.

Все эти марионетки не могут драться, любить, жениться по своей воле — все это происходит в кукольном представлении. Они не могут решать, танцевать им или нет, а если танцевать им не хочется, они не скажут «Нет! Я не буду». Марионетка не может сказать «нет». Все религии учат тебя не говорить «нет»:

не говори «нет» Господу, его Мессии, его Священному писанию. Никогда, слышишь, никогда и не думай говорить «нет».

Почему? Если ты не можешь сказать «нет», какой тогда толк в твоём «да»? Отсюда вывод — «да» имеет смысл, только когда ты можешь сказать «нет». Если ты должен сказать «да» и других вариантов, кроме «да», у тебя нет. Я слышал, что, когда Форд начал производить автомобили, он частенько навещался в магазин и знакомился с покупателями, разговаривал с ними. Он им говорил: «Ты можешь выбрать любой цвет, при условии, что этот цвет — черный», а тогда в продаже были только черные машины. Ты свободен, при условии, что твой ответ — «да». Что это за свобода?

У марионеток не может быть свободы. И если тебя просто сотворил Господь, то ты — марионетка. Лучше поднять восстание против Бога и стать личностью, чем покориться и быть частью кукольного спектакля, ведь когда ты признаешь себя марионеткой, ты совершаешь самоубийство.

Мир полон марионеток разного цвета, с разными именами, разными обычаями. Индуисты считают, что без Бога даже лист на дереве не пошевелится, так что же говорить о тебе? Все происходит по воле Божьей. По существу, Он все предопределил еще тогда, когда творил; все уже предрешено. И ведь странно — умные люди продолжают верить во всю эту чушь.

Ты только взгляни: с одной стороны, тебя создал Господь; с другой — когда ты совершаешь что-то плохое, тебя наказывают.

Если тебя создал Бог и он определил твою природу, ты не можешь идти против нее, у тебя нет никакой свободы. С Богом никакой свободы быть не может; как же тогда ты можешь совершить преступление, как ты можешь быть грешником? Или святым? Он уже все предопределил. И отвечать Ему, а не тебе.

Но люди продолжают верить и в то, и в другое: Бог создал мир, человека, мужчину, женщину, все — а потом всю ответ-

ственность возложил на нас? Если с тобой что-то не в порядке, отвечает за это Бог и наказывать нужно Его. Если ты убийца, то, значит, этого убийцу создал Господь, тогда Он должен нести ответственность за Адольфа Гитлера, Иосифа Сталина и Мао Цзэдуна. Он создал этих людей.

Но нет, верующий разум теряет способность рассуждать, ржавеет, совсем забывает, что это несовместимо; Бог и свобода несовместимы. Если ты свободен, то Бога нет.

Ты, наверное, об этом не думал. Как ты можешь быть свободным, если есть Создатель, который все время на тебя смотрит, тебя поддерживает и направляет? Во-первых, Он все в тебя вложил, внутри тебя — программа. И ты будешь ей следовать, ты не можешь поступать иначе. Это как с компьютером: что в него введешь — то и получишь обратно, на другое он не способен. Если ты начнешь задавать задачи, для которых не были установлены программы, то компьютер не сможет их решить. Компьютер — это механизм: вначале ты должен ввести в него информацию, потом ты можешь спрашивать у него все, что тебе нужно, и он тебе поможет.

Если есть Создатель, тогда ты просто компьютер. Создатель ввел в тебя некую информацию, запрограммировал тебя, и ты ведешь себя соответственно. Если ты святой, то это не твоя заслуга — так было записано в программе. Если ты грешник, не нужно чувствовать себя плохим — это тоже было в программе. Если есть Бог, создавший мир, тогда никто, кроме Него, ни за что не отвечает. А перед кем Ему отвечать? Над Ним ведь никого нет. Ты не отвечаешь, потому что Он тебя создал; Он не отвечает, потому что нет никого, перед кем бы Он мог держать ответ. Бог означает, что все мироздание теряет ответственность, а ответственность — это сердцевина твоей жизни.

Так что признать существование Бога не значит стать религиозным, ведь если нет ответственности, как ты можешь быть религиозным? Откуда взяться религиозности без свободы? И без независимого существования твоего «я»? Бог — это самая антирелигиозная идея.

Если ты согласишься с разными сторонами, то верующие в Бога не религиозны, они не могут быть религиозными. Поэтому, когда я говорю, что Бога нет, я пытаюсь спасти религиозность.

Дьявол не опасен, настоящая опасность исходит от Бога. Дьявол — всего лишь Его тень. Если исчезнет Бог, то сама собой пропадет и тень. Настоящая проблема — это Бог.

Когда я говорю, что Бог — самый большой враг религиозности, это повергает в шок так называемых верующих людей, ведь они думают, что религия — это когда ты молишься Богу, восхваляешь Его, подчиняешься Ему. Они никогда не думали об ответственности, свободе, росте, сознании, существовании; это никогда их не заботило — а ведь это и есть настоящие религиозные вопросы. Эти люди даже не догадываются, что они теряют. Они теряют все, что представляет ценность, все, что прекрасно, все, что может стать для них благословением. Так называемый верующий сосредоточен на иллюзии и забывает о своей собственной реальности, о самом себе и думает о ком-то там, высоко, в небесах. Этот кто-то там, высоко в небе, не существует, но ты можешь обратить все свое внимание на несуществующее и при этом забыть о себе. А ведь именно там, внутри тебя, и возникает настоящая религия.

Вот почему молитва не имеет никакого отношения к религии. Что ты делаешь, когда молишься? Вначале в своем воображении ты создаешь образ, потом погружаешься в него и начинаешь с ним разговаривать. То, что ты делаешь, — это сумасшествие. Во всех церквах, синагогах, храмах и мечетях по всему миру эти люди делают что-то ненормальное; и вся наша Земля полна таких душевнобольных.

Ведь они делают это веками, а ты считаешь их религиозными, и тебя шокирует, когда я говорю, что религиозностью здесь и не пахнет. Их даже нельзя назвать нормальными — а до религиозности им вообще далеко. Они — ниже нормы. То, что они делают, настолько глупо, что, если и дальше продолжать в том же духе, все сохранившиеся в их головах остатки мозгов постепенно так и засохнут. Может, их уже там и нет.

Я думаю, религиозность — это потрясающее явление. Она не иллюзорна. Она проникает в самое сердце реальности. Она познает существование из самого его центра. Но тебе нужно оставить свои иллюзии. Они никогда не позволят тебе заглянуть вглубь себя, ведь эти иллюзии отражаются наружу и ты начинаешь полностью себя с ними отождествлять. Ты знаешь это. Ты смотришь фильм или телепередачу, и помнишь, конечно, как много раз на глаза у тебя наворачивались слезы, хотя тебе понятно, что это всего лишь телевизионный экран и там никого нет. Ты совершенно забываешь о том, что ты только зритель; ты отождествляешь себя с кем-то настолько, что, если тот другой человек страдает, у тебя на глазах появляются слезы. Именно это делают твои так называемые верующие! Они заняты тем, что представляют образы богов и богинь всех сортов и оттенков и совершенно забыли себя. Они поклоняются тому, чего нет, и так усердно это делают, что создают галлюцинации.

Христианин наяву может увидеть Иисуса, а индуист может увидеть Кришну. Но Иисусу будет крайне сложно показаться перед индуистом. Индуисту Иисус не привидится никогда, даже по ошибке, а Кришна никогда не покажется христианину. Может, время от времени это бы и не повредило, но Иисус и Кришна никогда не делают таких ошибок. Христианин не допустит такой ошибки; его галлюцинация — Иисус, он не может представить себе Кришну. На экране появляется только то, что ты на него проецируешь.

Если ты посылаешь на экран фильм, то там появится именно этот фильм; если посылаешь другой фильм, то показывать будут его. Не бывает, чтобы крутили один фильм, а на экране шел другой. Вот почему Кришна не может привидиться христианину, мусульманину или иудею. А Иисус может явиться только христианину.

Но мы продолжаем усиливать, накручивать наше воображение и галлюцинации. И что ты с этого имеешь? Тысячи лет галлюцинаций. И что ты получил — такого человека, каков

он везде, во всем мире, и эту неразбериху? Это результат тысячелетий религиозных практик, учений, ритуалов, молитв? Миллионы церквей, храмов по всему миру — и это результат? Тот человек, которого мы видим, люди наших дней, такое человечество получилось после всех этих усилий?

Это должно было случиться, ведь мы все эти годы растратили на полнейшую глупость, которую называли религией. Мы потеряли так много времени, когда могли подняться на неизведанные высоты и опуститься в бездонные глубины: к свободе духа, к состраданию души, к индивидуальности и целостности. Если бы все эти тысячелетия не пропали зря, если бы мы не гонялись за призраком Бога... а это просто надувательство, которое не стоит ничего, и ломаного гроша! А ты спрашиваешь меня: «Ты что, и вправду не веришь?»

Вопрос не в том, верить или не верить, — нет никого, в кого можно было бы верить или не верить. Бога нет.

Так что, пожалуйста, запомни: не нужно говорить, что я неверующий. Я и не верующий, и не неверующий. Я просто утверждаю, что речь идет всего лишь о проекции человеческого разума, и настало время, когда мы должны прекратить играть в эти игры против самих себя. Пришло время, когда нам нужно навсегда попрощаться с Богом.

? Откуда берется религиозный фундаментализм?
 ● Какая психология стоит за ним и как она изменяется
 ● в отношениях с другими формами религии, которые кажутся более терпимыми?

Религия — это очень сложное явление, и нужно всю эту сложность понять.

В мире существует семь видов религий. Первый основан на *невежестве*. Поскольку люди не могут вынести свое невежество, они его скрывают. Очень тяжело признать, что чего-то не знаешь, это так противно твоему «эго», вот люди и верят. Их вероисповедания служат для защиты их «эго». Может пока-

заться, что верования приносят пользу, но в конечном счете они очень вредны. Вначале кажется, что они защищают, но в конце концов они становятся разрушительными. Здесь все основано на невежестве.

Большая часть человечества остается под влиянием религии первого типа. Это для того, чтобы уйти от реальности, не видеть провала, который человек ощущает внутри своего «я», чтобы спрятаться от черной дыры невежества. Люди первого типа — фанатики. Они не могут спокойно относиться даже к тому, что на свете бывают и другие религии. Их религия — это истинная религия. Ведь они так боятся своего невежества. Если кроме их религии существуют и другие, то у них может возникнуть подозрение или появится сомнение. Тогда они не будут настолько уверены. Чтобы укрепить свою убежденность, они становятся упрямыми, чудовищно упрямыми. Они не могут читать священные книги других религий, не способны слышать другую истину, не могут с терпимостью относиться к другим божественным откровениям. Их откровение — единственно верное, и только их пророк — настоящий пророк. Все остальное совершенно неправильно. Эти люди оперируют абсолютными категориями, тогда как для человека знания все относительно.

Эти люди нанесли религии огромный вред. Из-за них сама религия выглядит немного глуповато. Постарайся не стать жертвой этого первого типа. Почти девяносто процентов человечества придерживаются верований первого типа, и это ничем не лучше, чем быть совершенно нерелигиозным. А может быть, даже хуже, ведь нерелигиозный человек никогда не будет фанатиком. Такой человек более открыт, по крайней мере, он готов слушать, готов обсуждать, спорить, искать и спрашивать. А человек первого типа религиозности даже слушать не готов.

Когда я учился в университете, я некоторое время жил у одного из моих преподавателей. Его мать была очень набожной индуисткой, совершенно необразованной, но очень религиозной.

Однажды холодным зимним вечером, когда в камине горел огонь, я сидел рядом и читал «Ригведу». Она вошла в комнату и спросила меня: «Что это ты так поздно читаешь?» Просто для того, чтобы подразнить ее, я сказал: «Это Коран». Она набросилась на меня, вырвала из рук «Ригведу» и бросила ее в огонь со словами: «Ты что, мусульманин? Как ты посмел принести в мой дом Коран!»

На следующий день я сказал ее сыну, моему преподавателю: «Похоже, твоя мать мусульманка». Ведь так обычно поступают мусульмане. Они сожгли одно из величайших сокровищ древнего мира, Александрийскую библиотеку. Огонь горел почти шесть месяцев; библиотека была настолько огромной, что прошло целых полгода, пока она не сгорела дотла. А сжег ее мусульманский калиф. Он рассуждал, как обычно это делают приверженцы религий первого типа. Он пришел с Кораном в одной руке и горящим факелом в другой и сказал библиотекарю: «У меня есть простой вопрос. Это такая большая библиотека, здесь хранятся миллионы книг...» В тех книгах было все, что человечество накопило к тому времени, и эти знания были гораздо больше, чем то, что мы знаем сейчас. В той библиотеке хранилась информация о Лемурии и Атлантиде. Там были все писания атлантов, континент которых ушел под воду. Это была самая древняя библиотека, огромное хранилище. Если бы она сохранилась до наших дней, человечество могло быть совершенно другим, ведь мы по сегодняшний день заново открываем многое из того, что уже было открыто до нас.

Этот калиф сказал:

— Если в этой библиотеке есть только то, что написано в Коране, тогда она не нужна; это излишество. Если же здесь больше того, что есть в Коране, то она вредна. И ее нужно сейчас же уничтожить.

Ее нужно было уничтожить в любом случае. Если здесь то же самое, что написано в Коране, то это никому не нужно. Зачем же без необходимости содержать такую большую библиотеку? Хватит и Корана. А если ты скажешь, что здесь

хранится гораздо больше знаний, чем в Коране, то все эти знания наверняка неправильные, потому что истина — это Коран. С Кораном в одной руке он другой рукой поджег библиотеку — во имя Корана. Наверное, в тот день Мухаммед рыдал на небесах, ведь библиотеку сожгли в его честь.

Это первый тип религий. Всегда будь начеку, ведь такой упрямец живет в каждом из вас. Он есть в индуистах, в мусульманах, христианах, буддистах и джайнах — он живет в каждом. И каждый должен это понимать, чтобы не попасться. Лишь тогда ты сможешь воспринять другую религию.

Проблема с этим первым типом религий состоит в том, что мы почти всегда воспитаны именно такими религиями. Мы сформированы ими, поэтому нам они кажутся почти естественными. Индуист растет с мыслью о том, что все другие неправы. Даже если его учат быть терпимым, это терпимость человека, который «знает», по отношению к другим людям, которые «не знают». Джайн вырастает с верой в то, что прав только он; все другие — невежественны, сбиты с толку и блуждают в темноте. Эта установка так глубоко засела в головах, что люди забывают: это всего лишь условность и ты должен подняться над нею. Человек может привыкнуть к определенной установке, он будет думать, будто это в его природе, в этом заключена истина. Так что ему нужно быть очень бдительным и осторожным, он должен отыскать в себе малейшие проявления таких мыслей и не попасться в их ловушку.

Иногда мы напряженно трудимся, стараясь изменить свою жизнь, но все же продолжаем придерживаться религии первого типа. Изменение невозможно, ведь все твои попытки делаются на таком низком уровне, что это не может быть настоящей религиозностью. Религии первого типа только по названию религии; их не стоит так называть.

Характерная особенность этого типа — подражание. Такие религии настаивают на подражании: подражай Будде, копируй Христа, Махавиру — ну хоть кого-нибудь. Не будь собой, будь

кем-то другим. И если ты очень упрям, то у тебя получится заставить себя быть кем-то еще.

Ты никогда не будешь кем-то другим. Наша глубинная сущность на это не способна. Ты останешься собой, но ты можешь так сильно постараться, что даже выглядеть будешь как другой человек.

Каждый рождается со своей неповторимой индивидуальностью, и у каждого есть своя собственная судьба. Подражание — это преступление, это злой умысел. Если ты попытаешься стать Буддой, ты сможешь выглядеть как Будда, можешь перенять его походку, его манеру речи, но ты только все пропустишь... Все, что жизнь была готова тебе дать. Будда бывает только один раз. Повторы не в природе вещей.

Существование — это такая творческая штука, что никогда ничего не повторяет. Ни теперь, ни в прошлом, ни в будущем ты не сможешь найти другого человека, который бы в точности повторял тебя. Такого никогда не случилось. Человек — это не механизм, подобно автомобилям Форда на конвейере. Ты — личность, индивидуальность. Подражание подобно яду. Никогда никому не подражай, иначе ты станешь жертвой религии первого типа, которая вовсе и не религия.

Кроме того, есть еще и второй тип религий. Он основан на *страхе*.

Человек боится: этот мир такой непонятный, а человек хочет чувствовать себя в безопасности. В детстве тебя защищают папа и мама. Но на свете много людей, их миллионы, которые никогда так и не становятся взрослыми. Они где-то застряли, поэтому им все еще нужны родители. Вот почему Бога называют «Отче» или «Мать». Людям нужен божественный родитель, он будет их защищать; они еще недостаточно взрослые, чтобы обходиться своими силами. Им нужна безопасность.

Ты, должно быть, видел маленьких детей с плюшевыми медведями или другими игрушками. Это может быть какая-то особенная игрушка или просто одеяло, все, что имеет для

ребенка особую ценность. Того плюшевого мишку нельзя ничем заменить. Ты можешь сказать, что найдешь лучшего, но это не важно. Они так привязаны друг к другу — ребенок и «его» плюшевый мишка. Этот мишка неповторим; его ничем не заменишь. Он становится грязным, начинает вонять и разваливаться, но ребенок и дальше с ним носится. У тебя не получится заменить этого мишку новым и чистым. Даже родителям приходится с этим смириться. Даже они должны уважать чувства ребенка, ведь иначе он обидится. Если семья собирается в путешествие, родителям тоже приходится терпеть этого медведя; они вынуждены обращаться с ним почти как с членом семьи. Они знают, что это глупо, но для ребенка в этом есть свой смысл.

Что же значит такой плюшевый мишка для ребенка? В некотором смысле — это внешний мир. Вот он, вне ребенка; часть реальности. Конечно же, это не просто воображение, это не что-то иллюзорное; не мечта, он и вправду здесь, рядом. Но дело не только в осязаемости плюшевого мишки; с ним связано так много детских мечтаний. Это предмет, но он несет в себе так много личного, субъективного. Для ребенка он почти живой. Ребенок разговаривает с мишкой, иногда злится на него и швыряет его прочь, а потом говорит «Извини» и снова берет в руки. У мишки есть личность, почти как у человека. Без него ребенок не может заснуть. Он носит его, обнимает, ложится спать и чувствует себя в безопасности. С мишкой мир малыша — хороший, в нем все в порядке. А без мишки ребенок вдруг оказывается один.

Многие дети вырастают физически, но никогда не становятся взрослыми духовно, и плюшевые мишки нужны им всю жизнь. Твои образы Бога в храмах и церквях — это не что иное, как плюшевые мишки.

Поэтому, когда индуист идет в свой храм, он видит то, что недоступно мусульманину. Мусульманин сможет увидеть лишь каменную статую. А индуист увидит то, чего никто другой не увидит; это для него плюшевый мишка. Перед ним

действительно находится статуя, но для него это не просто статуя. На нее направлена огромная сила внутреннего состояния молящегося; и статуя работает как экран.

Или ты можешь быть индуистом, тогда в джайнском храме никакого благоговения ты не почувствуешь. Иногда тебе может стать не по себе, ведь статуи Махавиры обнаженные, тебя это может задеть. А джайн придет сюда с величайшим почтением; это его плюшевый мишка, и он чувствует себя под защитой.

Когда тебе страшно, ты начинаешь вспоминать Бога. Так что Бог — это побочный продукт твоего страха. Когда тебе хорошо и страха нет, ты не беспокоишься. В этом нет необходимости.

Религия второго типа основана на страхе. Это своего рода болезнь, нервное расстройство — ведь зрелость приходит к тебе лишь тогда, когда ты понимаешь, что ты один. Так и должно быть, столкнуться лицом к лицу с реальностью тебе придется в одиночку. Эти эфемерные плюшевые мишки существуют только в твоём воображении; они тебе не помогут. Если что-то должно произойти, то это произойдет; плюшевый медвежонок не может защитить тебя. Если нам суждено умереть, то это непременно случится. Ты все взываешь к Господу, но защита к тебе не придет. Ведь ты взываешь к пустоте, ты просто кричишь от страха. Наверное, эти твои мольбы придают тебе немного смелости.

Может быть, молитва делает тебя увереннее, но отвечать на нее некому — Бога нет. Некому ответить на твои молитвы, но ты думаешь, что там кто-то есть и он отзовется. Вот тебе и polegало.

Религия, основанная на страхе, — это религия запретов: не делай этого, не делай того, ведь страх — это негативное чувство. На страхе построены Десять заповедей — не делай этого, не смей делать того. Можно подумать, что религия — просто инструмент для воздержания от жизни. Не делай того, этого, спрячься в безопасном месте, никогда не рискуй, никогда не

становись на опасный путь. По существу, не позволяй себе жить. Если первый тип религий — это фанатизм, то второй — отрицание. Он формирует какую-то скованность и напряженность. Это поиск безопасности, которая в принципе невозможна, ведь жизнь небезопасна по своей сути. Опасность и риск — основные формы ее существования.

Ключевое слово для религии страха — «ад» и, конечно же, подавление: «Не делай этого». Последователь такой религии всегда боится, и ему никогда не освободиться от того, что он в себе подавляет; на самом деле он все больше оказывается в его власти, ведь тогда его проблема уходит глубоко в подсознание. Она добирается до самых глубин твоего существа и все там отравляет.

Помни, подавление не приведет тебя к свободе. Оно даже хуже, чем выражение себя, ведь, самовыражаясь, человек рано или поздно обязательно станет свободен. А подавление всегда будет держать его в узде. Только жизнь дает тебе свободу. Прожитая жизнь. Непрожитые части жизни сохраняют свою привлекательность, и сознание продолжает крутиться вокруг всего, что ты подавил.

Настоящая религия дает тебе бесстрашие: пусть это и будет критерием. Если религия вселяет в тебя страх, то это не настоящая религия.

Третья разновидность религии основывается на *жадности*.

Это религия поощрений. Если в религии страха главное — запреты, то религия жадности тебе говорит: «Сделай это». В религии страха ключевое слово «ад», а в религии жадности — «рай». Нужно поступать так, чтобы обеспечить себе место на свете, на том свете, и гарантировать себе счастье после смерти.

Религия жадности формалистична, ритуалистична, честолюбива и ориентируется на исполнение желаний. Она наполнена разными желаниями. Вспомни представления о рае у мусульман, христиан или индуистов. Какие-то мелочи могут

отличаться, но вот что странно: все, от чего, по словам этих людей, нужно отказаться в этой жизни, они тебе обеспечат в огромных количествах на небесах. На Земле, для того чтобы попасть в рай, тебе следует придерживаться обета безбрачия, а там, в раю, в твоём распоряжении будут прекрасные девушки, всегда молодые, застрявшие на возрасте примерно шестнадцати лет. Мусульманину предписывается не употреблять алкогольных напитков. А в их раю текут реки вина! Это выглядит просто нелепо. Если что-то плохо, то это плохо. Как это может стать хорошим и правильным в раю? Тогда прав Омар Хайям. Он говорил: «Если в раю текут реки вина, тогда давай подготовимся к нему здесь, ведь, если мы отправимся туда неподготовленными, нам будет сложно там жить. Пусть эта жизнь станет небольшой репетицией, чтобы ты мог развить свой вкус и способности». Похоже, что в словах Хайяма больше логики. По существу, он высмеивает мусульманские представления о рае. Он говорит, что все они глупы. Но люди из жадности становятся верующими.

Одно я знаю точно: все, что ты накопишь здесь, будет у тебя отнято, смерть все заберет у тебя. Поэтому жадный человек хочет скопить то, чего смерть забрать не может. Но желание копить остается. Вот человек и накапливает добродетели; это пропуск на тот свет. Давай собирать добродетели, и ты вечно будешь жить на том свете, и твоя жажда всегда будет с тобой.

Такой человек очень приземлен. Его представления о мире ином — не что иное, как отражение нашего мира. Он будет «делать», потому что у него есть желания, амбиции, жажда власти, но он ничего не будет делать по велению сердца. Это будет некая манипуляция.

Однажды зимой Мулла Насреддин путешествовал со своим сыном. Шел снег; их телега, запряженная волами, сломалась. Они с трудом добрались до фермы, где их пустили на ночлег. В доме было холодно, а чердак, куда их отправили ночевать, вообще был настоящим холодильником.

Раздевшись, Мулла прыгнул на кровать и с головой спрятался под одеялом. Его сын был немного озадачен.

— Папа, прости, — сказал он. — Разве мы не должны помолиться, перед тем как лечь спать?

Из-под одеяла показался один глаз Муллы.

— Сынок, — сказал он, — для таких случаев, как сейчас, я помолился наперед.

Все совершенно очевидно. Вокруг — жадность, страх и невежество. Все три разновидности религий перемешаны между собой. Не бывает людей, которые бы полностью относились к первой, второй или третьей разновидности. Там, где есть жадность, есть и страх; где есть страх, там сидит и жадность; а где живут и страх, и жадность, будет и невежество, ведь они не могут существовать друг без друга. Так что я не говорю о чистых типах религий. Я их классифицировал, просто чтобы ты лучше понял. Но, в сущности, все они перемешаны.

Это три самых низших типа. Их не следует считать духовными.

Есть еще четвертый тип: религия логики, расчета и рассудка. Это религия, где смешались запреты и поощрения: она приземленная, материалистическая, корыстолюбивая, рациональная, отвлеченная, она опирается на тексты и обычаи. Это религия ученых мужей, которые пытаются доказать существование Бога путем логических рассуждений. Они думают, что тайны жизни можно постичь с помощью рассудка. Такой тип религии создал теологию. Это не настоящая религия, но ее бледное подобие. А ведь все церкви основаны на теологии. Когда появляется Будда, Мухаммед, Кришна или Христос, вокруг них собираются ученые, эксперты, образованные, интеллектуально развитые и хитрые люди. Они начинают напряженно размышлять над вопросом: «Что означает такое явление, как Иисус?» Они начинают придумывать теологию, вероучение, догматы, создают церковь. И у них все прекрасно получается, потому что они очень умны. Они не могут пока-

зать тебе, где свет, не могут поведать истины, но зато создают огромные организации. Они дают тебе католическую и протестантскую церкви. Они придумывают великое богословие, там только ум, никакого реального опыта; все ориентировано на мозги, сплошной интеллект. Все это не более чем карточный домик: небольшой ветерок — и он развалится. Все это выглядит, как будто кто-то пытается отправиться в плавание на бумажном корабле. Он выглядит как настоящий корабль, у него и форма как у корабля, но он бумажный. Он обречен, уже обречен. Логика — это бумажный корабль. При помощи логики понять жизнь нельзя. Благодаря логике рождается философия, но не настоящая религия.

Эти четыре типа религий обычно и считают религиями.

Есть еще пятый, шестой и седьмой типы. Это и есть настоящая религия. Пятый тип религии основан на *осознании*; не на логике, не на интеллекте, но на осознании. Есть большая разница между интеллектом и способностью к осознанию.

Интеллект логичен; осознание — парадоксально. Интеллект опирается на анализ, осознание видит все в комплексе. Чтобы изучить какой-нибудь предмет, интеллект разделяет, разрезает на кусочки. На интеллекте, препарировании, разделении и анализе построена наука. Осознание соединяет, делает из частей целое. Ведь очень важно понять, что части существуют благодаря целому, а не наоборот. А целое — не только сумма частей, это нечто большее.

Например, у тебя есть роза, и ты можешь пойти с ней к ученому, логике. Ты можешь ему сказать: «Я хочу понять этот цветок». Что он сделает? Он ее разрежет, разделит на части, которые и образуют цветок. Когда ты придешь в следующий раз, то окажется, что цветка уже нет. Вместо него там будет стоять несколько подписанных пробирок. Цветок разделили на части, но одно я знаю точно — этикетки, на которой было бы написано «красота», там не будет.

Красота нематериальна, и ее нельзя разделить на части. Как только ты расчленишь цветок, как только нарушается его

целостность, уходит и красота. Красота принадлежит целому, изящество присуще целому. Это нечто большее, чем сумма частей. Ты можешь расчленишь человека, но как только ты это сделаешь, жизнь уйдет. Тогда у тебя будет только мертвое тело, труп. Можно узнать, сколько в нем алюминия, железа и воды; можно изучить весь организм — легкие, почки и тому подобное; но одного там не будет — жизни. Не будет одного, а ведь это было самым ценным. Не будет того, что на самом деле мы и хотели понять. Все остальное — на месте.

Где изящество? Где живость, где биение самой жизни? Когда это было в цветке розы, то все выглядело совершенно по-другому, и там была жизнь. Роза была полна ею, жизнь билась в ее сердце. А теперь все части есть, но не скажешь, что это тот же цветок. Так не бывает, ведь части существуют только в целом.

Интеллект расчленяет, анализирует. Это инструмент науки. Осознание — это инструмент религии; он собирает все вместе. Поэтому одну из величайших духовных наук мы называем його. Йога — это методология единения. Йога означает объединение частей в единое целое. Бог — это величайшее единство, все сущее вместе. Бог не личность, это присутствие, когда целое живет в гармонии — деревья и птицы, земля и звезды, луна и солнце, реки и океаны — все вместе. Вот это единение и есть Бог. Если ты разделишь это, ты никогда не найдешь Бога. Расчлени человека — ты не найдешь того, что делало его живым. Расчлени мироздание — ты не найдешь присутствия того, что называется Богом.

Осознание — это способ соединения частей в единое целое. Человек, способный на осознание, подходит ко всему комплексно. Он всегда в поисках высшего единства, ибо в этом единстве заключен весь смысл. Он всегда ищет что-то высшее, где низшее растворяется и действует как часть, как нота в гармонии целого, которая вносит свое собственное звучание в оркестр единения и не отделяет себя от него. Осознание идет вверх, интеллект двигается вниз. Интеллект ищет причину.

Пожалуйста, следите за мыслью; здесь есть один тонкий момент.

Интеллект ищет причину; осознание движется к цели. Осознание идет в будущее, интеллект — в прошлое. Интеллект все сводит к наименьшему общему знаменателю. Если ты спросишь, что такое любовь, то интеллект тебе ответит, что это просто секс — наименьший общий знаменатель. Если ты спросишь, что такое молитва, то интеллект скажет, что это просто подавленное проявление сексуальности.

Спросите, что такое секс, у осознания, и оно ответит, что это всего лишь зерно, из которого вырастет молитва. Это возможность любви. Интеллект низводит к низшему, он все сводит к низшему. Спросите у интеллекта, что такое лотос, и он скажет, что это просто иллюзия; реальность — это грязь, ведь лотос вырастает из грязи и снова падает в нее. Грязь это реальность, лотос — только лишь иллюзия. Грязь остается, а лотос рождается и умирает. Спросите у осознания, что такое грязь, и оно скажет: «Это возможность стать лотосом». Тогда грязь исчезнет и расцветут миллионы лотосов.

Осознание поднимается все выше и выше, и его главная цель — достичь крайней точки, вершины мироздания. Ведь объяснить все сущее можно только через высшее, но никак не через низшее. Через низшее ты не объясняешь, ты оправдываешься. А когда низшее становится слишком важным, теряется вся красота, вся правда, все добро. Теряется все, что имеет хоть какой-то смысл. И тогда ты принимаешься вопить: «В чем смысл жизни?»

На Западе наука разрушила все ценности и все свела к материи. Теперь все озабочены поисками смысла жизни, ибо смысл — в высшем единстве. Вот смотри, когда ты одинок, у тебя в голове вертится вопрос: «В чем смысл жизни?» Потом ты влюбляешься в женщину, и тут какой-то смысл появляется. Теперь двое стали одним целым — чем-то высшим. Одинокий человек находится на уровне чуть ниже, чем пара. Пара стоит немного выше. Двое образовали единство. Два противо-

положных начала, мужская и женская энергии, соединились. Теперь это единство похоже на круг.

У нас в Индии есть такое понятие, как *Ардханаришвара*. Шиву изображают наполовину женщиной, наполовину мужчиной. Представление об Адханаришваре заключается в том, что и мужчина, и женщина — это половины. Когда их объединяет великая любовь, возникает высшая реальность, и она, конечно же, выше и сложнее, ведь встречаются две энергии. Потом рождается ребенок, теперь существует семья — и смысла становится еще больше. Теперь отец знает смысл своей жизни: нужно вырастить ребенка. Он любит свое дитя, он тяжело работает, но работа перестает быть просто работой. Он работает для своего ребенка, для своих любимых, для своего дома. Он работает, но тяжесть его труда исчезает. Он уже не тянет лямку. Уставший после рабочего дня, он приходит домой, напевая. Он видит улыбку на лице ребенка, и он совершенно счастлив. Семья по сравнению с парой — это союз более высокого уровня, и так далее. А Бог — это не что иное, как всеобщий союз, самая большая семья, которая только может быть. Ты становишься частью чего-то большего. Как только ты становишься такой частью, сразу появляется смысл.

Когда поэт пишет стихи, появляется смысл — ведь поэт не один, он что-то создал.

Когда танцор танцует свой танец, появляется смысл.

Когда женщина рождает ребенка, появляется смысл.

Когда ты один, когда ты отрезан от всех, как остров в океане, смысла никакого нет. Когда ты часть целого, то смысл есть. И чем больше это целое, тем больше смысл. На данном уровне восприятия Бог является наибольшим постигаемым единством, и без Него ты не сможешь постичь высшего смысла. Бог — это не личность, Он нигде не сидит. Это совершенно дурацкие идеи. Бог — это всеобщее присутствие Мироздания, существования, сама его основа. Бог существует везде, где есть единство; там, где есть йога, появляется Бог. Ты бредешь

один; Бог крепко спит. Потом вдруг ты кого-то заметил и улыбнулся; Бог проснулся, вошел кто-то другой. Ваша улыбка не живет сама по себе, это мост. Ты перебросил мостик к другому человеку. Он тоже улыбнулся, он откликнулся. Между вами возникает пространство, которое называется Бог, — это небольшое волнение. Когда ты подходишь к дереву и садишься около него, ты совершенно о нем не думаешь и Бог крепко спит. Когда вдруг ты смотришь на дерево и внутри тебя рождается какое-то чувство по отношению к нему — Бог проснулся. Там, где есть любовь, есть и Бог; где есть отклик, там тоже есть Бог. Бог — это пространство; он существует там, где есть единение. Вот почему говорят, что любовь — это самая чистая вероятность Бога, поскольку это самое утонченное единение энергий.

Отсюда и идеи некоторых мистических традиций о том, что любовь — это Бог: «Забудь Бога, достаточно одной любви. Но никогда не забывай о любви, потому что одного Бога не хватит». Осознание — это установление различий, понимание. Ключевое слово — это истина, *сат*. Тот, кто идет по пути осознания, движется к *сат*, истине.

Есть еще шестой тип религии. Он выше осознания. Я называю его религией *медитации*.

Медитация — это осознание, спонтанность. Свобода — это состояние, когда забыты все традиции, это нечто радикальное, революционное и личное. Ключевое слово здесь — *чит*, сознание. Осознание остается наивысшим проявлением интеллекта, его чистейшей формой. Лестница у них одна. Интеллект идет вниз по той же лестнице, осознание идет вверх, но это одна и та же лестница. Медитация эту лестницу выбрасывает. Здесь нет никакого движения по лестнице, ни вниз, ни вверх. Движения нет, а есть состояние внутренней неподвижности, погружения внутрь себя.

Интеллект направлен на других, на внешнее, и осознание тоже. Интеллект разбивает внешнее на части, осознание соединяет с внешним, но оба они ориентированы вовне. Поэтому,

если ты правильно понял, первые четыре вида религий я не могу назвать религиозными. Все это псевдорелигии. Настоящая религия начинается в ее пятой разновидности, это самый примитивный ее вид, но зато реальный.

Шестой тип религии — это религия медитации, сознания, *чит*. Человек просто идет внутрь себя. Исчезают все направления и измерения. Человек пытается быть собой, пытается просто *быть*. Здесь, в шестом типе религии, живет *дзэн*. Само слово «дзэн» происходит от слова *дхьяна*, медитация.

Далее идет самый совершенный тип, седьмой: религия экстаза, *самадхи*, просветления. Если для пятого типа религии ключевое слово *сат*, истина, для шестого типа, религии медитации, ключевым становится слово *чит*, сознание, то у седьмого, наивысшего вида, это слово *ананда*, блаженство, экстаз. Вместе они образуют слово *сат-чит-ананда* — истина, сознание, блаженство.

Религия седьмого типа — это радость, ликование, песня, танец, блаженство — *ананда*. Медитация приносит огромную радость, поскольку человек может медитировать, а может грустить. Он может медитировать, внутри него вдруг наступит тишина, и он упустит блаженство. Да, медитация может погрузить тебя в состояние внутренней тишины, абсолютного покоя, но если в нем не будет танца, то тебе будет чего-то недоставать. Покой — это хорошо, это прекрасно, но в нем чего-то нет; не хватает блаженства. Когда покой пускается в пляс — это блаженство. Когда покой начинает шевелиться, бить через край — это блаженство. Когда блаженство прячется в зернышке — это покой. А когда зерно прорастает, а потом еще выросло и дерево, на нем появились цветы и зернышко стало цветами, тогда это просветление. Это наивысшее проявление религиозности.

Покой должен танцевать, а тишина должна петь. И если самые потаенные проявления твоего существа не станут смехом, то чего-то все же будет не хватать. Что-то останется несделанным.

Власть и разложение: корни внутренней и внешней политики

Один из основных принципов фашизма гласит, что отдельный человек не значит ничего, нашу реальность определяют сообщества людей. Но тут возникает проблема: а где предел? Если сообщества реальны, а отдельные люди — нет, если они просто части этих сообществ, тогда церковь гораздо более реальна — ведь это большое сообщество; тогда страна еще реальнее, там людей еще больше. А что может быть реальнее всего человечества, ведь там так много народу... Человека где-то потеряли. И там, где между личностью и группой случается конфликт, конечно же, принести себя в жертву должна личность, ведь она нереальна. Она существует только как часть группы.

Так начисто, абсолютно разрушается любая возможность революции. Но любому обществу нравится фашизм. Отдельные люди обществу не нужны, ведь само их существование ставит под вопрос многое из того, что в нем происходит.

Индивидуум обречен стать бунтарем. Он мыслит иначе, он не может следовать предписаниям. Он может сказать «да» только тому, на что, по его ощущениям, стоит так ответить, но все это зависит от его восприятия, его интуитивного понимания, его собственного интеллекта. Нельзя заставить его пойти на уступки. Он может подчиниться из любви, но его нельзя к этому вынудить; он скорее умрет, чем покорится. Он не может быть послушным рабом — и не потому, что не знает, как подчиняться. Когда он чему-то сочувствует, когда он чему-то предан, вовлечен, он подчиняется, и подчиняется всецело. Но на самом деле это подчинение своему внутреннему свету — человек не следует командам извне.

Быть индивидуальностью — значит быть аполитичным. Вся политика строится на людях, которых нельзя назвать индивидуальностями. Они — ненастоящие, лишь кажется, что они

независимы, но это не так — они зависят от коллектива, они чрезвычайно зависимы от своей безопасности, стабильности, респектабельности, власти, престижа, т. е. от своего эго.

У настоящей индивидуальности эго нет, поэтому ей не нужно зависеть от общества. Эго навязывается тебе обществом, и если ты хочешь носиться с ним, то тебе придется зависеть от других людей; только они могут питать твое эго. Индивидуальность знает свое истинное «я», поэтому эго ей ни к чему. Быть личностью — значит быть целостным и здоровым.

Психоанализ приобрел такое значение и вес оттого, что мы ликвидировали индивидуальность человека. Мы дали ему фальшивые эго, которые не приносят удовлетворения. Они похожи на еду из фаст-фуда. Она яркая и привлекательная, но пользы от нее никакой. А человек, который живет своим «эго», всегда упускает самого себя; он всегда чувствует опустошенность, бессмысленность жизни. Ему хочется чем-то наполнить свое существо: он может помешаться на еде, так он почувствует себя заполненным; он ест слишком много, еда становится его манией. Такого человека может обуять жажда денег, золота, власти. Всё это способы хоть как-то почувствовать собственную значимость. Но ничего не выходит, все впустую. Ты можешь надеяться, пока твоя цель еще где-то далеко; когда же ты ее достиг, вдруг оказывается, что ты гонялся за тенью.

Ты чувствуешь пустоту внутри не потому, что у тебя мало денег. Эта пустота оттого, что ты еще не нашел свое истинное «я», ты не пришел к своей настоящей индивидуальности. Индивидуальность озаряет тебя внутренним светом.

Человек с индивидуальностью — это целый Космос. Но ни одному обществу такие люди не нужны, поэтому веками их уничтожали, а им на смену пришли пластмассовые муляжи. Эти муляжи называются личностями.

Люди часто путают личность с индивидуальностью. Они думают, что это одно и то же. Это не так. По существу, между

ними стена. Ты никогда не обретишь свою индивидуальность, если ты не готов отказаться от собственной личности. Индивидуальность рождается вместе с тобой, это твоя сущность. Личность — это социальное явление, ее тебе дали. Когда ты сидишь в пещере где-то в Гималаях, то никакой личности у тебя нет, а индивидуальность есть. Личность может существовать только в отношениях с другими. Чем большее количество людей тебя знает, тем больше в тебе личности, отсюда желание иметь громкое имя и славу. Чем больше людей тебя уважают, тем большую радость приносит тебе твоя личность; она становится все сильнее.

Отсюда такое сильное стремление к почестям. Ты можешь завоевать уважение благодаря деньгам или благодаря тому, что будешь их отрицать. Может, тебя будут уважать, если ты будешь очень много есть или есть совсем мало, соблюдать пост. Можно добиться уважения, накапливая вещи или собирая знания. Но суть остается прежней: ты смотришь в глаза других, ты хочешь увидеть, что они думают о тебе. Ты можешь стать очень добродетельным, высокоморальным — и все это для того, чтобы реализовать свою личность. Но она не сможет удовлетворить тебя. Веками индивидуальность уничтожалась, а люди гордо несли свои личности.

Люди, утратившие контакт со своим существом, люди, слишком привязанные к своим личностям и не имеющие ни малейшего представления о том, что такое индивидуальность, готовы стать частью сообщества. Там они чувствуют себя очень уютно, ведь только став частью группы, люди перестают нести ответственность. Они могут расслабиться, беспокоиться им не о чем. Теперь за все отвечает коллектив.

Вот поэтому-то люди и бывают индуистами, христианами или мусульманами. Почему? Почему они придерживаются прогнивших, совершенно устаревших так называемых идеологий? По одной причине: это дает им безопасность, чувство принадлежности, рядом с тобой есть другие люди — ты не один. Христианин знает, что миллионы других тоже считают себя

христианами. Индуист знает, что он не один, с ним миллионы людей — как же он может ошибаться? Как могут ошибаться миллионы? Он наверняка прав! Он не имеет ни малейшего представления о том, что хорошо и что плохо, но вокруг него толпа людей, и она придает ему чувство, что он во всем этом разбирается. Это совершенно ложное чувство.

Истина не имеет никакого отношения к толпе; ее всегда постигают отдельные люди. Она приходит к Буддам, Иисусам, Мухаммедам, Моисеям и Заратустрам. Они постигают истину в полном одиночестве, в состоянии глубокой медитации, когда забывают о мире и о других людях, с которыми никакие нити их уже не связывают. Когда человек совершенно один, он погружается в глубины своего сознания и достигает самой его сердцевины. Тогда он понимает, в чем заключается истина.

А толпа не дает тебе прийти к себе. Толпа — это побег от твоей истинной сущности. Толпа дает тебе возможность интегрироваться другими; она никогда не допустит твоей встречи с самим собой.

Если, отказавшись от своей индивидуальности, ты становишься частью толпы, ты совершаешь самоубийство. Именно это и делают люди. Они устали от самих себя; они жаждут покончить с собой. На настоящее самоубийство у них может не хватить смелости, но все эти человеческие сообщества дают им возможность совершить психологическое самоубийство: «Станьте частью коллектива».

У такого сообщества может быть разум, но не душа. У такого сообщества запросто может быть разум, так устроены люди. У католиков есть свой тип мышления, у индуистов и мусульман — свой. Люди, у которых нет индивидуальности, присваивают себе определенный тип мышления — мышление толпы. В армии все направлено на то, чтобы разрушить индивидуальность, дать тебе форму и присвоить порядковый номер. Так вот, этот номер — ловкий способ разрушения

твоей индивидуальности. Имя придает тебе уникальность, «Номер 171» отнимает у тебя индивидуальность.

Вот Фрэнк — это совсем другое дело, если умирает Фрэнк, Роберт, то умирает человек; а если умирает «Номер 171», то никто и не вспомнит. Фрэнка никем не заменишь, а с «Номером 171» — никаких проблем. Ты можешь присвоить номер кому угодно, и человек станет этим номером. В армии научно обоснованными, технологичными методами уничтожается индивидуальность. Твое имя исчезает, и ты становишься номером. Точно так же, как и другим, тебе обривают голову. Из года в год тебя заставляют следовать дурацким приказам: направо, налево, кругом... ради чего?!

В армии не бывает вопроса «почему». Тебе просто говорят сделать то-то и то-то, и ты обязан это выполнять. На самом деле чем глупее приказ, тем лучше, это подготовит тебя к главной работе, которую делают в армии. Годами ты исполняешь приказы, и однажды тебе говорят: «Застрели этого человека!», и ты в него стреляешь, как робот, не задавая вопросов, ведь ты забыл, как их задают. Запомни, в армии проявляется коллективный разум, а не душа.

Душа всегда индивидуальна; ум всегда принадлежит сообществу.

Присмотрись повнимательнее, и ты обнаружишь, что любой тип мышления является принадлежностью какой-то группы людей. Если веришь в Бога, это означает, что ты принадлежишь к некоей группе верующих и свои воззрения они передали тебе. Какие у тебя верования? Где ты их взял? Они идут от общественного разума — от церкви, от государства; ты можешь обнаружить источник, из которого они идут. Ты можешь понаблюдать за своими мыслями, и окажется, что все, чем забита твоя голова, не твое, хоть ты и думаешь, будто это так. Это пришло к тебе из разных источников — от родителей, учителей, священников, политиков, все это тебе дали другие. Бывает христианское мышление, исламское мышление, иудей-

ское или буддийское мышление. Но не бывает ни буддийской, ни христианской души.

Мышление принадлежит сообществам людей. Очень легко это увидеть в армии — отдельные люди растеряли способность мыслить. Вместо них думает полк. В меньшей степени это касается и общества. Но душа всегда индивидуальна, никто не может дать ее тебе. Она уже внутри тебя, ее лишь нужно найти.

Величайшее приключение, которое может случиться с человеком, — это движение от разума к состоянию, когда его нет, движение от личности к индивидуальности. Когда разума нет, это индивидуальность, разум — социальное явление.

? Говорят, что власть разлагает, а абсолютная власть разлагает абсолютно. Ты согласен с этим утверждением?

Я много думал над этим знаменитым высказыванием лорда Актона, и обнаружил, что каждый раз нахожу в нем нечто новое. Он сказал, что власть разлагает, а абсолютная власть разлагает абсолютно. Я не думаю так, поскольку не вижу этого в жизни. Правда, лорд Актон говорил, опираясь на весь свой жизненный опыт; он сам был политиком и знал, что говорит.

И все же я осмелюсь с ним не согласиться. По моему мнению, власть, конечно же, разлагает, но она разлагает только тех, кто был к этому склонен. Может, раньше за таким человеком и не водилось никаких грешков, просто возможности у него не было, власти. Но сама по себе власть не может разложить человека, в котором нет к этому склонности. Так что человека разлагает не власть; на деле она просто обнажает перед всеми его сущность. Власть превращает в реальность то, что раньше было лишь возможно.

Если ты посмотришь в зеркало и увидишь урода, ты что, скажешь, что виновато зеркало? Оно, бедное, только отражает. Если твое лицо безобразно, при чем тут зеркало?

Я слышал об одной ненормальной, которая, проходя мимо зеркала, всегда его разбивала. Она была очень некрасива и думала, что в ее уродстве виноваты зеркало. Вот если бы зеркала не было, она не была бы такой уродливой. Железная логика! В некотором смысле, она в чем-то права. Если бы на планете Земля она оказалась одна, не было бы ни зеркал, ни чьих-то глаз, ведь глаза — это тоже зеркала, как по-твоему, она тоже была бы уродливой? Одна-одинешенька на всей Земле, без зеркал, без чужих глаз, которые смотрели бы на нее, она просто была бы *собой*, ни красивой, ни уродливой. Но это был бы тот же самый человек. Изменилось бы только одно: теперь она не видит своего отражения. Ничего не поменялось, просто исчезли отражатели.

Тоже самое верно и по отношению к знаменитому изречению лорда Актона «Власть разлагает». Так только кажется.

Я бы выразился иначе: власть отражает. Если ты в глубине души готов разложиться, то власть предоставит тебе такую возможность. А если у тебя для этого неограниченные возможности, такие, как у Гитлера, Сталина или Муссолини, то при чем тут власть? Она просто находится в твоём распоряжении. И ты многое можешь с ней сделать. Если ты человек испорченный, то будешь делать то, чего хотел всегда, но у тебя не было для этого власти. Но если в тебе нет порочных наклонностей, то власть не сможет тебя разложить. Ты будешь использовать ее, но это станет не разложением, а созиданием. Для народа ты станешь не разрушительной силой, а благом. А если ты можешь нести народу благо, то твоя абсолютная власть будет абсолютным благом для мира.

Но в человеческой жизни есть много странного. Ко власти стремятся только люди, склонные к пороку. Человек, в котором заложено добро, власти не хочет. Жажда власти — это потребность испорченного человека, ведь он знает, что без власти не сможет делать того, к чему так стремится.

Адольф Гитлер вначале хотел быть архитектором, но все архитектурные школы отказали ему в приеме, потому что

у него не было способностей. Он с трудом мог нарисовать прямую линию. Тогда он решил стать художником, раз уж не получилось с архитектурой. Но ни одна школа его не приняла. Если он не смог поступить в архитектурную школу, то понятно, что искусство, а в особенности живопись, требует даже большего таланта, а у него не было никакого. Разочарованный и отвергнутый, он встал на путь, ведущий к власти.

У Гитлера была сильнейшая жажда власти. Человек, которому не удалось стать ни архитектором, ни художником, стал настолько могущественным, что в его руках оказалась судьба всего человечества. После того как Гитлер получил власть, абсолютную власть, он первым делом взялся за архитектуру — начал проектировать здания. Он делал проекты многих уродливых сооружений, а правительство было вынуждено их строить. Ни один архитектор не сказал бы, что эти проекты требуют серьезного рассмотрения, но, поскольку их автором был сам Адольф Гитлер, отказаться от строительства было невозможно. Такой отказ означал бы смерть или тюремное заключение, ведь это был единственный язык, который знал Гитлер: «Или ты со мной, или тебя больше нет». Эти проекты хорошо показывают, что у этого человека просто не было ни малейших способностей к архитектуре.

После того как Гитлер пришел к власти, в свободное время он занимался живописью; и, конечно же, все должны были восхищаться его работами. Ни одну из его картин нельзя назвать живописью; это была лишь пустая и бессмысленная трата красок и холста. Более того, его картины были уродливы — если бы ты держал такое в своей спальне, по ночам тебе бы снились кошмары.

Власть обнажает то, что спрятано внутри тебя.

Но странное дело, хороший человек не испытывает потребности во власти, поскольку добро может проявиться и без нее. Добру власть не нужна. Оно обладает своим внутренним могуществом. Злу для поддержки нужна внешняя власть.

Калил Джигбран* написал чудесную историю. Один этот человек создал так много прекрасных произведений, что, похоже, во всей истории ему нет равных. Это очень маленькая история, и в таких историях все очарование творчества Джигбрана. Он не писал длинных романов, по которым можно снимать фильмы; в его историях всего несколько строк, но они проникают в самые глубины души человека.

История вот такая: Бог создал мир и все, что в нем должно быть. Он осмотрелся вокруг и почувствовал, что не хватает двух вещей: красоты и уродства. Именно их Бог создал последними. Конечно же, Красоту он одел в прекрасные одежды, а Уродству дал безобразный наряд. Потом Бог отправил их с небес на Землю.

Это был долгий путь, и к тому времени, как Красота и Уродство достигли Земли, они устали и перепачкались. Первым делом они решили искупаться. Было раннее утро, всходило солнце. Пришли они на озеро, сняли одежду, оставили ее на берегу и прыгнули в воду. Вода бодрила и освежала, и купались они с удовольствием.

Красота отплыла далеко от берега, а когда она оглянулась, то была очень удивлена: Уродство куда-то подевалось. Вернувшись, она увидела, что ее вещи тоже исчезли. И тут Красота догадалась, что произошло: Уродство забрало ее одежду и убежало. История заканчивается на том, что с тех пор уродство прячется в одеждах красоты, а красота вынуждена носить уродливое платье. Красота гоняется за уродством, ищет его, но до сих пор так и не смогла его найти.

Это прекрасная история. Уродству нужна маска, за которой можно спрятаться, прикрытие, которое поможет ему притвориться. Красота же ни о чем таком и не думала, ей просто не приходило в голову, что Уродство может стащить ее одежду и сбежать.

* Калил Джигбран (1883–1931), писатель, поэт и художник. Ливанец, жил в США, писал на арабском и английском. Лауреат Нобелевской премии. Самое знаменитое его произведение — поэма «Пророк». «София», Киев, 2001–2005 гг. — *Прим. перев.*

Когда твое сердце полно добра и блаженства, ты не испытываешь ни малейшего желания стать президентом или премьер-министром. У тебя нет времени на эти грязные политические игры. Внутри тебя огромная энергия, и дает ее тебе добро. Ты будешь писать музыку, сочинять стихи, из мрамора ты сотворишь прекрасную статую, ты будешь человеком, которому не нужна власть. Все, что тебе нужно, у тебя уже есть. Это красота добра, обладающая внутренним могуществом.

Я хочу, чтобы ты хорошо это понял: можно быть совершенно уверенным в том, что все, для чего нужна внешняя власть, не имеет отношения к добру. Это зло, а оно по сути своей бессильно; его существование взято взаймы.

Вот почему в жизни случаются такие странные истории: плохие люди достигают значительных постов, получают уважение и почет, и не только при жизни — они входят в историю. Там полно таких имен.

Людей же, подобных Гаутаме Будде, Махавире, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ли-цзы, история не упоминает даже в примечаниях. Александр Македонский, Чингисхан, Тамерлан, Надиршах, Наполеон Бонапарт, Адольф Гитлер — вот кто заполняет собой исторические хроники. По существу, нам нужно переписать всю историю заново, поскольку упоминания обо всех этих людях нужно стереть. Нужно уничтожить саму память о них, ведь даже эта память может пагубно воздействовать на людей. У будущего лучшего человечества не найдется для этих имен даже места в примечаниях; это просто будет никому не нужно. Их имена — ночной кошмар, лучше их совсем забыть, чтобы они не преследовали тебя, как привидения.

Мы должны заново открыть имена людей, которые жили на этой земле и делали ее прекраснее, делились своей радостью, танцем, музыкой, делились своим восторгом — но остались безмянными. Люди совершенно забыли даже их имена. Люди даже не представляют, как много на этой земле было

мистиков, и они остались никому не известны. А те несколько имен, которые тебе известны, знамениты не потому, что они были мистиками, а по каким-то другим причинам. Просто вдумайся: если бы Иисуса не распяли, ты бы когда-нибудь услышал его имя? Так что дело не в Иисусе и не в его достоинствах, не в его добродетелях, исторической фигурой его сделало распятие. Гаутаму Будду ты знаешь не потому, что он был просветленным, а потому, что он был сыном великого правителя. Когда сын великого князя отрекается от своего княжества, конечно же, его имя будет на устах у всех. И не потому, что он религиозен, а оттого, что отказался от такого наследства — от княжества, которое ты жаждал бы получить и о котором мечтаешь, наверное, уже многие жизни. «У этого человека железные нервы — он просто отказался от княжества и никогда не оглянулся назад!» Вот почему имя Гаутамы Будды сохранилось в истории. Нужно же было где-то упомянуть его имя, ведь он был князем, отказавшимся от своего княжества. Если бы он был сыном бедняка, то никто и никогда о нем бы и не услышал. Многие имена так и остались никому не известными. Даже при жизни лишь немногие люди чувствовали, что у такого человека внутри таится какая-то мистическая сила.

У добра есть своя внутренняя сила и своя собственная выгода — блаженство.

? Расскажи, что означает могущество в духовном смысле. Не как часть политики, а как энергия добра и сама жизнь.

В духовном смысле существует могущество внутреннее и внешнее, они никогда не отождествляются. Внутренняя сила — это нечто, исходящее от вас; ее источник внутри. Сила внешняя — это принуждение. Это вмешательство, посягательство на свободу других. Обычно люди не различают эти понятия. Их используют почти как синонимы.

Любовь — это сила внутренняя, но никак не внешняя. У президента есть внешняя сила, власть, но нет силы внутренней. Внутренняя сила никогда никого не задевает; это всегда исцеляющая энергия. Она изливается на тебя, подобно дождю из цветов. Это аромат, который тихо-тихо окутывает тебя, не издавая ни звука. Ты можешь принять его или нет. Он не заставляет тебя принимать его.

Внутренняя сила оставляет твоё достоинство не задетым — по существу, она укрепляет его. Она придает тебе больше индивидуального, даёт тебе большую свободу. Она не ставит тебе никаких условий. Внешняя сила абсолютно противоположна силе внутренней. Такая сила — это насилие над другими. Но эти слова стали синонимами, и на то должны быть свои причины. Это оттого, что в жизни мы видим, как сила внутренняя преобразуется в силу внешнюю.

К примеру, ты кого-то любишь; это внутренняя сила. Но когда ты женишься, ты становишься мужем, а она — женой; между вами заключается договор, это уже бизнес. Теперь внутренняя сила исчезает, и на смену ей приходит сила внешняя. Ты будешь говорить те же самые слова, но значение у них уже другое. Ты все еще повторяешь «Я люблю тебя», но тебе известно, что это лишь пустые слова. Да, когда-то они были живыми, когда-то имели глубокий смысл. Вы чувствовали их вкус, теперь он исчез. Ты должен говорить «Я тебя люблю». Но эти слова исходят не из твоего сердца, они идут из головы. Изменилось пространство. Ты будешь целовать свою жену, но это только лишь движение губ, за ним ничего нет. Ты можешь быть далеко и думать о своей секретарше. И жена твоя может быть далеко и думать о своем начальнике. Теперь той внутренней силы, которая была сиянием, полем энергии, больше нет. Вместо нее есть сила внешняя. Любовь ушла, на ее место встал заведенный порядок.

Преобразование силы внутренней во внешнюю привело к тому, что различия между этими терминами не видят даже ученые, а им следовало бы быть повнимательнее.

Различие между ними очень тонкое. Внешняя сила — всегда сила меча, который может превратиться в ядерную ракету. Сила внутренняя — это всегда сила любви. Она может вырасти только в глубочайшую тайну, проникнуть в неизведанные пространства. В конечном счете обоим влюбленным она может открыть двери к чему-то необыкновенному. Она поможет им слиться с Мирозданием. В моменты любви, когда их силы встречаются, они остаются двумя отдельными телами, *но не отдельными душами*. В эти моменты они начинают ощущать глубокое созвучие с самим бытием, с травой, деревьями, птицами, облаками, звездами; и это чувство, на которое способно только сердце. Здесь дело не в объяснениях, а в переживании.

Так что в этом смысле внутренняя сила — это явление духовное. Сила внешняя — сила животная.

Любовь — величайшее чудо Мироздания. В мире нет силы сильнее любви. Но любовь — не внешняя сила. Сам термин «сила»... само его звучание показывает, что ты вмешиваешься в чью-то жизнь. Ты кого-то разрушаешь, делаешь из него вещь.

Поэтому помни: внутренняя сила никогда не становится силой внешней. Она все растёт и растёт, она может стать всемирной, но по-прежнему останется силой внутренней. Это благословение, блаженство. Внешняя сила отвратительна. Она бесчеловечна. Пусть тебя не сбивает с толку тот факт, что в обоих терминах есть слово «сила», для которого в любом толковом словаре одно объяснение. Словари составляются не просветленными; иначе эти два термина имели бы разное значение, разное содержание, и язык был бы чище. Но словари и научные книги продолжают писать непросветленные люди. Они никогда не знали ничего похожего на внутреннюю силу; они знали только силу внешнюю. Естественно, что для них эти термины значат одно и то же. Но для меня их значение противоположно.

Не смешивайте их; пусть вас никогда не привлекает внешняя сила. Будьте полны силы внутренней — она ваша. Дарите ее, делитесь ею с другими.

Потеря и обретение: в поисках заурядности

Все хотят выделяться. Это поиски эго: быть чем-то особенным, уникальным, несравненным. И вот в чем парадокс: чем больше ты пытаешься быть незаурядным, тем более заурядно ты выглядишь, ведь все стараются достичь того же. Это совершенно обычное желание. Если ты становишься обыкновенным, то сам поиск такой обыкновенности уже необыкновенен, ведь такое редко случается, чтобы человек хотел быть просто никем, пустым местом. Это на самом деле очень необычно, никто к этому не стремится. А когда ты становишься обыкновенным, ты вдруг оказываешься исключением, и, конечно же, вдруг тебе открывается, что без твоего к тому стремления ты становишься уникальным. По существу, каждый человек уникален. Если хотя бы на мгновение ты мог бы остановить свою вечную погоню за какими-то целями, то понял бы, что ты неповторим. Твою уникальность не нужно придумывать, она у тебя уже есть. Это уже случилось, ведь «быть» — значит «быть уникальным». По-другому не бывает. Уникален каждый листочек на дереве, каждый камешек на морском берегу — только так, и не иначе. Нигде на всем земном шаре ты не найдешь двух одинаковых камней.

Двух одинаковых вещей не существует в природе, поэтому не нужно быть «кем-то». Просто будь *собой*, и внезапно ты окажешься необыкновенным, исключительным. Вот почему я говорю, что здесь есть парадокс: находят те, кто не гоняется за удачей, а еще те, кто и не думает ничего искать.

Но не путайся в словах. Позволь мне повторить еще раз: желание собственной исключительности совершенно нормально, ведь оно есть у всех. А желать собственной обыкновенности — вот это очень необычно, потому что редко случается. Это было у Будды, Лао-цзы, Иисуса.

У всех в голове одно: «Хочу быть особенным». Но все эти люди терпят поражение, и поражение жестокое. Как ты можешь быть еще более особенным, чем ты есть сейчас? Твоя уникальность уже с тобой, тебе только нужно ее найти. Тебе не нужно ее выдумывать, она спрятана внутри тебя; ты должен раскрыть ее, вот и все. Не нужно ее *развивать*. Это твое сокровище, оно было с тобой во все времена. Это само твое существо, самая сердцевина твоего существа. Тебе нужно просто закрыть глаза и заглянуть внутрь себя; тебе нужно на минутку остановиться, передохнуть и оглядеться.

Но ты так быстро бежишь, ты так торопишься найти свою уникальность, что наверняка ее упустишь.

Ли-цзы, один из великих учеников Лао-цзы, рассказывал, что один глупец со свечей в руках искал огонь. И Ли-цзы сказал: «Если бы он знал, что такое огонь, то свой рис он приготовил бы быстрее». Этот человек лег спать голодным, потому что был занят поисками огня, но не мог его найти — а в руках у него была свеча, ведь как можно искать в темноте без огня?

Ты ищешь свою уникальность, а она у тебя в руках; если ты это поймешь, то твой рис будет готов быстрее. Я свой рис уже сварил, и я *знаю*. Тебе нет нужды оставаться голодным: вот рис, вот свеча, а свеча — это огонь. Тебе не нужно брать свечу и отправляться на поиски. Если ты возьмешь свечу в руку и отправишься искать по всему свету, ты не найдешь огонь, потому что не понимаешь, что это такое. Иначе ты бы увидел, что несешь его в своей руке.

Такое иногда случается с людьми, которые носят очки. Очки у них на носу, а они их ищут. Они могут торопиться, а когда они торопятся, то ищут повсюду: они совершенно забыли, что очки у них на носу. Человек может впасть в панику. С тобой, наверное, такое тоже случалось. Сам поиск приводит к тому, что ты пугаешься и переживаешь: твое зрение утратило ясность, и тебе не видно того, что у тебя прямо перед глазами.

В этом все дело. Тебе не нужно искать свою уникальность, ты уже неповторим. Ничего нельзя сделать еще более неповторимым. Слова «более неповторимый» просто бессмысленны. Достаточно просто неповторимости. «Большей неповторимости» не бывает. Это как со словом «круг». Есть круги, окружности; но нельзя быть «более круглым». Это абсурдно. Круг всегда совершенен; ему не нужно наречия «более».

Не бывает степеней округлости, круг есть круг, и не нужны никакие «более» или «менее». Неповторимость есть неповторимость, она не бывает «более» или «менее». Ты уже неповторим. Человек понимает это лишь тогда, когда он готов стать обыкновенным. В этом парадокс. Но если ты понимаешь, то нет никаких проблем, есть парадокс, и отлично. Парадокс — не проблема. Кажется, что это проблема, если ты не понимаешь; а если понимаешь, то это прекрасно, тут кроется тайна.

Стань обыкновенным — и ты станешь неповторимым; попробуй стать неповторимым — и ты останешься обычным.

? **Пожалуйста, расскажи, в чем разница между заурядностью и посредственностью.**

Посредственность — это общее состояние человечества. Это недостаток разумности. Никто не хочет, чтобы ты был умным, ведь чем ты умнее, тем сложнее тебя использовать. Все заинтересованы в твоей посредственности. Посредственный человек похож на дерево, у которого все время подрезают корни и поэтому оно не может расти. Посредственность никогда не узнает, что такое самореализация, когда человек расцветает. Но это обычное положение вещей. А для того, чтобы посредственность оставалась посредственностью, в ее голову нужно вбить одну странную мысль о том, что она — сама исключительность.

Георгий Гурджиев рассказывал такую историю:

Жил на свете один пастух, он был волшебником, а еще у него было много овец. И вот что он придумал, чтобы овцы не

убегали в лес, где их могли съесть дикие звери. Он всех овец заипнотизировал и сказал: «Вы не овцы, вы — львы». С этого дня овцы стали вести себя как львы.

Посредственный человек поднимет бунт против посредственности, ведь она уродлива. Но общество разными способами дает человеку ощущение собственной неординарности. Поэтому очень трудно отыскать человека, который бы в глубине души не верил в собственную исключительность, в то, что он единственное дитя Господа. Может, он об этом и не скажет, ведь ему известно, что бывает, когда кто-то заявляет, что он единственный сын Божий. Тогда тебя наверняка ждет распятие, а вот воскресение — не факт, никто не знает, было оно на самом деле или нет. Вот человек и прячет все это в себе. Это помогает ему сохранить свою посредственность. Если он понимает, что посредствен, то само это понимание посредственность разрушит. Такое понимание — это огромный прыжок к осознанию.

Заурядный, обыкновенный человек — это естественный человек. Природа не создает людей «особенных». Она создает неповторимых людей, но не особенных. Каждый человек неповторим по-своему.

Огромная сосна и маленький розовый куст — что выше? Сосна никогда не хвастается, что она выше, да и розовый куст не говорит: «Ты можешь быть выше, но где же твои розы? Настоящая высота — в розах, их аромате, в цветении. Чтобы возвышаться, одной высоты недостаточно». Но нет, розовый куст и сосна мирно растут рядом, и не бывает между ними ни ссор, ни соперничества. Просто оба понимают, что они — часть одной природы.

Когда я говорю о заурядности, я подчеркиваю, что нужно отказаться от идеи о собственной незаурядности. Это она делает тебя посредственностью. Самое яркое проявление неординарности — это быть обыкновенным. Просто загляни в себя. Это очень болезненно, невыносимо больно принять то, что ты ничем не выделяешься. А теперь смотри, что происходит, когда

ты принимаешь идею о собственной заурядности. Как будто с твоих плеч падает тяжкая ноша. Внезапно ты оказываешься на свободе, ты — настоящий.

У заурядного человека есть неповторимость, простота, скромность. Благодаря своей простоте, скромности, неповторимости он на самом деле стал необыкновенным, но даже не догадывается об этом.

Вот у таких скромных людей, которые приняли то, что они обычные люди, как и все, — ты увидишь в глазах свет. Ты увидишь изящество в их движениях. Они не будут соревноваться с кем-то, не будут ловчить. Они не пойдут на измену. Они не станут фальшивить, не будут лицемерить.

Если ты — обыкновенный человек, зачем тебе быть лицемером? Ты можешь открыть свое сердце любому, ведь ты ничего из себя не изображаешь. Ты начинаешь секретничать, когда кем-то притворяешься. Ты переполнен чувством собственной значимости. Ты можешь говорить об этом, можешь молчать, но из-за твоего лицемерия, твоих масок ты надуваешься все больше и больше. Это болезнь.

А что такое человек, верящий в собственную исключительность?

Это человек, который жестоко страдает от комплекса неполноценности. Чтобы его скрыть, он принимает противоположную идею. Но он обманывает лишь себя, и больше никого.

Обыкновенному человеку не нужно быть лицемером, не нужно притворяться. Он открыт, ему нечего скрывать. И в этой открытости, простоте есть свое очарование.

Каждый человек должен заглянуть внутрь себя. Но люди такие лжецы, что, обманывая других, потихоньку начинают обманывать и самих себя. В искусстве обмана они достигают невиданных высот. Быть лицемером опасно, ведь рано или поздно ты станешь думать, что это твое настоящее лицо.

За десятилетия моей работы с людьми я очень близко общался со многими из них, и меня всегда поражало, как эти

люди обманывают себя. Можно понять, когда ты обманываешь других, но они лгали себе! И ведь их из этой лжи никак не вытащишь, это их единственное сокровище. Они знают, что за ним — только тьма, пустота и комплекс неполноценности. Поэтому они цепляются за ложь.

Это проблема всех посредственных людей. Они не могут вынести кого-то, кто лучше их, ведь это разрушает их иллюзию о собственной исключительности. Но никто не может отнять у тебя твою заурядность. Она не в твоём воображении, это реальность.

Розовый куст зауряден, сосна — заурядна, олень зауряден. Почему же люди так стараются быть неординарными? Похоже, что лишь человек болен. Все сущее в этом мире живет в полнейшей заурядности, при этом радуется жизни, вполне счастливо, а человек — болен. Болезнь его заключается в том, что он не может принять себя таким, каков он есть. Он хочет быть кем-то очень великим. Александром Великим. На меньшее он не согласен.

Но мы забываем, чего Александр достиг. Он прожил лишь тридцать три года, всю свою жизнь провел в битвах, войнах и убийствах. У него не было возможности пожить, не было на это времени.

Перед походом в Индию Александр встретился с великим мудрецом Диогеном. Он спросил Диогена, хочет ли тот что-нибудь сказать. Диоген ответил: «Лишь одно: чем растративать свое время попусту, поживи немного. Ты не живешь для себя и не даешь жить другим. Ты совершаешь чудовищные преступления против жизни — ради чего? Просто для того, чтобы тебя называли Великим? Все так думают. Ты можешь сам себе повторять, что ты — Александр Великий; никто тебе не запрещает. Если тебе хочется, можешь даже повесить себе на грудь табличку «Александр Великий» — но живи! Ты будешь похож на шута, но это гораздо лучше, чем *быть* шутком — по крайней мере, у тебя будет время, чтобы пожить, ты сможешь любить, петь, танцевать».

Александр понял, что ему хотел сказать Диоген. Он ответил:

— Мне ясно, о чем ты говоришь. Когда я вернусь, то попытаюсь последовать твоему совету.

— Помни, никто не возвращается из похода, в который человека ведет эго, — промолвил Диоген, — ведь такие походы никогда не заканчиваются, они продолжаются вечно. Тебя не станет до того, как закончится поход твоего эго.

Так и случилось: Александр не вернулся домой. На обратном пути он умер. И когда он умирал, то вспомнил слова Диогена о том, что никто не возвращается: «Тебя ведет эго, а оно — бесконечно. Оно создает все новые цели, их много и они все выше».

Из уважения к Диогену Александр приказал людям, которые понесут его тело в могилу:

— Пусть мои руки свисают из гроба.

— Но это противоречит традиции, — ответил его главный министр. — Руки должны быть внутри гроба. Очень странно видеть, что они свисают по сторонам.

— Я желаю, чтобы они свисали, — сказал Александр, — просто я хочу, чтобы все знали: с пустыми руками я пришел в этот мир, с пустыми руками жил в нем, так же я его и покидаю.

Пустые руки Александра Великого — это символ пустых рук любого человека.

Если ты хочешь жить естественно и открыто, просто будь заурядным. Тогда никто не сможет с тобой тягаться. Ты будешь вне этой разрушительной гонки.

Внезапно ты окажешься на свободе. У тебя будет время на то, чтобы жить. У тебя появится время, чтобы заняться тем, что тебе нравится. Ты можешь смеяться, петь, танцевать. Ты — заурядный человек. Даже если все вокруг будут смеяться над тобой, ну и что с того? Они все — неординарные люди, у них есть право на смех. А у тебя есть право на танец. Их смех — фальшивый, а твой танец — настоящий.

Но посредственный разум не может этого понять. Его умственное развитие застряло в возрасте где-то лет тринадцати или даже меньше. Человеку может быть сорок, пятьдесят, семьдесят — не важно, это возраст биологический. Он состарился, но не вырос. Ты должен понять эту разницу. И животные стареют. А взрослеть получается лишь у некоторых людей. И первый шаг к этому — принять свою простоту и обычность.

Как ты можешь быть эгоистом в таком прекрасном, огромном и беспредельном Мироздании? Какое у тебя может быть эго? А вдруг твое эго — это всего лишь мыльный пузырь? Может, оно и протянет несколько секунд, взлетит в воздух. Может, на мгновение в нем отразится радуга. Но это лишь секунды. В бесконечном и вечном существовании твои эго лопаются каждую секунду.

К мыльным пузырям лучше не привязываться. Ты можешь играть с ними, пока купаешься в ванной. Можешь протыкать эти пузыри, приговаривая: «Это мое эго, и я сам его разрушаю». И когда ты выйдешь из ванной, ты станешь обычным, заурядным человеком, обновленным, смиренным, очищенным.

Желание властвовать над другими, жажда власти — это одно из величайших преступлений, совершенных человеком. Ты должен это понимать. Вот почему я настаиваю на заурядности. Она прекрасна, я знаю это по собственному опыту.

За всю историю человечества ни один эгоист не сказал, что эго прекрасно, что оно принесло ему радость. Все эгоисты умирали с чувством разочарования и отчаяния, ведь эго не знает границ. Поэтому ты всегда разочарован.

По моему опыту я могу тебе сказать, что быть обычным, заурядным человеком — наивысшее удовольствие. Ты сливаешься с Мирозданием. Не существует никаких преград. Ты сливаешься со звездами, с небом, с Землей. Ты больше не разделен. Тебя отделяет эго. А ощущение единства с этим совершенным Мирозданием — это то, что я называю религиозностью.

? Если каждый человек примет свою заурядность, решит ли это большую часть проблем неравенства между людьми?

В прошлом был только один выбор: или все равны — равенство всех человеческих существ — или люди не равны между собой. Есть еще одна альтернатива: понять, что человек уникален, неповторим. Нельзя сравнивать людей. Как можно определить, кто выше, а кто ниже? Что, цветок бархатцев хуже, чем роза? С чего ты это взял? Они неповторимы в своей индивидуальности. Вселенная создает лишь неповторимых людей; она не верит в клоны. Так что вопрос о равенстве и неравенстве вообще не стоит. Этот подход в корне уничтожает проблему.

Есть такая греческая легенда: у одного сумасшедшего царя был великолепный дом, предназначенный только для приема гостей. В этом доме он поставил кровать из золота. Гости тоже были царями. И когда такой гость входил в дом, он не верил своим глазам — его так тепло встретили, с таким почетом и уважением: «А люди говорят, что этот царь сумасшедший! Неправда это». Но вскоре им приходилось убеждаться, что хозяин и правда ненормальный. А дело было вот в чем: гость должен был точно поместиться на кровати. Если он был длиннее, то его следовало укоротить — отрезать кусок от ног. Если же он был короче... Думаю, что этот сумасшедший изобрел вытяжение. Так вот, на этот случай у царя были здоровые мужики, которые растягивали гостя, пока он точно не помещался на кровати. Умрет он или выживет — это было уже не важно; размер кровати — вот что было самое главное! Большинство гостей умирали.

Идея сделать всех равными, подрезать под один размер — экономически, с помощью образования, другими способами — эта идея абсурдна, ведь неравенство проявится в чем-то другом. Люди отличаются внешностью. Не все одинаково красивы — значит, пластическая хирургия должна

сделать красивыми всех. У людей разный цвет кожи — значит, в один прекрасный день им введут какие-то пигменты и все станут одного цвета.

Все в мире неповторимо: ты не найдешь двух одинаковых людей. А коммунисты, к примеру, считают, что все человечество должно быть равным. Нельзя уравнивать людей интеллектуально. Гений музыканта и гений математика — это совершенно разные миры. Если ты хочешь, чтобы они были равны, тебе придется уничтожить высоты, наивысшие проявления гения, и свести их к наименьшему общему знаменателю. Тогда коммунизм станет величайшей бойней, которая когда-либо случалась в человеческой истории.

Я выступаю за уникальность каждого человека. Да, каждому нужно дать равные возможности быть собой. Иными словами, каждый человек должен иметь равные возможности быть неравным, неповторимым. Возможности нужно дать, но математик должен оставаться математиком, а музыкант — музыкантом.

Но до сих пор ни одно общество не позволяло индивидууму быть свободным. Ты думаешь, ты свободен. Это лишь иллюзия. Человечество станет свободным только тогда, когда исчезнет комплекс неполноценности, который культивируют в детях; иначе свобода будет лишь притворством. Другие люди пытаются сделать из тебя марионетку.

Намерения у родителей благие, намерения учителей — тоже. Я не подозреваю их в дурных намерениях, но ставлю под сомнение их способность к пониманию. Я сомневаюсь в том, что они понимают человеческую природу, законы ее развития, ее возможности.

Если внутри ты чист, у тебя нет ран, нанесенных комплексом неполноценности, тогда какое тебе дело до того, что ждут от тебя люди? Ты никогда не пытался соответствовать чьим-то ожиданиям. Ты просто жил сообразно со своими представлениями, интуицией, рассудком. Так и должно быть. У здорового человека комплекса неполноценности не будет.

А другая сторона медали вот в чем: если у тебя нет комплекса неполноценности, ты никогда не будешь пытаться стать лучше. Не нужно превосходить кого-то, подавлять, господствовать над кем-то, контролировать; ты никогда не станешь политиком. Политика привлекает лишь тех, кто страдает от комплекса неполноценности. Сама по себе тяга к политике служит доказательством наличия этой проблемы. Всех, кого тянет в политику, нужно немедленно лечить у психолога. Все политики больны, без исключения. Если они не больны, они не будут заниматься политикой.

Человек, у которого нет желания властвовать над другими, самоутверждаться — потому что ему это просто не нужно, — такой человек полон жизни, он дышит, он делает свое дело, и этого достаточно. Он оставил свой след, и, конечно же, это именно его отпечаток, а не чей-то еще. И помни, если даже отпечаток твоего большого пальца уникален, он один такой во всем мире, то что же тогда говорить о твоей личности? Если природа не создает даже двух одинаковых пальцев, то представь себе, как все тщательно продумано! Даже по ошибке от двух пальцев не будет одинаковых отпечатков — а на свете живут миллиарды людей.

Каждый человек настолько значим, что заменить его нельзя. Ты — это просто ты. Делай то, что идет изнутри тебя, — не для того, чтобы заявить о себе, а чтобы выразить себя! Пой свои песни, танцуй свои танцы, радуйся жизни, какое бы обличье ни даровала тебе природа.

Если бы мы могли уничтожить комплекс неполноценности! Это очень просто: учителя и родители просто должны следить за собой и не навязывать себя беспомощным детям. Через пару десятилетий новое поколение будет свободно от этого комплекса. И тогда исчезнут все политики, президенты и премьер-министры. Какое же это будет облегчение!

Люди будут выражать свое творческое начало. Они станут музыкантами, танцорами, художниками, плотниками. На свете так много творчества. Но никто не будет ни с кем

соревноваться; люди просто будут все делать с полной отдачей. В этом их радость. Радость не в соперничестве, не в том, чтобы прийти первым; радость в том, чтобы просто *быть*. Это не внешняя сторона действия, это его внутренняя сущность. Так я представляю новое человечество. Мы будем работать, но работой будет сама наша жизнь и наша душа. Не важно, чем мы будем заниматься.

Я вспоминаю Авраама Линкольна. Когда он стал президентом США, его отец был сапожником. И, естественно, многие были оскорблены тем, что президентом будет сын сапожника. Это были аристократы, которые считали, что право занять высший пост в государстве принадлежит им по праву рождения. Сын сапожника? В первый же день, когда Линкольн читал свою инаугурационную речь, как раз посередине выступления поднялся один человек. Это был очень богатый аристократ. Он сказал: «Мистер Линкольн, вы не должны забывать, что ваш отец делал ботинки для моей семьи». Сенат расхохотался; всем показалось, что Линкольна выставили дураком.

Но такие люди, как Линкольн, вылеплены из совсем другого теста. Он взглянул на этого человека и ответил: «Сэр, я знаю, что мой отец шил в вашем доме обувь, и таких, как вы, здесь много... Ведь мой отец делал такие ботинки, которые не смог бы сделать никто другой. Он был творцом. Его ботинки были не просто ботинками, он вкладывал в них свою душу. Я хотел бы у вас спросить: у вас есть какие-то жалобы? Я сам умею шить обувь; если у вас есть претензии, я мог бы сшить вам пару. Но насколько я знаю, никто никогда не жаловался на обувь моего отца. Он был гением, великим творцом, и я горжусь им!»

В Сенате воцарилось молчание. Сенаторы не могли понять, что же это за человек — Авраам Линкольн. Он говорил о ремесле сапожника как об искусстве, творчестве. И Линкольн гордился отцом, поскольку тот так хорошо делал свою работу, что на него никто никогда не жаловался. И хоть Линкольн уже стал президентом, если бы были жалобы, он был готов сшить еще одну пару обуви. Тот человек сам оказался в дураках.

Линкольн настаивал: «Вы должны что-то сказать! Почему вы онемели? Вы хотели выставить меня дураком, а теперь поглядите: вы сами стали посмешищем».

Не важно, чем ты занимаешься. Важно то, как ты это делаешь — в согласии с собой, со своим собственным видением, вкладывая душу. Тогда все, к чему ты прикасаешься, становится золотом.

Глава 4

Совесьть versus сознание

Понимание свободы и ответственности

Развивать в себе совесть не надо: в этом нет никакой необходимости. Нужна не совесть, а сознание. Совесть — это что-то ненастоящее. Ее тебе дает общество, это утонченный способ порабощения. Общество внушает тебе представления о том, что хорошо и что плохо. Оно начинает поучать ребенка еще до того, как ему удастся в чем-то разобраться, до того, как он в состоянии сам решить, что хорошо и что плохо, когда еще толком не понимает, что с ним происходит. Мы программируем его в соответствии с нашими представлениями, которые позаимствовали у родителей, священников, учителей, политиков и святых. Все эти идеи перемешиваются в голове ребенка и становятся его «совестью».

Из-за этой самой совести ребенок никогда не сможет развить свое сознание. Совесть — это суррогат, искусственный заменитель сознания, и, если тебе нравятся суррогаты, ты никогда не станешь думать о чем-то настоящем.

Это просто обман, наш способ воспитания детей — одурачивание. Наше воспитание просто отвратительно, его можно назвать преступлением против человечества. Вот почему

миллионы людей живут без всякого сознания. Еще до того, как оно начинает проявляться, мы даем людям поиграть с плохими игрушками. Всю свою жизнь они думают, будто для того, чтобы достойно прожить на этом свете, им достаточно одного. Они твердо верят, что если будут слушать свою совесть, то будут вознаграждены, а если нет — их ждет наказание. И наказание, и награда придут к ним извне, но, кроме того, они и сами будут выставлять себе оценки. Что бы ты ни сделал, если твоя совесть скажет «Это плохо», ты будешь испытывать чувство вины. Ты страдаешь, тебе больно, страшно, ты дрожишь, возникает какая-то тревога. Ты боишься, что можешь упустить возможность попасть в рай, боишься, что попадешь в ад. Ведь твои святые с такой изобретательностью расписывали тебе красоты райской жизни и муки ада!

Совесть. Штука капризная и противоестественная. Вместо того чтобы сделать тебя умнее, она дает тебе жесткие правила поведения: «Делай это и не делай того».

В тот день, когда человечество откажется от всей этой совестливой чепухи, когда оно станет помогать детям в расширении их сознания, только тогда человечество и родится по-настоящему, родится новый человек и новая планета Земля. Тогда мы поможем детям стать умнее. И с какой бы проблемой ребенок ни столкнулся, у него хватит ума, чтобы достойно ее встретить, посмотреть ей в лицо и правильно ее решить.

И помни, разум — это не процесс мышления. На самом деле, ты слишком много думаешь. Вопрос в том, как перестать думать и открыто рассмотреть любую ситуацию, с которой ты столкнулся. Когда нет мысли, то отсутствуют преграды, твои глаза не зашорены; ты все четко видишь.

Когда есть такая ясность, тебе не нужно выбирать между «хорошо» и «плохо». Эта ясность дает тебе понимание, по-другому не бывает. Ты просто делаешь то, что хорошо, не прикладывая к этому никаких усилий. Это легко и свободно получается у человека осознающего — обладающего сознанием и способного на осознание. Он просто не может при-

думать ничего плохого и злого. Все твое осознание ведет тебя по дороге добра.

Представление о добре — это не часть ума. Если тебе знаком только лишь разум, у тебя нет ясности видения. В твоей голове постоянно проносятся сотни мыслей; это похоже на кругло-суточный «час пик»; толпы мыслей бродят у тебя в мозгу, это облака, которые так быстро летают, что тебя за ними совершенно не видно. Твои глаза почти слепы. Твоя внутренняя восприимчивость совершенно заслонена твоими мыслями.

Ты не сможешь при помощи своего ума понять, что «хорошо», а что «плохо». Тебе приходится зависеть от других. Эта зависимость совершенно естественна, ведь ум — не самостоятельное явление; он зависит от других, все его знания заимствованы. Разум живет благодаря знаниям, которые он заимствовал. В любой ситуации он хочет, чтобы кто-то его направлял.

Всю твою жизнь тебя ведут другие. В самом начале что «хорошо», а что «плохо» тебе объясняют родители. Потом учителя, священники, потом за дело берутся соседи. И не потому, что они «знают», нет, они тоже взяли свои знания взаймы у других. Это заимствование продолжается из века в век, из поколения в поколение. Так и живут старые болезни, ведь их наследуют все новые поколения людей. Каждое поколение — это просто копия своих предшественников, их отображение, тень — в нем нет ничего оригинального.

Это происходит оттого, что тебе нужен Бог, твой самый главный поводырь. Ты не можешь зависеть от своих родителей: ведь когда ты становишься старше, то начинаешь видеть всю их ложь и фальшь. Ты вдруг понимаешь, что их советы далеко не безупречны; что они — просто люди, которые могут ошибаться. Но маленький ребенок верит в своих родителей и в их непогрешимость. Родители в этом не виноваты, тут дело в наивности маленького ребенка; он доверяет отцу, матери, которые любят своих детей. Но в конце концов, когда ребенок немного подрастает, он начинает понимать, что слова его роди-

телей не обязательно истинны. В глубине души он с ними не соглашается. Где-то очень глубоко внутри у него появляется сомнение.

В глубинах твоего существа есть понимание того, что «добро» в одном случае может стать «злом» в другом. Иногда даже яд может быть лекарством, а лекарство может превратиться в яд — нужно чувствовать постоянно изменяющийся поток жизни.

Так что мышление не может определять твоих действий. Тебе нужен разум, свободный от мыслей. Иными словами, чтобы ты мог увидеть суть вещей, тебе необходимо состояние не-ума, просто полная тишина. Благодаря такой ясности решение придет само собой; ты не будешь выбирать. Ты будешь поступать так, как это делает будда. В твоих действиях будет красота, в них будет истина и аромат Божественного. Тебе не нужно будет делать выбор.

Тебе приходится искать поводырей, потому что ты не знаешь, что твой настоящий наставник прячется внутри тебя. Тебе нужно его отыскать, и это то, что я называю твоим *свидетелем*. Это то, что называется внутренним буддой. Ты должен разбудить будду, который спит внутри тебя, и твоя жизнь наполнится блаженством и будет благословенна. Она будет полна добра и благочестия — и в гораздо большей степени, чем ты себе можешь представить.

Это похоже на свет. В твоей комнате темно, просто внеси сюда свет. Достаточно будет и маленькой свечки, и темнота вдруг исчезнет. А когда у тебя есть свеча, ты знаешь, где находится дверь. Тебе не нужно думать: «А где же дверь?» Только слепцы думают об этом. Если есть свет, то люди, у которых зрение нормальное, дверь не ищут. Ты когда-нибудь думал: «Где дверь?» Ты просто встаешь и выходишь. Тебе даже не приходило в голову задуматься над вопросом, а где же эта дверь. Ты не станешь искать дверь наощупь или биться головой о стену. Ты просто видишь, и у тебя не возникает ни одной мысли о двери. Ты просто выходишь.

То же самое происходит, когда ты выходишь за пределы разума. Когда на небе ни облачка и ярко светит солнце, тебе не нужно думать «Где же солнце?». Когда солнце закрыто тучами, тебе приходится о нем думать.

Само твое существо закрыто мыслями, эмоциями, чувствами — и все это продукты твоего ума. Просто убери их в сторону, и тогда, что бы ты ни делал, это будет благом. И не потому, что ты следуешь каким-то священным текстам или соблюдаешь какие-то заповеди, не из-за того, что ты слушаешься каких-то духовных наставников. Ты имеешь полное право направлять свою собственную жизнь. Вот это и называется высоким словом «быть человеком», когда ты сам управляешь своей жизнью. Тогда ты превращаешься во льва, теперь ты больше не овца, которая всегда ищет кого-то, кто защитил бы ее.

И в этом состоит проблема большей части человечества. Другие люди вложили в тебя программы, где расписано, что хорошо и что плохо.

Истина может родиться только внутри тебя. Никто другой не может тебе ее дать. А с истиной приходит красота, потом появляется и добро. Для человека, который по-настоящему религиозен, это естественное единство: истина, красота, добро. Все эти переживания рождаются, когда ты вступаешь в свой внутренний мир, когда ты исследуешь глубины своего существа.

Ты всегда жил где-то на веранде, а не в доме, ты был вне своего существа и никогда в него не входил. Как только ты окажешься внутри себя, ты найдешь своего собственного будду, свое осознание, свое сознание, которому не нужно делать выбор. Тогда тебе не придется решать, что хорошо, а что плохо. Твое сознание без всяких усилий поведет тебя к добру. И не нужно прилагать усилий.

Для того чтобы объяснить, что «хорошо» и что «плохо», тебе никто не нужен. Все, в чем ты нуждаешься, — это твое внутреннее пробуждение, которое поможет тебе увидеть мир таким, какой он есть на самом деле. Тогда не будет вопроса выбора.

Никто сознательно не выбирает зло. Его выбирает бессознательность, тьма, которая царит внутри тебя. Сознание озаряет все твое существо светом; тебя наполняет внутреннее сияние. Ни одному человеку ты уже не можешь причинить зла. Ты не можешь нанести вред и своему собственному телу. Внутри тебя вдруг рождается осознание того, что ты един со всей Вселенной. Поэтому все, что ты делаешь, полно добра, красоты и внутреннего изящества; в твоих словах появляется поэзия, твоя тишина становится такой пронзительной, наполненной счастьем, что переполняющее тебя блаженство изливается и на окружающих тебя людей.

Этот поток блаженства — единственный заметный признак пробужденного человека. Просто побыть рядом с таким человеком, чувствовать его присутствие — уже достаточно для того, чтобы ощутить вкус запредельного.

Но об этом нельзя судить со слов других людей, ты должен пережить это сам. Как только ты познаешь свой внутренний мир, ты поймешь, что повсюду танцует, пульсирует сознание. В деревьях, в реках, в горах, в океанах, в глазах людей, в их сердцах — это та же самая песня, тот же самый танец — и ты во всем этом участвуешь. Когда ты вовлечен — это «хорошо». Когда ты безучастен — это «плохо».

Добро и зло: как научиться жить по своим собственным заповедям

Каждая религия придумала свои заповеди — странные, противоестественные — из страха или из жадности, но они создали это несчастное человечество, которое ты видишь вокруг по всему миру.

Даже самый богатый человек беден, ведь он не свободен поступать в соответствии со своим собственным сознанием. Он вынужден действовать согласно принципам, навязанным ему кем-то другим, и никто не знает, может, этот «кто-то» был

мошенником или аферистом, а может, это был просто поэт и мечтатель. Нет никаких доказательств, ведь так много людей заявляют, что они живые воплощения Бога, Божии посланники, пророки. И все эти люди говорят совершенно разные вещи. Или Бог сошел с ума, или эти люди просто лгут. Скорее всего, причина в людях.

У тебя появляется эгоистическое ощущение, что ты — пророк, мессия, кто-то очень особенный, ты не похож на обычных людей. Тогда ты можешь господствовать. Это разные виды политики. Там, где есть подавление, будет и политика.

Политик властвует благодаря физической силе: при помощи армий, оружия, ядерных арсеналов. Религиозные пророки, мессии, спасители властвуют над тобой духовно. Их господство еще более опасно, они — политики гораздо более искусные. Они руководят твоей жизнью не только во внешнем мире, но и внутри тебя. Они поработили тебя изнутри, они стали твоей моралью, твоей совестью, они захватили твою духовную сущность. Они продолжают властвовать над тобой изнутри, говорят тебе, что хорошо и что плохо. Ты должен следовать их предписаниям, иначе у тебя появится чувство вины, а вина — это одна из самых страшных духовных болезней. Если ты будешь их слушаться, то почувствуешь себя неестественным, нервным, на грани извращения, ведь ты противоречишь собственной природе. Если же ты живешь в согласии с природой, то идешь наперекор всем этим твоим пророкам и спасителям. Ты вступаешь в конфликт с тем сознанием, которое они в тебя вложили.

Все эти религии сделали так, что мы не можем расслабиться, не можем радоваться жизни и проживать ее во всей ее полноте. Поэтому я предлагаю: давайте позволим человечеству освободиться от старых предрассудков, которые очень долго господствовали в умах людей и так сильно изуродовали природу человека. Посмотри на то человечество, которое получилось в результате всего этого. Говорят, что дерево познают по плодам его. Если это так, а это действительно так, тогда обо

всем твоим прошлым со всеми этими пророками, спасителями, Богом, дьяволом нужно судить по тому человечеству, которое мы имеем сегодня.

А это человечество больно. Оно страдает, бедствует, оно переполнено страхом, гневом и ненавистью. Если это результат, к которому привели все ваши религии, если это все, чего добились все деятели — и политические, и религиозные, — то лучше пусть умрут и Бог, и дьявол. Когда не станет ни того, ни другого, у политиков и религиозных деятелей больше не будет никакой поддержки, и им придется исчезнуть следующими.

Я хочу для людей свободы — и политической, и религиозной; хочу, чтобы каждый человек был свободен во всех смыслах, чтобы он мог следовать своим собственным желаниям, поступать согласно собственным суждениям. И это будет прекрасный мир — и мир совершенно иной.

? Ты говоришь, что совесть не нужна. Тогда как человек может выработать в себе внутренние ориентиры, которые помогли бы ему принимать в жизни правильные решения?

Совесть — это фотография, а сознание — зеркало. Оба они отражают реальность, но зеркало никогда не цепляется за то, что отражает. Оно остается пустым, и следовательно, сохраняет способность отражать новые ситуации. Если сейчас утро, то зеркало отражает утро. Если вечер, то в зеркале тоже будет вечер. А фотография — это фиксированное отражение реальности, которой больше нет; если ты делал снимок утром, то на нем всегда будет утро и оно никогда не станет ночью.

Не нужно тренировать совесть. Нужно отбросить совесть и развивать свое сознание. Откажись от всего, чему тебя учили другие, и начни свою собственную жизнь, отправляйся на поиски. Да, вначале будет нелегко, ведь у тебя не будет никаких

карт. Карту составляет совесть. Тебе придется двигаться без всяких ориентиров, заходить в места, не отмеченные на карте, где нет никаких указателей. Трусы не могут передвигаться без указателей; они не могут обходиться без карт. А когда ты следуешь картам и указателям, тебе не удастся попасть на новые земли, в неизведанные миры, ведь ты ходишь по кругу. Ты продолжаешь бродить по знакомым местам и никогда не сделаешь прыжок в неведомое. Чтобы отбросить совесть, потребуется смелость.

Совесть — это все накопленные тобой знания, а сознание — это когда внутри тебя пусто, абсолютно пусто, и в жизнь ты идешь с этой пустотой, ты смотришь через нее, эта пустота направляет твои поступки, и тогда в них есть необычайное изящество, и тогда все, что бы ты ни делал, будет верным. Вопрос не в том, что хорошо и что плохо, ведь то, что хорошо сегодня, может оказаться плохим завтра. А заимствованное знание никогда никому не помогает.

Гомер и Билли Боб копали канаву под жарким солнцем Миссисипи. Гомер взглянул на босса, который спокойно сидел в тенечке, отставил свою лопату и произнес:

— Почему это так получается: он сидит там, наверху, а мы торчим здесь, внизу?

— Ну, не знаю, — ответил Билли Боб.

Гомер вылез наверх, подошел к боссу и спросил:

— Босс, почему ты здесь, наверху, а мы там, внизу?

Тот ответил:

— Потому что я умный.

— А что такое «умный»? — спросил Гомер.

— Вот, — сказал босс и положил свою руку на дерево, — сейчас я тебе покажу. Попробуй попасть мне по руке.

Гомер сильно замахнулся и нанес удар. Пока он замахивался, босс руку убрал, и Гомер с размаху ударил по дереву.

— А-а-а! — заорал он.

— Теперь ты тоже умный, — спокойно сказал босс. Гомер полез обратно в канаву. Билли Боб спросил его, что случилось, и Гомер ответил:

— Теперь я умный.

— Что ты имеешь в виду? Что значит «умный»? — спросил Билли Боб.

— Я тебе покажу, — сказал Гомер.

Он огляделся в поисках дерева, не нашел, и положил руку себе на лицо.

— Вот, — сказал он, — попробуй попасть по моей руке...

Вот что происходит с твоим так называемым знанием, так ведет себя совесть — ситуации меняются, деревьев больше не видно, но у тебя есть жесткая установка и ты не можешь вести себя по-другому. Ты все продолжаешь следовать общепринятым нормам, а жизнь не обязана им соответствовать. Это ты должен соответствовать жизни.

Мистики всегда знали, что жизнь не подвластна никакой логике, что она по сути своей выше любых логических схем, она не подчиняется никаким законам разума и в основе своей иррациональна. Совесть очень деспотична, она не природна. Она дает тебе установленные образцы, готовые модели поведения, а жизнь продолжает меняться. Жизнь очень изменчива, она течет по извилистому руслу. Пока ты не обретишь сознание, ты не сможешь жить истинной жизнью; твоя жизнь будет лишь претензией, чем-то искусственным. Ты всегда будешь опаздывать на поезд.

А такие опоздания заставляют человека страдать. Просто подумай об этом: ты всегда опаздываешь на поезд, ты прибегаешь на вокзал, ты уже близко, но поезд отходит от платформы. Вот что происходит с человеком, который живет по совести: он никогда не успевает на поезд. Он просто не способен на это! В нем заложены устойчивые модели поведения, а жизнь про-

сто течет. Внутри него есть твердый такой камешек, а жизнь больше похожа на воду.

Слушай сознание. Не спрашивай, как развить совесть. Здесь мы пытаемся сделать нечто совсем противоположное: мы разрушаем совесть — христианскую, индуистскую, мусульманскую, джайнскую. Мы разрушаем все виды совести. Совесть бывает всех цветов и размеров.

А сознание не бывает ни христианским, ни индуистским, ни мусульманским. Это просто сознание. Совесть разделяет людей, а сознание объединяет.

Зачем тебе носить внутри себя какой-то ориентир? Достаточно просто сознания! Всегда, когда возникает потребность в чем-то, твое сознание отзовется. У тебя есть зеркало, в нем отразится происходящее вокруг тебя, и отклик будет спонтанным.

Когда я учился в университете, мои преподаватели очень обо мне беспокоились. Они любили меня, а переживали из-за того, что я никогда не готовился к экзаменам. А еще их беспокоило то, что я мог ответить на вопрос так, что экзаменатор не мог понять, о чем я говорю. Мой старый преподаватель, доктор Саксена, приходил по утрам и будил меня, чтобы я учился. Он садился рядом со мной и говорил: «Ты мало готовишься». Потом он вел меня на экзамен, потому что беспокоился, что иначе я могу просто не прийти.

Когда подошло время моего последнего устного экзамена, он очень переживал, что я могу сказать что-то лишнее и это заденет экзаменатора. Он тоже собирался присутствовать на экзамене, поскольку был заведующим кафедрой. Он снова и снова повторял мне: «Просто отвечай на вопрос! Что спросит экзаменатор, о том и говори. Не нужно углубляться, просто краткий ответ; того, что написано в учебниках, будет вполне достаточно. Я тоже буду рядом, и если замечу, что ты пошел в дебри, я просто слегка толкну тебя ногой под столом. Ты после этого вернись к вопросу и продолжай отвечать».

Мне задали первый вопрос, и сразу же возникла проблема. Преподаватель, который принимал экзамен, спросил меня: «Какая разница между индийской и западной философиями?» Доктор Саксена испугался. Он знал, что мне достаточно услышать слова «индийская» и «западная», чтобы меня понесло... Так и случилось.

— А что вы имеете в виду под словом «индийская»? — спросил я. — Разве философия может быть индийской или западной? Наука не бывает западной или индийской, так почему же вы даете такие определения философии?

Профессор Саксена принялся толкать меня ногой, и я сказал ему: «Перестаньте! Оставьте меня в покое. Это касается только меня и его; вы не должны мне подсказывать».

Старый экзаменатор растерялся: что делать, как поступить? Что бы он ни спрашивал, я отвечал ему вопросом на вопрос. Он был в растерянности, ведь у него в голове были лишь готовые ответы.

— Похоже, вы не знаете, что ответить, — сказал я ему. — Смотрите, у меня есть простая идея: вы можете сказать, что философия — это философия, и спросить, какое отношение она имеет к Востоку и к Западу. Скажите же что-нибудь!

Но он работал по готовым схемам: что-то должно быть индийским, а что-то — западным, все должно быть таким или вот таким, везде сплошные прилагательные. Мы не можем думать о нашей планете как о чем-то едином. Мы не можем представить себе, что человечество — единый организм. Вот скажи, что такого индийского есть в Будде и что еврейское — в Иисусе Христе? Да совершенно ничего. Я познал и Христа, и Будду, и там, и там все то же самое. Но заимствованное знание всегда остается застывшим, и когда ты реагируешь, основываясь на твоих устоявшихся идеях, это всегда будет невпазд. Это неправильная реакция на окружающую тебя действительность.

Поэтому нет нужды развивать совесть, чтобы она тебя направляла, не нужны тебе никакие поводыри! Тебе нужно

осознание, способность к пониманию и сознание, чтобы ты мог откликаться на любые проблемы. Жизнь бросает тебе вызов, а ты используешь свое сознание, чтобы ответить на него.

Медитация дает возможность отказаться от совести и пойти по пути обретения сознания. И самое удивительное то, что, если тебе удастся сбросить с себя путы совести, само по себе рождается сознание, поскольку оно — явление естественное. Ты с ним родился, просто вокруг него выросла толстая корка совести, которая не дает ему струиться. Совесть превратилась в камень, который перекрывает маленький ручеек сознания. Убери камень, и ручей снова зажурчит. А когда вода в ручье снова потечет, твоя жизнь станет совершенно другой, она пойдет по такому руслу, которого ты даже не мог представить, о таком ты и не мечтал. Все вдруг приходит в согласие с Мирозданием. А пребывать в гармонии с Мирозданием — это и есть «хорошо», а жить с ним не в ладу — «плохо».

Так что совесть как таковая — это главная причина всего плохого, ведь она не дает тебе почувствовать гармонию со всем сущим. Сознание — это всегда хорошо, точно так же как совесть — это всегда плохо.

? Что Ты можешь сказать о преступниках? Кажется, что у многих из них нет ни совести, ни сознания.

● Поэтому, не правда ли, и нужна система уголовного судопроизводства, которая могла бы помешать преступникам причинять вред другим людям?

Ни один человек не рождается преступником; каждый ребенок появляется на свет мудрым и непорочным. Преступниками людей делает определенное воспитание, образование и конкретное общество.

Когда исчезнет бедность, не станет и пятидесяти процентов преступлений, а одновременно и половины судей, судов, правоохранительных органов и законов. И все это только потому, что не будет бедных.

Во-вторых, сейчас ученые считают, что существует наследственная склонность к преступлениям. Ты напрасно наказываешь человека, который нуждается в сострадании, а не в наказании.

К примеру, в некоторых туземных племенах не бывает изнасилований, поскольку, как только дети начинают осознавать свою сексуальность и у них впервые проявляется чувственность, их отпускают из родительского дома. В деревне есть большое здание, в котором разрешается жить всем молодым людям. Они вступают в связь со всеми: с девушками, с юношами. Им предоставлена полная сексуальная свобода, но с одним условием — и, похоже, что это очень важное условие, — ты можешь оставаться с одной девушкой или с одним парнем всего несколько дней, затем ты должен сменить партнера.

Таким образом, каждому предоставляется возможность вступить в связь с кем угодно, и, кроме того, это прекрасный способ, чтобы отучить от ревности. Невозможно испытывать ревность, когда твоя девушка завтра отправляется спать с другим. Никаких постоянных связей не существует: вместе вы можете быть лишь несколько дней, потом ты уходишь к другой, меняешь партнера. Ко времени, когда они достигают брачного возраста, у них накапливается обширный опыт, они знают всех девушек и всех юношей племени. И тогда они могут выбрать себе подходящего партнера, того, с кем были самые гармоничные отношения. Это довольно странно, но в таком «распущенном» обществе не бывает ни изнасилований, ни разводов. Они находят подходящего партнера, потому что у них есть для этого возможность. Их любовь все растет, их гармония становится все полнее и полнее с каждым днем.

Когда есть противозачаточные таблетки, мужчины и женщины могут экспериментировать, пока не найдут человека, которого на самом деле полюбят и с которым проживут всю свою жизнь. Им не нужно торопиться, бежать в церковь, они могут подождать. Год или два они присматриваются, чтобы

увидеть, насколько близки их отношения; становятся ли они более глубокими, разнообразными или с течением времени блекнут и увядают. Это кажется совершенно логичным: прежде чем принять решение о выборе спутника жизни, нужно поэкспериментировать, пережить отношения с как можно большим количеством людей. Исчезнут измены, не будет изнасилований.

Наука однажды обнаружит — а мы уже это видим, — что существуют преступления, на которые человек идет, повинувшись законам биологии. У него есть склонность к злодеяниям, которая передалась ему по наследству. Тогда ему нужна госпитализация, медицинский уход; или, если у него что-то не в порядке с головой, ему понадобится психиатрическая клиника. Но вопрос не в том, чтобы назвать такого человека преступником, и не в том, чтобы назначить ему наказание.

Наказания сами по себе — преступление. Просто потому, что мы не смогли отыскать причину или, возможно, не захотели этого сделать, ведь поиск причины будет означать изменение всей структуры общества, а мы не готовы к таким грандиозным преобразованиям.

Человек-бунтарь готов к любым изменениям в любой сфере жизни. Если исчезает несправедливость, то не возникает вопрос и о справедливости.

Очень трудно представить человечество, которое живет без ревности, гнева, без соперничества, без жажды власти, но все это возможно. Мы никогда не задумывались о том, как убрать *причины*.

Почему люди стремятся к власти? Потому, что все, что они делают, не вызывает уважения. Сапожника не уважают так, как уважают президента. На самом деле, он может быть гораздо лучше как сапожник, чем президент как президент. Достоинства нужно восхвалять; если сапожник — лучший сапожник, тогда ему не нужно стремиться к тому, чтобы стать президентом. Его собственное искусство, его умение принесут ему почет и уважение людей.

Когда всех будут чтить за то, что они такие, как есть, когда будут уважать любую профессию, какой бы она ни была, будут уничтожены сами корни преступлений и несправедливости.

Когда не станет денег как средства обмена, никто не сможет стать богаче и никто не будет беднеть.

Любую жизненную проблему бунтарь рассматривает по существу. Он не будет лечить симптомы, он уничтожит сами причины. Когда исчезнут все причины несправедливости, тогда впервые будет восстановлена справедливость.

Сейчас мы все живем в несправедливом мире, и эта несправедливость многогранна. Чтобы удержать эту несправедливость в рамках, у нас есть армии, полиция, охранники, у нас есть суды и судьи. Все эти профессии совершенно бесполезны! Всех этих людей следовало бы обучить какому-нибудь ремеслу — сапожному, портняжному или плотницкому. Если они не могут делать ничего сложного, тогда неквалифицированный труд — можно по крайней мере носить кирпичи, заниматься строительством домов и дорог. И на самый крайний случай, все твои судьи и великие юристы могут переквалифицироваться в садовников.

Но все институты правосудия находятся на страже бесчисленных несправедливостей, существующих на свете, и люди, у которых в руках власть, хотели бы, чтобы так продолжалось и дальше.

В мире, который я вижу в своих мечтах, в мире нового человечества, исчезнут все причины преступности. Многие преступления — убийства, изнасилования и даже воровство — могут быть наследственными. Может быть, тебе понадобится изменить биохимию своего организма, наладить работу своих гормонов. Очень немногие преступления совершаются оттого, что у тебя нарушена психика; тебе нужна хорошая чистка мозгов и большая ясность зрения. И ничто из этого не должно рассматриваться как наказание. Если кто-то болен туберкулезом, ты отправляешь его в больницу, а не в тюрьму.

А находиться в больнице — это не преступление. Как только ты поправляешься, то возвращаешься в общество, и твое достоинство не задето.

Существует бесчисленное множество проблем, к решению которых старое человечество даже не подступилось. Люди избегают этих проблем, откладывают их в долгий ящик. Им очень страшно: вдруг окажется, что люди, облеченные властью, тоже виноваты в том, что существуют преступления; богачи — виновники преступности, а по вине священников существуют преступления на сексуальной почве и сексуальные извращения. Об этих причинах никогда не говорили в открытую.

Человечество будущего уничтожит все причины несправедливости. И если в чем-то виновата наследственность, то здесь все просто: нужно поменять твои гормоны, изменить биохимию и психологию. Если что-то не в порядке с твоим рассудком, то это тоже можно поправить.

При помощи науки, психологии, психоанализа и психиатрии бунтарский дух сможет уничтожить всю несправедливость, и заданный тобой вопрос станет бессмысленным.

? Все это звучит слишком фантастично, и вряд ли мы можем рассчитывать на подобные изменения в ближайшем будущем. Что тем временем можно было бы изменить в правоохранительной системе?

Я хотел бы, чтобы ты ясно понял одно: человек может совершать дурные поступки, но это не означает, что сам человек становится плохим. Поступок — это мелочь. А человек — это безграничная реальность. Поступок уже в прошлом, а у человека впереди чистое будущее. Если человек скрывает свои проступки, он разрушает свое собственное будущее, ведь тогда они оседают в его сознании тяжелым грузом вины. Если же человек признает свою вину и готов понести любое наказание, то он полностью очищает себя. Его будущее отныне незапятнанно.

Если обвиняемый признал свою вину перед судом, он заслуживает самого мягкого наказания. И я хотел бы призвать суды к пониманию того, что преступников не нужно наказывать, их нужно *лечить*.

Веками преступники подвергались наказаниям, и ничего не удалось изменить. Преступников становится все больше, следовательно, появляются все новые суды, растет количество юристов. Это ненужная ноша. Да и с преступниками... даже если посадить их в тюрьму, это будет совершенно бессмысленно. Провести там пять-десять лет означает окончить университет по специальности «преступность», ведь в тюрьмах сидят настоящие профессора этого дела. Человек, оказавшийся в тюрьме, узнает много нового, и все матерые преступники будут учить его одному: неправильно не то, что ты совершил преступление, а то, что тебя поймали. Поэтому все, что тебе нужно, — это стараться, чтобы тебя не поймали; ты должен быть умнее и хитрее. Само преступление не проблема. Проблема в том, как не попасться.

Так что все, кого засадили в тюрьму, выходят еще большими преступниками. Когда такой человек только шел в тюрьму, возможно, он был всего лишь любителем, поэтому его так легко поймали. Ко времени освобождения он становится профессионалом, экспертом своего дела. Теперь поймать его будет гораздо труднее.

Поэтому я хотел бы донести до всех судов по всему миру мысль о том, что до сих пор они неправильно обходились с преступниками. У такого человека не в порядке психика. Ему требуется психологическое или психиатрическое лечение. Вместо того чтобы строить тюрьмы, создай центры, где преступнику окажут психологическую помощь, где он смог бы медитировать, учиться, развивать свою осознанность. И относитесь к нему со всем уважением, с которым подобает относиться к человеку. Его проступки не в счет; значение имеет только его сущность.

? Расскажи, как мы можем способствовать развитию своего сознания, чтобы, во всяком случае, наши личные поступки не вредили ни нам, ни другим людям?

Страх, гнев, ревность, ненависть — все эти чувства обладают энергией. Ты даже не представляешь себе, насколько они подрывают твои жизненные силы. Твоя энергия утекает через многочисленные бреши. Если так пойдет и дальше, то рано или поздно ты загубишь свою жизнь. По существу, с большинством людей это происходит уже годам к тридцати. После с ними уже ничего не происходит: это жизнь после смерти, когда человек кое-как дотягивает до могилы.

Ты должен взглянуть в лицо твоим страхам. То же самое сделай с твоим гневом, ревностью, ненавистью. Важно помнить следующее: если ты от чего-либо отстраняешься — от страха, гнева или ненависти, если ты просто наблюдаешь за тем, как они возникают, без всяких суждений или осуждений, они тут же исчезнут, оставив после себя огромное количество энергии, которую ты можешь использовать для созидания. Тебе придется использовать ее — исчезли бреши, и энергия будет переполнять тебя. Но если ты наблюдаешь за своей любовью и состраданием, за проявлениями своей доброты и скромности — они никуда не исчезнут. Эти чувства тоже обладают огромной энергией, но чем больше ты за ними наблюдаешь, тем сильнее они становятся, ты будешь переполнен ими.

Именно это критерий, по которому можно определить, что хорошо и что плохо. Если в процессе свидетельствования что-то исчезает и оставляет тебе всю свою энергию, то это было «плохо».

Я не даю тебе готовых прописанных рецептов: «Это плохо, а это хорошо, вот это тебе следует делать, а вот этого — нет». Я не даю тебе десяти заповедей. Я раскрываю тебе главный секрет духовной жизни: наблюдай, свидетельствуй, осознавай. Если

некое явление исчезает, оставляя после себя большое количество энергии, то оно было злом. Если после наблюдения за ним явление становится только больше, любовь вырастает выше Гималаев, это означает, что твои поиски вели тебя по пути добра. Если тебя вдруг стала больше трогать красота, поэзия, то это значит, что твоя любовь расцветает. Вся энергия, которая уходила на страх, гнев и ненависть, теперь будет растрочена на твою любовь, чуткость, сострадание и творчество. Вот и вся алхимия, когда простые металлы превращаются в золото.

Именно этим алхимики занимались на самом деле, но христианство не позволяло заявить об этом открыто. Это один из самых печальных фактов, связанных с религиями: вместо того чтобы помогать по-настоящему религиозным людям, они мешали им. Поэтому алхимики Европы придумали, как обмануть Папу Римского и его слуг. Они обзавелись небольшими лабораториями, заставленными сотнями пробирок, бутылочек с разноцветными жидкостями и какими-то камнями. Создавалось впечатление, что они заняты чем-то материальным, что они ученые, а не мистики, ведь мистик опасен для Папы Римского, он опасен для организованной религии. Эти люди просто пытались превратить неблагородные металлы в золото; а это было замечательно! На самом деле, если бы у них получилось, они бы стали служить Церкви. Тогда они могли бы работать с благословения папы. Но это было лишь прикрытие. В реальности все было немного по-другому и происходило втайне. Занятия алхимией были только маской. Они ничего не делали, за сотни лет ни одного грамма металла не было превращено в золото. Ты видишь, в чем дело? Все эти бутылки, пробирки, разноцветные жидкости, перетекающие из одной бутылки в другую, — это было лишь прикрытие. А кому не хочется превратить неблагородный металл в золото? Да все этого хотят.

Алхимиков уважали за их видимую деятельность. А то, чем они занимались на самом деле, относилось к совершенно иным сферам. Страх, гнев, ненависть они пытались переплавить

в любовь, сострадание, творчество, восприимчивость. Они пытались трансформировать свою душу.

В этом и состоит главная алхимия: ты смотришь, наблюдаешь, не вынося никаких суждений. В них просто нет надобности. Все плохое исчезнет, высвободив огромную энергию. А все хорошее станет еще больше и будет впитывать эту освобожденную энергию, оставляя за собой лишь великолепный аромат любви, света и смеха.

Правила и обязанности: прогулка по натянутому канату свободы

Я не против правил, они должны появляться как следствие твоего понимания. Они не должны навязываться извне. Я не против дисциплины! Но она не должна становиться рабством. Вся настоящая дисциплина — это самодисциплина. Такая дисциплина никогда не противоречит свободе, по существу, это лестница, ведущая к ней. Только дисциплинированный человек становится свободным, но его дисциплина — это не подчинение другим, это повиновение своему внутреннему голосу. И ради этого он готов поставить на карту все.

Позволь твоему собственному осознанию решить, как тебе жить, каким примерам следовать. Никому не позволяй решать за тебя. Это грех — позволять другим решать за тебя. Почему это грех? Потому что ты никогда не будешь жить своей жизнью. Она останется пустой, это будет сплошное притворство.

Человек, обладающий осознанием, не подчиняется ни прошлому, ни будущему. Тебя никто не заставляет вести себя как положено. В твоей голове больше нет никаких Вед. Махавира, Мухаммед, Иисус Христос больше не принуждают тебя куда-то идти. Ты свободен. Вот почему в Индии мы называем такого человека *мукта*. *Мукта* — это человек, достигший полного освобождения. Он и есть сама свобода.

В *такой* момент, какой бы ни была ситуация, человек реагирует на нее с полной осознанностью. Это твоя ответственность. Ты способен отвечать. Твоя ответственность — это не обязательство, это восприимчивость к настоящему моменту. Меняется смысл ответственности. Это не ответственность как обязанность или долг, как бремя, как дело, которое непременно нужно сделать. Нет, ответственность — это лишь восприимчивость, она подобна зеркалу. Когда ты подходишь к зеркалу, оно отражает, отвечает тебе. Что бы ни случилось, человек, обладающий осознанием, реагирует со всей полнотой своего существа. Он ничего не держит в себе; вот почему он никогда ни о чем не сожалеет, никогда не испытывает чувства вины, все, что можно было сделать, он сделал, с этим уже покончено. Каждое мгновение жизни он проживает полностью и до конца.

Для тебя в твоём невежестве ничего не завершено. Ты ничего не довел до конца. Внутри тебя хранятся миллионы переживаний, крупинок опыта, они ждут своего завершения. Тебе хотелось смеяться, но в обществе так не принято. Ты подавлял смех. И этот смех живет внутри тебя, он превратился в рану. Как же это печально — даже смех становится раной! Когда ты не позволяешь себе рассмеяться, твой смех ранит тебя изнутри, он все ждет и ждет, когда же ты выпустишь его.

Ты кого-то любил, но не мог выразить свои чувства: тебе мешал твой характер, не позволяла этого сделать совесть. Даже когда темной ночью вы с любимой одни в комнате, с тобой незримо присутствует общество. Вот стоит полицейский и наблюдает за вами. Вы не одни. У тебя есть совесть, у твоей любимой тоже есть совесть: как вы можете остаться наедине? Здесь с тобой все общество, вокруг тебя собралась целая рыночная площадь народу. Да, и Бог, Он смотрит сверху, наблюдает, что это ты там делаешь. Бог похож на такую большую любопытную Варвару, которая все время подсматривает за людьми. Общество использует Бога для того, чтобы контро-

лировать тебя, чтобы сделать из тебя раба. Ты даже любить не можешь до конца, не можешь до конца ненавидеть или злиться. Ты ничего не можешь сделать, абсолютно.

Ты и ешь как-то вполсилы, и гуляешь нерешительно, и смеешься равнодушно. Ты не можешь плакать, в твоих глазах застыли тысячи слезинок. И все это лежит на тебе тяжелой ношей, ты без всякой надобности таскаешь за собой все свое прошлое. Это и есть твой характер.

У будды характера нет, он течет, как вода, он гибкий. Характер означает жесткость. Он похож на броню. Он защищает тебя от чего-то, но потом он же тебя и убивает.

? И тем не менее нам нужен какой-то внутренний контроль, не так ли? Я боюсь, что моя жизнь может превратиться в хаос, если я откажусь от попыток как-то дисциплинировать себя.

Как только ты начинаешь чрезмерно себя контролировать, ты не позволяешь твоей жизни случиться. Ты ставишь слишком много условий, жизнь не может всем им соответствовать.

Она происходит с тобой, лишь когда ты безусловно ее принимаешь; когда ты готов приветствовать ее, в каком бы виде она к тебе ни явилась, какое бы обличье ни приняла. А человек, который привык все держать под контролем, всегда требует, чтобы жизнь явилась ему в некоем виде, чтобы она соответствовала определенным условиям. А жизни до этого никакого дела нет, она просто обходит таких людей стороной. И они живут почти как мертвецы, ведут растительное существование.

Чем скорее ты уберешь все ограничения, любой контроль, тем лучше, ведь любой контроль идет от ума. А ты — это нечто большее, чем твой ум. Такая небольшая часть пытается управлять тобой, пытается указывать, что с тобой должно происходить. Жизнь идет своим чередом, а ты остаешься далеко позади. И тогда ты испытываешь разочарование.

Логика ума такова, что говорит тебе: «Вот, смотри, ты плохо контролировал происходящее, вот почему все так получилось, так что усиливай контроль». А правда заключается совсем в другом: у людей не получается, потому что они слишком сильно все контролируют.

Стань похожим на бурную реку, и все, о чем ты даже и не мечтал, что и представить себе не мог, на что и не надеялся, окажется прямо за поворотом. Стоит лишь дотянуться. Но ты должен раскрыть ладони; нельзя идти по жизни со стиснутыми кулаками — это жизнь под контролем.

Живи жизнью раскрытых ладоней. Целый небосвод — для тебя, на меньшее не соглашайся. Никогда не довольствуйся меньшим. Все небо принадлежит нам по праву. Мы можем полететь в самые отдаленные уголки Мироздания, насладиться всеми его радостями и восславить все, что дает нам жизнь.

? Есть ли разница между контролем и дисциплиной?
● Я всегда был суров по отношению к себе, и чувствую, что из-за этого упустил в жизни много радостей.

Между этими понятиями есть не просто разница, а разница огромная: дисциплина и контроль — это полные противоположности. Контроль исходит от твоего эго, дисциплина — от «не-эго»; контролировать — значит манипулировать самим собой, придерживаться дисциплины — это значит осознавать себя. Дисциплина — явление естественное, а контроль противен природе; дисциплина стихийна, а контроль — это разновидность подавления. Для дисциплины требуется лишь осознание: ты осознаешь и действуешь в соответствии с этим. У дисциплины нет идеалов, которым нужно следовать, у нее нет догм, она не подавляет и постепенно приводит тебя к целостности.

Контроль крайне взыскателен, у него есть идеалы, к ним нужно стремиться; у тебя в голове сидит представление о том, каким ты должен быть. У контроля есть много «ты дол-

жен...» и много «ты не должен...», у дисциплины же этого нет. Дисциплина — это естественное понимание, это цветение.

Само латинское слово «дисциплина» происходит от корня, означающего «учиться», у дисциплины общий корень со словом «ученик» — «disciple». Ученик — это тот, кто готов учиться, а дисциплина — это способность к открытости, которая помогает тебе учиться.

Дисциплина не имеет ничего общего с контролем. По существу, дисциплинированный ум никогда не будет думать в терминах контроля, ему это не нужно. Дисциплинированному уму контроль не нужен, он совершенно свободен.

А ум недисциплинированный в контроле нуждается, поскольку при отсутствии контроля он чувствует себя в опасности. Такой ум не в состоянии доверять себе самому, отсюда и такая потребность. К примеру, если ты не контролируешь себя, то можешь кого-то убить; в гневе, в ярости ты можешь стать убийцей. Тебе необходим контроль, потому что ты боишься самого себя.

Человек, обладающий осознанием, тот, кто понимает себя и других, всегда чувствует сострадание. Даже если кто-то твой враг, ты будешь испытывать к нему сочувствие, поскольку человек осознания способен воспринимать и чужую точку зрения. Он знает, почему другой человек чувствует то, что чувствует; знает, почему другой испытывает гнев, ведь он знает свое собственное «я» и благодаря этому знанию он познал и других людей. Он испытывает сострадание, у него есть осознание, и человек ему следует. Когда я говорю об этом — пожалуйста, поймите правильно мою мысль, — по существу, за осознанием ничего не следует. Само слово «следовать» дает представление о том, что нужно что-то делать: ты осознаешь, потом ты должен что-то предпринять, последовать за осознанием. Нет, осознавай — и все наладится само собой. Тебе не нужно ничего делать, все просто случится.

Поэтому важно понять разницу между контролем и дисциплиной. Контроль — это фальшивая монета, придуманная

обществом как заменитель дисциплины. Выглядит он точно так же, как и дисциплина: каждая поддельная монета так выглядит, иначе она не смогла бы обращаться на рынке. В духовной жизни есть много таких фальшивых монет. Контроль — это подделка настоящей монеты — монеты дисциплины.

Никогда не пытайся контролировать себя. Кто на самом деле будет контролировать? Если ты осознаешь, контроль уже не нужен; если ты не осознаешь, тогда кто будет контролировать? Вот в чем суть проблемы.

Если ты осознаешь, то зачем тебе контроль? Ты осознаешь, поэтому все, что ты делаешь, верно. Не потому, что ты *должен* это делать. Ты делаешь это потому, что ты *не можешь* поступать неверно. Если ты голоден, ты же не будешь есть камни — ты понимаешь, что камни не едят, и точка! Ты не нуждаешься в заповеди «Если ты голоден, никогда не ешь камни». Было бы очень глупо так говорить. Когда ты испытываешь жажду, то пьешь воду. К чему здесь придумывать какие-то «ты должен...» или «ты не должен...»?

Когда ты осознаешь, жизнь кажется простой. В ней нет никаких правил и ограничений, они не нужны, ведь твое осознание служит самым главным правилом. Есть лишь одно золотое правило — и это осознание; все остальные правила бесполезны, их можно выбросить. Если у тебя есть осознание, ты можешь отказаться от любых форм контроля, можешь быть свободным, ведь, что бы ты ни делал, все будет проходить через твое осознание.

Если бы меня попросили дать определение тому, что такое «хорошо», я бы сказал, что это все, что делается с осознанием. Нет никаких реальных критериев для того, чтобы определить, что «хорошо», а что «плохо»; не бывает плохих и хороших поступков, есть лишь поступки, которые совершают осознанно, и поступки, совершаемые по причине отсутствия осознания. Поэтому иногда случается так, что один поступок может быть плохим сейчас и хорошим в следующее мгновение, поскольку изменилась ситуация и осознание подсказывает

что-то совсем другое. Осознание — это когда жизнь проживаешь от мгновения до мгновения, воспринимая, откликаясь на ее голос.

У тебя нет жестких, установленных правил поведения: ты оглядываешься вокруг, ты ощущаешь, видишь, и потом из твоих чувств, из того, что ты увидел и узнал, рождается поступок.

Человек, скованный контролем, не обладает видением жизни, он ее не чувствует. Он будет смотреть в карту, даже когда прямо перед ним простирается дорога, прямая и широкая. Стоя перед дверью, он будет спрашивать других: «А где дверь?» Он слеп. Он должен контролировать себя, потому что расположение двери меняется каждую секунду. Жизнь — это не застывшее, мертвое явление, нет. Она полна движения.

Поэтому то же самое правило, которое было «хорошим» вчера, уже не будет таковым сегодня и не может быть завтра. Но у человека, живущего под контролем, в голове только застывшие представления, он всегда сверяется с картой. Дороги меняются ежедневно, жизнь движется в новых направлениях, а он тащит за собой свои старые, никуда не годные убеждения. Он берет одну из своих идей, следует ей, и все всегда получается не так.

Вот почему ты чувствуешь, что упустил в жизни так много радостей. Ты и не мог не упустить, ведь единственная радость, которую может даровать жизнь, — это отклик на осознание. Тогда у тебя не будет ни правил, ни идей, ни идеалов, и ты испытаешь много радости. Ты не будешь следовать каким-то сводам законов, ты здесь для того, чтобы жить и открывать свой собственный закон жизни.

Когда ты постигнешь свой собственный закон, то увидишь, что это не что-то данное раз и навсегда. Он так же подвижен, как и сама жизнь.

Если ты попытаешься контролировать — это твое эго, оно управляет тобой разными способами. Через эго тобой управляет общество, а через общество тобой манипулируют

все мертвецы, все, кого уже нет в живых. Каждый живой человек, если он придерживается мертвых идей, поддерживает мертвецов.

Заратустра — это прекрасно, Будда, Лао-цзы, Христос — просто замечательно. Но их опыт уже устарел. Они прожили свои жизни, они реализовали себя. Учись у них, но не будь слепым подражателем. Стань учеником, но не будь студентом, *изучающим*.

Студент заучивает слово, мертвое слово; ученик просто познает секреты осознания, и когда осознание приходит и к нему, он становится на свой собственный путь. Он отдает должное Лао-цзы и говорит: «Теперь я готов, я благодарен Тебе, и иду своим путем». Он всегда будет благодарен Лао-цзы, но вот в чем парадокс: люди, посвятившие себя учениям Христа, Будды или Мухаммеда, не могут их простить. Если из-за этих людей ты был лишен многих радостей жизни, как ты можешь их простить? Как ты можешь испытывать к ним благодарность? На самом деле тебя переполняет гнев. Если бы они тебе попались, ты бы их убил; потому что именно эти люди заставили тебя контролировать свою жизнь; эти люди не разрешали тебе жить так, как тебе того хотелось бы. Это они, Моисей и Мухаммед, навязали заповеди, по которым тебе следует жить. Ты не можешь их простить. Твоя благодарность не настоящая. Ты так страдаешь, как же при этом можно испытывать благодарность? За что? Ты способен благодарить за свои страдания? Нет, чувство благодарности может появиться, только когда ты счастлив.

Когда ты светишься внутренним блаженством, когда чувствуешь благословение, благодарность тенью следует за тобой.

Будь человеком дисциплины, но никогда не становись человеком контроля. Откажись от всех правил и предписаний, проживай свою жизнь весело и с азартом, больше ничего не нужно. Единственным твоим законом должно быть осознание. Если ты осознаешь — ты любишь, если любишь,

то никому не причинишь никакого вреда. Если в тебе живет осознание, ты будешь счастлив и захочешь делиться своим счастьем. Если ты осознаешь, тебя настолько переполняет блаженство, что изнутри твоего существа непрерывным потоком будет, подобно реке, изливаться благодарность всему Мирозданию.

Попробуй понять, осознать жизнь, не напрягайся, будь всегда свободен от прошлого; ведь если оно с тобой, а ты все контролируешь, тебе не удастся понять жизнь. А она так скоротечна, ей некогда ждать.

Но почему люди пытаются придумывать правила? Почему они вообще попадают в эту ловушку? Они попадают в нее оттого, что жизнь с осознанием — это жизнь, полная опасностей. Ты должен полагаться только на самого себя. Жизнь под контролем комфортна и безопасна, тебе не нужно быть самостоятельным: достаточно Моисея, Библии, Корана, Бхагавадгиты — тебе не нужно беспокоиться о своих проблемах, ты можешь убежать от них. Ты прячешься в старых словах, учениях, мыслях, ты цепляешься за них. Вот почему можно вести вполне комфортную жизнь, которая будет полна удобств. Но удобная жизнь — это не счастливая жизнь. Ты лишаешься радости, ведь она возможна только тогда, когда твоя жизнь полна опасностей. Другой не бывает.

Живи опасно, и когда я говорю это, я имею в виду жизнь в согласии с самим собой, чего бы это ни стоило. Не важно, что поставлено на карту, живи, прислушиваясь к своему собственному сознанию, слушая свое сердце и чувства. Если от спокойствия не осталось и следа, если потерян и покой, и все удобства жизни, то и тогда ты будешь счастлив. Может, ты будешь нищим, наверняка ты не станешь королем, ты можешь оказаться на улице в лохмотьях, но ни один император не осмелится соперничать с тобой. Даже императоры будут завидовать тебе, ведь у тебя есть богатство — оно не материально, это богатство сознания. Ты будешь излучать едва уловимый свет, и тебя переполнит чувство блаженства. Даже другие люди

смогут это почувствовать. Оно настолько зримо и ощутимо, что будет передаваться и другим, оно станет притягивать к тебе людей. Внешне ты можешь быть нищим, но внутренне ты стал королем.

Но если ты живешь в удобстве, безопасности и спокойствии, если избегаешь опасностей, многие трудности и страдания обойдут тебя стороной, но при этом ты лишишься и того счастья, которое могла бы подарить тебе жизнь. Когда ты избегаешь страданий, то убегаешь от блаженства, запомни это. Когда ты пытаешься уйти от проблем, ты уходишь и от их решения. Если ты не желаешь сталкиваться с неприятной ситуацией, ты уродуешь свою собственную жизнь. Никогда не живи управляемой жизнью — это жизнь эскаписта, но будь дисциплинирован. Дисциплина — не подчинение мне или кому-то еще; это жизнь, которую ведет твой собственный свет. «Будь светом для самого себя». Это последнее, что сказал Будда перед смертью; последние слова, которые он произнес. Это и есть дисциплина.

Реакция и отклик:

умение уклоняться от ударов

Слово «ответственность» всегда использовалось не слишком точно. Оно привносит ощущение какого-то бремени. «Ты *должен* это сделать, это твой долг, если ты этого не сделаешь, то будешь испытывать чувство вины». Я хотел бы тебе напомнить, что у слова «ответственность» нет таких значений. Если разбить слово «ответственность» (*responsibility*) на две части, то получится *response* — ответ, отклик и *ability* — способность. И тут мы видим совершенно другое значение слова, совсем другой его смысл. «Способность на отклик» — это не бремя. Это не долг; не то, что ты должен делать вопреки самому себе.

«Способность на ответ» просто означает непринужденный, спонтанный отклик. Что бы ни случилось, ты откликаешься с радостью, всем своим естеством, со всей силой, на которую способен. И такой отклик изменит не только ситуацию, еще он изменит тебя.

Нужно запомнить два слова: первое — это «реакция», а второе — «ответственность», «способность на ответ». Большинство людей *реагируют*, но не *откликаются*. Реакция исходит из твоей памяти, она идет от твоего прошлого опыта, от твоих знаний; в новой, необычной ситуации она всегда будет неадекватной. А Мироздание беспрерывно обновляется. Так что, если ты ведешь себя сообразно твоему прошлому, это будет реакция. Но эта реакция не изменит ситуацию, она не изменит и тебя — и ты потерпишь неудачу.

Отклик случается здесь и сейчас. Он не имеет никакого отношения к памяти, он связан с твоим осознанием. Ты ясно видишь ситуацию, ты чист, безмолвен, спокоен. Из этого спокойствия сам по себе рождается твой поступок. Это не реакция, это *действие*. Раньше ты никогда так не делал, но это настолько прекрасно, что будет вполне соответствовать ситуации, и тебе будет радостно осознавать, что ты можешь быть настолько естественным.

В жизни не так много радостей, которые могут сравниться с ощущением естественности. Быть естественным означает жить настоящим моментом, действовать из осознания, а не в соответствии с какими-то устаревшими условностями. Эти дни прошли — все эти условности и догмы теперь совершенно не работают.

Тебе не нужно учиться отклику; не нужно, чтобы кто-то другой учил тебя этому; он придет сам — из тишины и безмятежности, которые будут внутри тебя. Многие из твоих поступков нельзя назвать действиями, ведь их источник — память, — это реакции. Настоящий поступок идет из твоего сознания.

Я человек отклика, ответственности у меня нет. Я действую, потому что во мне живет любовь, а не чувство долга или обязанности. И я поступаю в соответствии с моментом, не спрашивая у своей памяти, ведь она всегда живет прошлым, а все сущее всегда ново — и они никогда не встречаются.

Поэтому прежде всего я хотел бы, чтобы ты понял главное: не используй целое слово «ответственность» — «*responsibility*», разбивай его на две части: «*response*» — отклик, ответ и «*ability*» — способность: «способность на ответ». Все сразу же меняется.

Бунтарь отказывается от прошлого. Он не собирает его повторять; он приносит в мир что-то новое. Те, кто убегают от мира и общества, называются *эскапистами*. Они и вправду отказываются от ответственности, не понимая, что одновременно отрекаются и от свободы. В этом-то и состоит сложность жизни: свобода и ответственность или вместе уходят, или вместе остаются.

Чем больше ты любишь свободу, тем более ты готов принять ответственность. Нельзя нести ответственность, когда ты вне этого мира, вне общества. Это нужно хорошо запомнить: все, чему мы учимся, приходит к нам, когда мы ответственны за что-то.

Ты можешь поступить двояко: это будет или реакция, или отклик. Твои старые условности порождают реакцию; она механическая. А отклик возникает благодаря твоему *присутствию*, осознанию и сознанию; отклик не бывает механическим. Способность откликаться — это один из важнейших принципов развития. Ты не следуешь ничьим приказам, никаким заповедям, тебя просто ведет твое осознание. Ты подобен зеркалу, которое отражает ситуацию и откликается на нее. Твоя память, твой прошлый опыт, когда ты переживал подобные ситуации, — все это не в счет, ты не повторяешь своих прошлых поступков, но действуешь по-новому, энергично, опираясь лишь на теперешний момент. Ни ситуация, ни

твой на нее отклик не устарели — они оба новые. Эта способность — одно из качеств бунтаря.

Когда ты отказываешься от мира, убегаешь в лес или горы, ты просто прячешься от урока, который преподносят жизненные ситуации. В пещере в Гималаях у тебя не будет никакой ответственности, но помни, без нее ты не сможешь вырасти; твое сознание застрянет на том же уровне. Для того чтобы расти, ему нужно столкнуться, встретиться, принять те проблемы, которые ставит ответственность.

Те, кто уходит от мира, просто трусы; они не бунтари, хотя до сих пор их считали таковыми, думая, что у них есть бунтарский дух.

Это не так, они обыкновенные трусы. Они не могут справиться с жизнью. Они знают свои слабости, свои пороки, и думают, что лучше сбежать, ведь тогда им никогда не придется эти слабости и пороки проявлять, никогда не доведется лицом к лицу встретиться со своей слабостью, своей нестойкостью, своими вызовами. Но как же ты собираешься развиваться, когда нет вызовов?

? Можно ли сказать, что Твоя «способность на отклик» сходна по смыслу с тем, что говорил Иисус: если тебя бьют по щеке, нужно подставить вторую?

Я бы не сказал, что «способность на отклик» означает, что нужно подставлять вторую щеку, когда тебя бьют. Совсем нет. Я могу сказать лишь одно: пусть все решается по ситуации. Иногда, возможно, тебе придется подставить вторую щеку. А в другой раз ты ударишь такого человека сильнее, чем он ударил тебя. Может, иногда тебе придется ударить его по обеим щекам. Здесь нельзя дать готовый рецепт. Это будет зависеть от тебя, от того человека, от ситуации.

Но действуя из осознанности, тогда все, что ты делаешь, будет правильным. Я не называю действия «плохими» или

«хорошими». Для меня решающее значение имеет степень твоей осознанности. Если ты можешь ответить, опираясь на осознание, тогда, каков бы ни был твой отклик, я сочту его верным. Если ты утратишь свое осознание и с твоей стороны последует реакция, тогда, что бы ты ни делал, даже если ты подставишь вторую щеку, все будет неправильным. Ты заметил, что я употребил два разных слова? Когда я говорил об осознанности, то сказал «отклик»; когда речь шла об отсутствии осознания, я использовал слово «реакция».

Отклик исходит от тебя. Реакцию создают тебе другие люди. Он тебя ударил. Он владеет ситуацией, а ты — просто марионетка. Ты реагируешь. Его поступок решает все, и оттого, что он что-то сделал, теперь ты в ответ тоже ведешь себя определенным образом. Это неосознанное поведение. Вот почему поведением человека, не обладающего осознанием, можно так легко манипулировать. Ты улыбаешься — и она улыбается. Ты злишься — и он разозлился.

Именно поэтому люди, подобные Дейлу Карнеги, и пишут книги с названием «Как находить друзей и влиять на людей». Все, что вам нужно знать, — это простые реакции.

Сам Карнеги рассказывал такую историю. В городе, где он работал страховым агентом, жила одна женщина. Она была вдовой и считалась самой богатой в округе. При этом она крайне враждебно относилась к страхованию и страховым агентам. Настолько враждебно, что ни один агент даже не мог договориться о встрече с ней — их всех прогоняли у самых ворот. Ее приказание привратнику звучало так: «Всех вышвыривай вон!» Не было и речи о том, чтобы войти и встретиться с ней.

Когда Дейл Карнеги пришел в компанию, другие агенты сказали ему: «Ты вот пишешь книги о том, как завоевывать друзей и влиять на людей. Если у тебя получится продать страховку этой старухе, мы будем считать, что тебе есть что сказать. А иначе все, что ты пишешь, просто ерунда». И ему

удалось застраховать эту женщину. Ты спросишь как? Очень просто.

Рано утром он отправился на прогулку и бродил вокруг дома этой женщины. Она была в саду. Стоя за оградой, он произнес:

— Я никогда не видел таких прекрасных цветов.

Женщина спросила его:

— Вы интересуетесь розами?

— А как вы догадались? — ответил он. — Я без ума от роз. Единственный цветок, который мне по-настоящему нравится, — это роза.

— А почему вы стоите снаружи? — сказала женщина. — Входите, я покажу вам мои розы. Я тоже их обожаю, и вы нигде не найдете таких огромных роз, как у меня в саду.

И его пригласили войти. Они прошли по ее огромному саду. Там было так много великолепных роз, что Карнеги не переставал восхищаться и все время читал стихи. На женщину это произвело такое впечатление, что она сказала:

— Вы кажетесь таким образованным и умным человеком, и я хотела бы задать вам один вопрос. Что вы думаете о страховании?

Ведь ее постоянно изводили все эти страховые агенты, вечно они пытались договориться о визите, и их всегда выгоняли.

— Чтобы ответить на ваш вопрос, — сказал он, — я, пожалуй, зайду к вам еще. Я должен подумать и провести небольшое исследование. Я никогда не даю никаких советов, пока не уверен в чем-то сам.

Женщина сказала:

— Хорошо. Вы первый человек, который не спешит давать мне совет. Слишком большое желание советовать другим — верный признак дурака.

— Да, я должен тщательно изучить вопрос. Возможно, на это уйдет несколько дней.

И все ближайшие дни Карнеги проходил мимо дома той женщины, останавливаясь около ограды ее сада.

Как-то женщина опять его окликнула:

— Вам незачем стоять там. Я сказала всем своим слугам, что для вас двери моего дома открыты в любое время. Когда вам захочется погулять по саду, вы можете прийти сюда. Если вы захотите войти в дом, то милости просим. Это ваш дом, не стесняйтесь.

Через несколько дней Карнеги пришел к ней со всеми анкетами, документами и так далее. Он сказал:

— Я изучил вопрос. По правде говоря, для того, чтобы досконально изучить все детали и обратную сторону вопроса, мне пришлось стать страховым агентом. Ведь не будучи внутри, ты не можешь узнать много. Теперь же я абсолютно уверен в том, что страхование — это для вас.

Вот так живет все человечество, все построено на реакциях. Ты просто поступаешь определенным образом, и тебе известно, какую реакцию это вызовет у другого человека, не обладающего осознанием. Страховые агенты очень редко встречают пробужденного человека, этого почти никогда не случается. Прежде всего потому, что у пробужденного обычно страховать нечего. Уловка Дейла Карнеги не удалась бы только с пробужденным человеком, потому что у такого человека была бы не реакция, а отклик. А отклик предугадать нельзя.

Человек осознания непредсказуем, ведь он не *реагирует*. Никогда нельзя сказать заранее, что он собирается сделать. И каждое мгновение он другой. Может, в какой-то момент он вел себя так. В следующее мгновение он может вести себя по-другому, потому что в эту секунду все изменилось. Жизнь меняется постоянно, каждую минуту; она как быстрая река, ничто не стоит на месте, кроме твоей бессознательности и ее реакций.

Бессознательные люди предсказуемы. Ими легко управлять. Можно заставить их что-то сделать, что-то сказать, даже

то, чего они никогда не хотели ни говорить, ни делать. И все оттого, что они *реагируют*.

Но человек осознания, тот, кто по-настоящему религиозен, только откликается. Он не в твоей власти; ты не сможешь ослабить его, заставить сделать что бы то ни было. У тебя не получится выдать из него и словечка. Он будет делать только то, что в данный момент считает — из своего осознания — подходящим.

? Насколько я понял, бессознательный человек реагирует, тогда как мудрец способен просто свидетельствовать свои эмоции по мере того, как они возникают, и не следовать им механически. Но как же тогда быть с естественностью? Сочетается ли она со свидетельствованием?

Когда ты научился свидетельствовать, когда ты знаешь, как погружаться в абсолютную тишину, стать недвижимым, безмятежным, когда ты умеешь просто сидеть в безмолвии, ничего не делать, тогда и вправду, как говорится в дзэнской пословице, наступает весна и трава растет сама по себе. Но помни: трава растет!

Действие никуда не девается, трава растет сама по себе. Когда ты принимаешься наблюдать, это не значит, что ты бездействуешь; действие происходит через тебя, хотя того, кто совершает это действие, больше нет. Он исчезает, а действие продолжается. А когда нет того, кто совершает действие, оно становится естественным, спонтанным — по-другому не бывает. Именно тот, кто совершает действие, не позволяет тебе стать естественным.

Если есть «делатель», есть и эго, а эго означает прошлое. Когда ты действуешь, ты всегда делаешь это через прошлое, ты опираешься на накопленный тобой опыт, на выводы, к которым ты пришел ранее. Как же ты можешь быть естественным? На тебя давит прошлое, из-за него ты даже не в состоянии видеть настоящее. Твои глаза настолько полны прошлым, его

дым такой густой, что за ним невозможно ничего разглядеть. Ты не способен видеть! Ты почти полностью ослеп, тебя ослепил дым, прошлые умозаключения, твои знания. Человек, обремененный знаниями, — самый большой слепец на всем свете. Ведь он живет, опираясь на знания, он не видит сути вещей. Он просто действует механически. Он что-то узнал, выучил, и это стало для него готовым к употреблению механизмом, который и управляет его действиями.

Но жизнь не обязана подстраиваться под твои умозаключения. Вот почему хорошо осведомленного человека жизнь часто сбивает с толку. У него на все есть готовые ответы, он напичкан всем, чем угодно. Но жизнь никогда не ставит один вопрос дважды; поэтому знающий человек всегда попадает впросак.

Конечно же, у человека должно быть это умение — посидеть в тишине, безмолвии. Это не значит, что он будет сидеть так вечно. Ты не должен погружаться в бездействие, совсем нет. Наоборот, лишь из тишины рождается настоящий отклик, настоящее действие. Ты не безмолвен; если тебе неизвестно, как можно сидеть безмолвно в глубокой медитации, то, что бы ты ни делал, это будет реакция, а не действие. Ты реагируешь.

Вот кто-то тебя оскорбил, он нажал на кнопку, и ты среагировал. Ты разозлился и набросился на этого человека — и ты называешь это действием? Это не действие, это реакция. Тот, другой человек манипулирует тобой. Он нажал на кнопку, и ты завелся, как машина. Ты похож на выключатель: нажал на кнопку — и загорелся свет, еще раз нажал — и стало темно. Так люди ведут себя с тобой: они тебя включают и выключают. К тебе подходят, тебя хвалят: твое эго раздувается, ты исполняешься чувством собственной важности. А потом кто-то другой отпускает в твой адрес едкое замечание, и вот ты уже повержен. Ты не хозяин самому себе. Любой человек может оскорбить тебя, испортить тебе настроение, заставить злиться, раздражаться, сердиться, ты расвирепел, взбесился. Стоит кому-нибудь тебя похвалить, и ты уже чувствуешь

себя на высоте, ты — лучший, даже Александр Великий не сравнится с тобой.

Ты действуешь по указке других людей. Это не настоящее действие.

Как-то Будда проходил через одну деревню. Вокруг него собрались люди и стали осыпать его оскорблениями. В ход пошли все бранные слова, которые они знали. Будда стоял, безмолвно и с большим вниманием слушал их, а потом сказал:

— Спасибо, что вы подошли ко мне, но я тороплюсь. Мне нужно дойти до следующей деревни, меня там люди ждут. Сегодня я больше не могу уделить вам времени, но завтра, на обратном пути, я буду более свободен. Вы можете собраться опять, и если вам хотелось еще что-то сказать мне, но вы не успели, вы все это скажете завтра. Но сегодня, пожалуйста, извините меня.

Люди не могли поверить своим ушам: этого человека совершенно не задело их слова, он был абсолютно спокоен. Один из них спросил:

— Ты что, нас не слышал? Мы оскорбляли тебя последними словами, а ты даже не ответил!

Будда произнес:

— Если вы хотели услышать мой ответ, то слишком поздно пришли. Вам нужно было появиться лет десять назад, тогда бы я вам ответил. Но прошло десять лет, и другие люди больше не управляют мною. Я больше не раб, я хозяин самому себе. Я поступаю так, как сам считаю нужным, а не так, как хотят этого другие. Я действую сообразно моим внутренним потребностям. Вы не можете заставить меня что-то сделать. Замечательно: вы хотели оскорбить меня, вы меня оскорбили! Можете быть довольны. Вы прекрасно справились со своим делом. Что же до меня, то ваши оскорбления меня не задевают, а если это так, то в них нет никакого смысла.

Когда кто-то оскорбляет тебя, ты должен воспринять эти слова, согласиться с тем, что говорит этот человек, лишь тогда ты сможешь как-то отреагировать. Но если ты всего этого не

принимаясь, если тебя это не задевает, ты сохраняешь дистанцию и остаешься спокоен, то что он сможет сделать?

Будда сказал:

— Можно бросить в реку горящий факел. Пока он не долетит до воды, будет гореть. Как только он падает в реку, его огонь гаснет; его гасит река. Я стал такой рекой. Вы бросаете в меня оскорбления. Когда вы их бросаете, они как огонь. Но как только они долетают до меня, мое спокойствие гасит их. Они больше не ранят. Вы бросаете в меня шипы, но, попадая в мою тишину, они становятся цветами. Я поступаю так, как велит мне моя внутренняя природа.

Это и есть естественность, спонтанность. Человек, обладающий осознанием, пониманием, действует. Тот, кто не обладает этими качествами, у кого нет сознания, подобен механизму, роботу. Такой человек реагирует.

Ты говоришь, что человек, не обладающий сознанием, реагирует, а мудрый человек свидетельствует. Но ты не просто свидетель, это лишь одна сторона твоей сущности. Мудрый человек не действует без осознания, но эту мысль нужно правильно понять. Твое осознание становится глубже, только когда ты действуешь. И когда ты действуешь спонтанно, опираясь на свое осознание и свидетельствование, тут и появляется глубокое осознание. Ты начинаешь сверкать, сиять, от тебя исходит свет. Но это происходит благодаря двум вещам: свидетельствованию и действию, которое получается в результате свидетельствования. Если твое свидетельствование переходит в бездействие, ты совершаешь самоубийство. Наблюдение должно привести тебя к действию, к новому качеству действия. В этом действии появляется новое качество.

Ты наблюдаешь, ты абсолютно спокоен и безмолвен; ты видишь, как развивается ситуация, и откликаешься исходя из этого. Человек, обладающий осознанием, откликается, он в буквальном смысле «способен на отклик» — *«responsible»*. Он не реагирует, он отзывается. Его действие рождается из

его осознанности, твои манипуляции здесь ни при чем. Вот в этом и состоит разница.

Поэтому нет никакой проблемы несовместимости между свидетельствованием и естественностью, спонтанностью. Свидетельствование — начало естественности; а естественность — это осуществление свидетельствования.

Человек осознающий действует и делает это мощно, абсолютно, но при этом спонтанно, опираясь на свое сознание. Свидетель, медитативный разум, работает как зеркало. Он не улавливает никаких впечатлений, он остается абсолютно пустым, всегда пустым. Поэтому все, что проходит перед зеркалом, просто отражается. Когда ты стоишь перед зеркалом, оно отражает тебя. Когда ты от него отходишь, ты же не скажешь, что зеркало тебя предало. Зеркало — это просто зеркало. Когда ты ушел, оно тебя больше не отражает; оно больше не обязано тебя отражать. Теперь в него смотрится кто-то другой, и оно отражает того человека. Если перед зеркалом никого нет, в нем никто и не отразится. То же самое можно сказать и о жизни.

Учись сидеть безмолвно — стань зеркалом. Тишина превратит твое сознание в зеркало, и тогда ты будешь действовать спонтанно. Ты отражаешь жизнь. Твоя голова больше не альбом, забитый старыми фотографиями. Теперь твои глаза чисты и невинны, ты все видишь ясно и отчетливо, и отныне ты всегда будешь в согласии с бытием.

Это и есть настоящая жизнь.

Глава 5

Смысл и значение От известного к непознанному и непознаваемому

Люди часто задумываются, почему жизнь кажется лишенной всякого смысла. Его не существует изначально. В жизни нет никакого смысла, его нужно создать. Он открывается, лишь когда ты его создал. Вначале его нужно изобрести. Он не лежит камнем на дороге, его нужно написать, как песню. Это не вещь, это значение, которое приносишь ты сам, из своего сознания.

Нельзя дать тебе в руки истину, но ты можешь почувствовать ее аромат. И тогда ты можешь отправляться на поиски смысла в самые отдаленные глубины своего существа. Он должен родиться. Это рост. Смысл — это развитие. Ты должен посвятить ему всю свою жизнь.

Но все прошлые столетия человек жил в каком-то оцепенении, во сне, и поэтому современный ум ощущает бессмысленность бытия как никогда остро. Традиции преобладали, обычаи были строгими и устоявшимися. Цитадель религии пугала мощью и подавляла. Люди веками жили в вере. Теперь, в нынешнем столетии, все больше людей осмеливаются отка-

заться от нее. Вера служила для того, чтобы внушить людям чувство уверенности, что смысл жизни есть; теперь такая вера исчезла. Это хорошо, что старые верования исчезли. Наступил первый век агностицизма. Впервые все большее количество людей достигает зрелости — в том смысле, что они уже не полагаются на слепую веру, на предрассудки. Они отказались от всех этих суеверных верований.

И возник какой-то вакуум. Верования исчезли, а с ними ушло и фальшивое чувство смысла, которое они тебе давали. Образовалась пустота. Разрушительная стадия пройдена, мы уничтожили старое здание, а теперь следует приступить к этапу созидания. Мы должны построить новый дом. Нет больше старых храмов, но где же новые? Вера уничтожена, но куда подевалось доверие? Вера ушла, и это хорошо, но этого мало. Это было необходимо, но не достаточно. В наше время исчезла вера, но ничто не пришло на ее место. Теперь у тебя должно появиться доверие.

Ты, наверное, слышал о немецком философе Людвиге Фейербахе. Его можно назвать предвестником современного мышления. Фейербах говорил о Боге как бесконечном желании, живущем в сердце человека. Он говорил, что Бога нет, как объективная реальность. Он не существует. Это лишь исполнение желаний. Человек хочет стать всемогущим, всеведущим, всеведущим. Человек хочет стать Богом, он желает стать бесконечным. Это желание бессмертия, желание абсолютного могущества.

Это утверждение Фейербаха было одним из первых ударов по вере в Бога. Он говорил, что Бог — не реальность, Его нет. Бог — это всего лишь отражение в человеческом разуме; Он не онтологичен, это только психологическое явление. Мы оперируем такими категориями, как Бог, поскольку так мы ощущаем собственную важность. Нам нужно что-то, что придавало бы нам законченность. Нам нужна идея, внушающая нам чувство, что мы здесь не чужие, что в этом мире есть еще кто-то, кто заботится о нас. Бог — это не что иное, как воплощение отца.

Нам нужно на кого-то опереться. Это просто желание, которое не имеет никакого отношения к реальности.

Потом пришел Карл Маркс. Он считал, что Бог — идеологическая попытка подняться над заданной реальностью. Маркс утверждал, что, поскольку люди бедны, страдают, бедствуют, им нужна мечта, которая давала бы им надежду. Люди живут в такой ужасающей бедности, их жизнь настолько безысходна, что они не смогли бы вынести этого нестерпимого существования, если бы у них не было мечты о том, что когда-то, в будущем, у них все будет хорошо. Поэтому и Бог, и религия — это опиум для народа. Это наркотик. Он помогает людям, утешает их. Это разновидность транквилизатора. Тебе так больно, что нужно обезболивающее. Сегодняшний день — да, он безрадостен, но вот завтра все обязательно будет хорошо.

Маркс говорил, что именно поэтому Христовы заповеди приобрели такое значение: «Блаженны страждущие». Почему? Почему страждущие «блаженны»? Потому что «они наследуют Царство Божие». Теперь у бедного человека есть надежда. Здесь он беден, но на том свете он наследует Царство Божие. И это еще не все, Иисус говорит: «Первые будут последними, а последние станут первыми». Вот теперь бедняк по-настоящему счастлив. Он забывает о своей бедности. Он будет первым в Царствии Божием. Маркс считает, что эти заповеди — не что иное, как наркотик.

Его точка зрения также выглядит очень логично. Когда люди живут в страданиях и нищете, у них есть единственный способ все это выносить: чтобы как-то скоротать время, они представляют себе прекрасное будущее. Ты лежишь в больнице; ты можешь представить, что завтра тебя оттуда выпишут, ты отправишься домой и все будет хорошо. Здесь речь идет всего о нескольких часах. Ты можешь потерпеть.

Вот и этот мир — вопрос всего нескольких лет, не беспокойся о нем. Скоро тебя ждет рай. Чем ты беднее, тем быстрее окажешься в раю. И все, чего тебе так недостает в этой жизни, у тебя в изобилии будет на том свете. У тебя нет красивой

женщины? Не переживай. В раю их у всех будет сколько душе угодно, там будут самые прекрасные женщины, каких ты только можешь себе представить. Здесь тебе не разрешают пить спиртное? А в раю текут реки вина, там есть напитки на любой вкус. Ты можешь пить столько, сколько захочешь, хоть купаться в вине.

Эти мечты просто служат утешением для всех униженных и угнетаемых. Поэтому Маркс говорит, что религия — просто уловка для того, чтобы эксплуатировать людей, держать их в твоей власти, чтобы они не решились на мятеж. Он нанес сокрушительный удар по старым верованиям.

Третьим был Фридрих Ницше. Он говорил: «Бог — это не что иное, как ослабление воли к жизни». Когда стареет человек или когда, становясь вялым и безжизненным, стареет и разлагается общество, оно начинает думать о Боге. Почему? Потому что смерть стоит на пороге и ее нужно как-то принять. Жизнь ускользает из рук, с этим ничего нельзя сделать — но, по крайней мере, можно как-то смириться со смертью. Бог помогает тебе в этом. Ницше говорит, что со смертью смиряются лишь те, кто стал слабым.

Он часто повторял, что сама идея Бога родилась в женской голове; он говорил, что и Будда, и Христос женоподобны, в них нет ничего мужского. Они слишком мягки. Это люди, которые смирились с поражением и больше не борются за выживание. Когда человек прекращает борьбу, он становится религиозен. Когда больше нет жажды власти, человек начинает съезжаться и умирать, он вдруг начинает думать о Боге. Бог и жизнь никак не сочетаются, жизнь — это жажда власти. Жизнь — это непрерывная борьба; это конфликт, в котором кто-то должен одержать верх. Когда люди становятся слишком слабыми и не могут больше побеждать, такие неудачники становятся религиозными. Религия — это пораженчество.

Фейербах, Маркс, Ницше — все вместе создали атмосферу, в которой можно было заявить, что Бог мертв, а человек свободен.

Ты родился в мире, где дела обстоят именно так. Если ты вообще современный человек, то ситуация такова. У тебя больше общего с Фейербахом, Марксом и Ницше, чем с основателями и пророками всех религий. Они далеко, мы не связаны с ними, а они не имеют отношения к нам. Дистанция слишком велика. Наши настоящие пророки — это Фейербах, Маркс, Ницше, Фрейд, Дарвин. Эти люди разрушили все строение, структуру и все принципы веры.

Я хотел бы сказать тебе, что они оказали человечеству большую услугу. Но пойми меня правильно. Они полностью очистили человеческое сознание от веры — но это только половина дела. Теперь необходимо нечто иное. Представь, что ты работаешь в саду: готовишь землю к посадке, вырываешь сорняки, выбрасываешь камни. Теперь земля готова, но ты просто ждешь и не заносишь в сад кусты роз, не сеешь в землю новые семена.

Эти люди сделали для человечества большое дело. Они вырвали все сорняки. Но, если сделано только это, сад еще не готов. Прополка сорняков — тоже часть подготовки сада, но еще не сам сад. Теперь тебе нужно принести в него розы. Не хватает роз, потому не хватает смысла.

Люди сейчас в тупике. Они думают, что этот чистый кусок земли, где не растет никакая вера, где не всходит желание узнать что-то неведомое и потустороннее, и есть сад. И когда они начинают оглядываться, то видят, что вокруг ничего нет. Пустыня. Эти люди очистили землю, но теперь она превратилась в пустыню. Поэтому человек вдруг испугался. Для того чтобы человек мог соответствовать требованиям партии, религии, секты, общества, страх веками подавляли. На протяжении тысячелетий страх оставался взаперти, а человек был рабом. Теперь замок сломан, человек больше не раб, и все подавление, длившееся тысячелетиями, вдруг ослабло. И человек сходит с ума.

То, что сделали эти люди, может перерасти в великое освобождение, но может стать и поражением. Все может быть. Если

ты правильно используешь ситуацию и станешь растить розы в своем сердце, то скоро почувствуешь к Фейербаху, Марксу, Ницше и Фрейдю и другим людям, разрушившим веру и старую религию, огромную благодарность. Они расчистили путь новому типу религиозности — более зрелому и более взрослому.

Я всецело на их стороне, но не останавливаюсь рядом с ними. Если ты остановишься, твоим уделом будет ощущение бессмысленности. Да, это хорошо, что Бога нет, но теперь начинай открывать то, что спрятано в глубинах твоего существа.

Они создали ситуацию, когда ты можешь сказать «Я не знаю». Это то, что называется агностицизмом. Теперь используй это как трамплин для прыжка в неведомое. Ты готов к этому прыжку. Знание больше не связывает тебя, никто не сковывает твоих движений. Ты впервые оказался на свободе. Так чего же ты здесь торчишь? Ты был здесь потому, что на тебе висели оковы, но и теперь, когда все оковы сброшены, ты все еще стоишь на месте. Иди же вперед. Исследуй! Все Мироздание твое. И пусть тебя не связывают никакие идеи и предрассудки, никакая готовая философия.

Знание разрушено, и это хорошо. Эти люди — Фейербах, Маркс, Ницше и другие — сделали хорошее дело, они расчистили все те горы абсурда, которые копились веками. Но помни, что даже им это не помогло. Ницше умер в сумасшедшем доме. Так что если ты остановишься на Ницше, то тебя тоже ждет умопомешательство — и больше ничего. Он сделал большое дело, стал мучеником, но заикнулся на собственной негативности. Он разрушил веру, но так и не отправился исследовать. А что остается, когда нет веры? Если ее нет, то что тогда есть? Ведь что-то же есть. Нельзя же сказать, что нет ничего, что-то все-таки есть. Так что же это? Он никогда не занимался медитациями. Мышление, логическое мышление, может сделать лишь одно: оно может разрушить веру. Но оно не может привести тебя к истине.

Мы должны создать смысл прямо сейчас. Общество больше не дает смысла, его больше никто не дает. Мартин Хайдеггер говорит, что, когда человек понимает бессмысленность жизни и собственного существования, в нем рождается тревога, страх и страдание. Он пишет: «Это происходит вследствие высвобождения всего, что было заперто необходимостью подчиняться и веками насаждаемыми ограничениями. Как только происходит такое освобождение, человек может действовать, но не в рамках навязанных кем-то или чем-то правил. Он должен обрести опору внутри себя».

Хайдеггер прав. Ты должен опереться на самого себя. Отныне ты не можешь полагаться на других. Никакие священные писания тебе не помогут, пророки вымерли, вестников больше нет. Ты должен найти опору в себе. Стоять на своих собственных ногах. Тебе придется стать независимым. Хайдеггер называет это «намерением». Тебе придется прийти к решению, обрести намерение. Ты один, и помощи ждать неоткуда. Так что же ты собираешься предпринять? Ты ничего не знаешь. У тебя нет никакой веры, которая указала бы тебе путь. Не существует никаких карт, и вокруг неизведанные земли. Все Мироздание вдруг снова стало загадкой.

Для тех, кому хватит смелости, в этом состоит величайшая радость, ведь теперь стало возможным исследование.

Это то, что Хайдеггер называет *намерением*, ведь именно оно придает индивиду решимость и делает человека человеком. Нет ни Бога, ни традиций, ни законов, ни заповедей, ни норм, ни принципов: человек должен быть самим собой и решать, куда ему идти, что делать и кем быть. В этом и заключается смысл знаменитого изречения экзистенциалистов: «существование предшествует сущности»; то есть нет никакой изначальной человеческой природы. Человек сам создает то, что он собой представляет, человек творит самого себя. Смысл нужно создать. Ты должен этот смысл спеть, станцевать, ты должен его нарисовать, наконец, прожить его. Он появится благодаря проживанию, через танец

он станет проникать внутрь твоего существа. Он придет к тебе через песню. Это не похоже на валяющийся на дороге камень, который нужно поднять, смысл должен распуститься цветком в твоей душе.

Энергия и осознание: путешествие от вождления к любви

Энергия — это осознание, это не два разных явления. Что же это за энергия — осознание? Когда энергия свободна, она становится осознанием. Когда энергия захвачена, она остается неведением, бессознательностью.

Например, твоя сексуальная энергия направлена на женщину или мужчину. Она так и останется неведением, поскольку сконцентрирована на объекте; она идет вонне, она экстравертна. А если энергию освободить от объекта, то куда она пойдет? Она будет направлена на субъект, в глубины твоего естества. Энергия, которая возвращается к своему истоку, становится осознанием, пониманием.

Я не говорю тебе, чтобы ты противился сексу, нет. Но пусть он станет явлением в большей степени субъективным, чем объективным. Именно в этом и состоит разница между сексом и любовью. Любовь живет внутри тебя, а секс направлен на объект.

Когда ты увлекаешься женщиной или мужчиной как объектом, то рано или поздно твой интерес угаснет, ведь как только объект тобой изучен, ничего не остается. Ты уже готов переключиться на кого-то другого. Да, эта женщина красива, но как долго она еще будет такой? Объект есть объект. Она для тебя пока еще не личность, она просто красивый объект. Это оскорбительно. Душа превращается в объект, ты делаешь объектом внутреннюю сущность. Ты пытаешься использовать ее, превращаешь ее в средство. Твоя энергия останется невежественной. Ты и дальше будешь менять женщин, твоя энергия

так и будет двигаться по кругу. И она никогда не вернется к тебе обратно.

Любовь — это когда женщина или мужчина не интересуют тебя как объект. В сущности, ты не собираешься использовать этого человека, не собираешься от него чего-то добиваться. Наоборот, ты так переполнен энергией, что хотел бы поделиться ею с другим. Любовь отдает. Секс хочет только получать.

И когда любовь отдает, она остается внутри, ее истоки остаются в глубинах твоего существа. Любящие помогают друг другу все более и более становиться собой. Они помогают друг другу стать настоящей индивидуальностью. Помогают друг другу обрести центр. Любовь — это уважение, благоговение, обожествление. Это не использование. Любовь — это осознание. Ведь энергия не направлена на объект, она остается свободной, ни к чему не привязанной. И благодаря этому происходит трансформация. Она накапливается внутри тебя.

И помни: в мире физическом это происходит точно так же, как и в тонком мире. При накоплении определенного количества энергии происходит качественное изменение. Такое изменение — это не что иное, как следствие количественного изменения.

Например, если ты нагреешь воду до точки кипения, она начнет испаряться. До этого момента она не испарялась, это все еще была вода, горячая, но вода. Но когда достигнута температура, когда вода закипает, она начинает испаряться — и это больше уже не вода. Она изменила свое состояние. Произошла трансформация.

Точно так же — когда накапливается твоя энергия, не растрачивай ее на объекты, а ведь люди именно так и поступают. Кого-то интересуют деньги; и всю свою энергию он тратит, чтобы иметь их. Конечно же, у него будет куча денег, но, накапливая их, он медленно умирает, растрачивает себя, внутри у него пусто, и он становится нищим. Денег у него все больше и больше, а сам он все нищает. Кто-то тратит все свои силы на политику, на власть. Такой человек становится премьер-

министром, но где-то в глубине души он нищий. Может быть, он самый важный нищий в стране, но все же нищий.

Если ты тратишь свою энергию на объекты, то проживешь свою жизнь без понимания и осознания. Не трать себя на объекты.

Пусть энергия вернется к твоему существу. Пусть она накапливается. Пусть твоя жизнь станет большим хранилищем. Пусть твоя энергия не будет занята ничем. И в определенный момент произойдет прыжок, качественный скачок, трансформация. Энергия начнет светиться, превратится в осознание, станет пониманием.

Это энергия, которая переходит в понимание. Поэтому, когда твоя энергия на исходе, ты теряешь способность понимать. Когда ты устал, ты хуже соображаешь. Ты, наверное, это замечал. Утром твоя голова свежее, чем вечером. Утром ты лучше соображаешь, в тебе больше сострадания и любви, чем вечером.

Ты замечал это? Нищие выходят за подаянием по утрам. Они хорошие психологи. Кто же им подаст вечером? К этому времени люди становятся злыми, разочарованными в жизни. А утром они чувствуют себя отдохнувшими, они хорошо выпались, у них много энергии, они целых восемь часов эту энергию накапливали. У них больше понимания, сочувствия, любви, больше сострадания. Можно их убедить, чтобы они тебе что-то подали. У них есть это что-то, поэтому они могут подать. Но к вечеру у них уже ничего не остается; они растеряли все, что у них было утром, они смертельно устали.

У детей больше понимания, чем у пожилых людей. Ты когда-нибудь замечал это? Старые люди становятся грубыми, жестокими, хитрыми. Всю свою жизнь они занимались объектами. Большинство стариков стали беспринципны, как Макиавелли. А маленькие дети невинны и доверчивы, они ближе к буддам. Почему? Их переполняет энергия.

Маленькие дети так быстро все схватывают. Почему? У них есть энергия, поэтому есть и способность к обуче-

нию. Чем старше ты становишься, тем труднее тебе что-то выучить. Говорят, что тяжело обучить старую собаку новым трюкам. Почему? Ей должно быть проще, ведь она уже долго обучалась, поэтому с легкостью должна выучить что-то еще. Но это не так.

Дети учатся быстро. Если ребенок родился в городе, где говорят на пяти языках, он начинает учить их все. И скоро все пять знает в совершенстве. Они становятся его родными языками. Ребенок обладает бесконечной способностью к обучению, и причина здесь одна: он все еще переполнен энергией. Скоро эта энергия будет растрочена на жизнь.

Человек медитации становится человеком осознания оттого, что его энергия накапливается. Он ее не тратит зря. Его не интересуют пустяки; он совсем не тратит энергию на разные мелочи. Поэтому, когда приходит время отдавать, у него есть что дать.

Энергия — это понимание. Ты должен осознать это и использовать свою энергию осознанно, используй ее так, чтобы она не растрачивалась попусту.

? Не мог бы Ты рассказать, как мы могли бы использовать свою сексуальную энергию для собственного развития? Кажется, с этой темой у нас на Западе связан один из самых больших предрассудков.

Секс — это энергия. Поэтому я не стал бы употреблять термин «сексуальная энергия»: ведь другой энергии не бывает. Секс — это единственная энергия, которая у тебя есть. Энергию можно преобразовывать, она может стать энергией более высокого уровня. Чем выше она поднимается, тем меньше в ней остается сексуальности. И на самой вершине такая энергия просто становится любовью и состраданием. Высочайшее ее проявление мы можем назвать божественной энергией, но в основе лежит секс. Таким образом, секс — это первый, базовый

уровень энергии, а Божественность — ее вершина. Но везде движется одна и та же энергия.

Первое, что следует усвоить, — ты не должен разделять свою энергию. Как только ты это делаешь, появляется некая раздвоенность. Там, где есть разделение, возникает конфликт и борьба. Если ты разделяешь свою энергию, ты сам оказываешься разделенным — тогда ты будешь или за, или против секса.

Я и не за, и не против, потому что я ничего не разделяю. Я говорю, что секс — это энергия, название энергии, давайте назовем ее «энергия икс». Секс — это название «энергии икс». Это неведомая энергия, если ты ее используешь только лишь как биологическую силу для воспроизводства себе подобных. И эта же энергия превращается в Божественную, когда освобождается от биологических оков, когда теряет свою физиологичность; тогда это любовь, о которой говорит Иисус, или сострадание Будды.

Сегодня люди помешаны на сексе по вине христианства. Оно две тысячи лет подавляло сексуальную энергию, и поэтому западный человек слишком заиклился на этой теме.

Вначале, на протяжении двух тысяч лет, эту энергию рьяно уничтожали. Но ты не можешь убить свою сексуальную энергию. Ни одну энергию убить нельзя, ее можно только преобразовать. Не существует способов уничтожения энергии. В этом мире ничего нельзя уничтожить, можно только трансформировать, видоизменить, переместить в новую сферу и другое измерение. Уничтожение невозможно.

Нельзя создать новую энергию и нельзя уничтожить старую. И созидание, и разрушение не в твоей власти. Их нельзя совершить. Теперь с этим согласны и ученые. Они говорят, что ни один атом уничтожить нельзя.

А христианство целых две тысячи лет пыталось истребить сексуальную энергию. По их представлениям религия состоит в том, чтобы совершенно освободиться от секса. И это породило безумие. Чем больше ты борешься, подавляешь, тем более

сексуальным ты становишься. Просто секс уходит глубже в твоё подсознание и отравляет все твоё существо.

Читая жития христианских святых, ты замечаешь, что они были помешаны на сексе. Они не могли молиться, не могли медитировать. Что бы они ни делали, везде был секс. А они думали, что это козни дьявола. Да он тут ни при чем. Когда ты что-то в себе подавляешь, то сам становишься дьяволом.

Две тысячи лет непрерывного подавления секса, и вот Западу это надоело. Это было уже слишком, и колесо завертелось в обратную сторону. Тогда вместо подавления новой навязчивой идеей стало потворство всем своим желаниям. Из одной крайности человек метнулся в другую. Но болезнь осталась прежней. Когда-то это было подавление, теперь это стремление к удовольствиям. И то, и другое — это нездоровое отношение к сексу.

Его не нужно ни подавлять, ни слишком им увлекаться.

Единственный возможный путь трансформации секса — это быть сексуальным с глубоким медитативным осознанием.

Погружайся в секс, но осознанно, сознательно. Не позволяй ему стать бессознательной силой. Пусть он на тебя не давит и не затягивает. Погружайся в него со знанием дела, с пониманием, с любовью. Но превращай сексуальный опыт в опыт медитации. Медитируй в сексе. Именно это Восток делает при помощи Тантры.

И как только твой сексуальный опыт становится медитацией, его качество вдруг начинает меняться. Та же энергия, которая используется для сексуальной реализации, переходит в другое состояние и перетекает к сознанию.

На пике сексуального оргазма ты можешь стать бдительным, как никогда, ведь никакой другой опыт не переживается столь глубоко, ни один не захватывает так сильно, ни один не сравнится по полноте. В сексуальный оргазм ты погружаешься полностью, с головой — все твоё существо вибрирует, оно всецело захвачено этим. Тело, рассудок — здесь участвует все. А все мысли вдруг замирают. На долю секунды, когда оргазм

достигает пика, даже мышление совершенно прекращается: ты настолько тотален, что не в состоянии о чем-то думать.

В оргазме ты такой, как есть. Твое существо — вот оно, без всякого мышления. В это мгновение, если ты можешь стать бдительным, достичь осознания, секс может распахнуть для тебя двери к Божественному. И если в эту секунду ты можешь достичь состояния свидетеля, то потом его можно будет перенести и на другие моменты, на другие переживания. Оно может стать частью тебя. И когда ты будешь есть, гулять, делать какую-то работу, ты сможешь нести в себе эту бдительность. Через секс она достигает глубин твоего существа. Ты можешь нести ее.

И, если ты погрузишься в состояние медитации, то вдруг тебе откроется нечто новое. Ты поймешь, что не секс дарит тебе счастье и не секс погружает тебя в состояние экстаза. Скорее, ощущение блаженства тебе дает полное погружение в происходящее и такое состояние рассудка, когда в нем отсутствуют всякие мысли.

Как только ты это понимаешь, секс становится нужен тебе все меньше и меньше, потому что такого состояния ума можно будет достичь и без него. И это то, что называется медитацией. Но и без секса можно достичь такого состояния полной тотальности существа. Как только ты понимаешь, что то же самое может произойти без секса, ты все меньше и меньше будешь нуждаться в нем. И настанет час, когда секс тебе вообще не будет нужен.

Помни, секс — это всегда зависимость от другого. Поэтому в нем сохраняется определенная зависимость. Как только ты смог достичь состояния тотального оргазма, без всякой зависимости от кого бы то ни было, когда источник его находится внутри тебя, тогда ты становишься независимым, тогда ты свободен.

Именно это имеют в виду мистики, когда говорят, что только по-настоящему холостой, одинокий человек может быть свободным, ведь тогда он ни от кого не зависит и его экстаз принадлежит ему одному.

Благодаря медитации секс исчезает, но энергия от этого не разрушается. Энергия вообще никогда не исчезает, изменяется только ее форма. Теперь она уже больше не сексуальная, и, когда сексуальность уходит, ты обретаешь способность любить.

На самом деле, сексуальный человек любить не может. Его любовь может быть только представлением, его любовь — это лишь средство для достижения секса. Сексуальный человек использует любовь только как сексуальную технику. Это средство. Такой человек не может любить по-настоящему, он способен лишь использовать другого; любовь становится просто способом общения с другим.

Человек, достигший асексуальности и переполненный внутренней энергией, становится самодостаточным, способным на переживание внутреннего экстаза. Это его собственный экстаз. Такой человек впервые почувствует любовь. Он будет делиться ею, отдавать ее другим, она бесконечным потоком будет литься из него. Но чтобы этого достичь, ты не должен отказываться от секса. Чтобы стать таким, ты должен принять секс как часть жизни — нормальной, естественной жизни. Иди по жизни, помня об этом, просто пусть у тебя при этом будет чуть больше осознания.

? Все эти разговоры о трансформации секса великолепны. Но когда я заглядываю внутрь себя, то вижу, что, по правде говоря, мне скучно с моей женой и я боюсь женщин. Наверное, мне сначала нужно заняться этим. Что лежит в основе этого страха?

Все мужчины боятся женщин, и все женщины боятся мужчин. У них есть веские причины не доверять друг другу, ведь с ранних лет их учили быть врагами. Они не были рождены врагами, но вражда между ними существует. И после того как на протяжении двадцати лет их учат бояться друг друга, потом

вдруг оказывается, что им нужно вступать в брак и полностью довериться друг другу. Бояться друг друга тебя учат целых двадцать лет из семидесяти-восьмидесяти лет жизни, и это самые чувствительные и нежные годы!

Психологи говорят, что пятьдесят процентов всего, чему мы учимся за всю жизнь, мы узнаем в первые семь лет. За остальное время мы усваиваем еще пятьдесят процентов. А половину мы узнаем к семи годам. К тому времени, когда тебе исполняется двадцать, ты уже выучил восемьдесят процентов. Ты костенеешь, застываешь. Тебя научили не доверять. Мальчикам говорят: «Избегай девочек, они опасны». А девочкам говорят: «Держись подальше от мальчиков, они плохие и могут причинить тебе вред». И как после двадцати лет промывания мозгов можно все это вдруг забыть; все, что тебе постоянно твердили родители, чему учили в школе, в колледже, в университете, в церкви?

Снова и снова возникает вопрос: так много мужчин говорили мне, что они боятся женщин, а женщины говорят, что боятся мужчин. Ты не родился таким перепуганным, изначально в тебе не было этого страха. Ребенок рождается совершенно бесстрашным. А потом мы учим его бояться, мы программируем его сознание.

От этого следует отказаться, это просто делает из людей психов. И тогда люди начинают сражаться: мужа и жены вечно воюют друг с другом и потом еще удивляются, почему они никак не могут остановить свои войны и почему их отношения портятся. Почему это происходит? Тебя отравили, и ты сознательно должен отказаться от этих установок. Иначе твой страх никуда не денется.

В мужчине или женщине нет ничего, чего следовало бы бояться. Они такие же, как и ты; им, как и тебе, нужна любовь; они тоже, как и ты, очень хотят протянуть тебе руку. Они хотят участвовать в твоей жизни, хотят, чтобы другие принимали участие в них, ведь чем больше людей разделяют друг с другом свои жизни, тем больше на свете становится радости. Люди

выглядят такими подавленными. Они стали очень одиноки. Даже в толпе люди одиноки, ведь все друг друга боятся. Даже если люди сидят рядом, они так себя сдерживают, что все их существо деревенеет. Они покрыты твердым панцирем, их прикрывает броня, поэтому, даже когда они встречаются, настоящей встречи не происходит. Люди держат друг друга за руки, но руки эти холодные и любовь между ними не струится. Да, они обнимают друг друга, стучат друг о друга костями, но сердца их остаются далеко.

Люди должны любить — любовь очень нужна, нужна так же, как пища. Пища — это более низменная потребность, любовь — потребность гораздо более высокого порядка.

Психологи проводили исследования среди детей, воспитывавшихся в детских домах, где они были лишены любви. Если детей воспитывать без любви, они могут умереть за каких-то два года. Им дают хорошую еду, их содержат, за ними грамотно ухаживают, но все это механика. Приходит няня, купает их, кормит; ухаживают за ними как следует, но простой человеческой любви они не видят. Няня не обнимет их, не прижмет их к своей груди, не поделится с ребенком своим теплом. Тепла они не получают. И в течение двух лет многие из этих детей умирают без всякой видимой причины. Физически они совершенно здоровы, их организм функционирует нормально; они вроде бы ничем не болели, и вдруг, совершенно непонятно почему, они начинают умирать. А те дети, которые остались в живых, оказались в гораздо большей беде, чем те, кто умер. Умершие оказались в каком-то смысле умнее. А те, кто выжили, становятся психами и шизофрениками, ведь они не получили никакой любви. Любовь делает тебя единым целым. Она похожа на клей — она склеивает тебя. А они начинают распадаться на кусочки. Нет ничего, что удерживало бы их от распада, нет никакого представления о жизни, нет опыта любви — ничего нет. Их жизнь кажется бессмысленной, многие из них становятся неврастениками, многие превращаются в преступников.

Любовь делает человека творцом; если ее нет, человек будет разрушителем. Если бы мама Адольфа Гитлера чуть больше его любила, мир был бы совершенно другим.

Когда нет любви, человек забывает язык творчества, становится разрушителем; так появляются преступники и политики. Это один и тот же тип людей — между ними нет никакой разницы, никакой качественной разницы. У них разные лица, разные маски, но в глубине души все они преступники. По существу, ты учишь историю человеческих преступлений и больше ничего. Настоящей истории тебе еще не преподавали, поскольку в настоящей истории должны быть Будда, Христос и Лао-цзы. Существует совершенно иная история человечества, и ее не преподают в школах. История записывает в свои архивы только преступления, она запоминает только разрушение. Если ты на улице кого-то убьешь, то твое имя окажется в газетах, а если ты кому-то подаришь розу, то о тебе никто и не вспомнит. Никто не узнает об этом.

Если в детстве человеку не хватало любви, то он станет или политиком, или преступником, может, сойдет с ума или найдет какой-то другой способ разрушения, ведь он не знает, как созидать. Его жизнь будет бессмысленна, он не будет ощущать никакой ее значимости. Он может чувствовать себя обреченным, ведь если тебя никто не любил, ты не можешь почувствовать свою значимость. Ты обретаешь ее, когда тебя кто-то любит. Ты вдруг чувствуешь, что нужен кому-то, что этот мир без тебя будет чуточку меньше. Когда тебя любит женщина, ты знаешь, что, если тебя не станет, кому-то от этого будет плохо. Когда тебя любит мужчина, ты знаешь, что чью-то жизнь ты делаешь счастливой, и от этого у тебя внутри рождается большая радость.

Радость возникает лишь тогда, когда даришь радость другим; по-другому не бывает. Чем большее количество людей ты можешь сделать счастливыми, тем более счастлив будешь сам. Это истинное значение служения. Вот что по-настоящему значит быть религиозным: помогай людям стать счастливыми,

помогай им стать чуточку добрее, научи их любить. Сделай для мира что-то красивое, создай немного радости, построй небольшой уголок, где люди могли бы собираться, петь и танцевать, — и ты будешь счастлив. Твоя награда будет безмерной. Но тот, кого никогда не любили, ничего об этом не знает.

Поэтому дети, которые выжили, но выросли без любви, оказываются очень опасными людьми. Любовь — это жизненно важная потребность; это пища для души. Пища нужна телу, но и душе она тоже нужна. Тело живет пищей материальной, а душа — духовной. Любовь — это духовная пища, духовная подпитка.

В более совершенном мире, как я его себе представляю, детей будут учить любить друг друга. Мальчиков и девочек не будут держать отдельно. Нельзя создавать никакого разделения и отторжения. Почему это отторжение возникло? Потому что очень боялись секса. Секс не принимали, вот в чем проблема. И поскольку секс вызывал отторжение, детей нужно было держать отдельно. Человечество и дальше будет страдать, если не примет секс как естественное явление. Все проблемы отношений мужчин и женщин возникают оттого, что секс осуждается.

Это осуждение должно уйти в прошлое, и сейчас это можно сделать. Я могу понять, что раньше были на то свои причины. Например, если девушка беременела, то могли возникнуть проблемы. Этого очень боялись родители, общество; люди жили в страхе. Мальчиков и девочек следовало воспитывать отдельно; между ними нужно было возводить высокие стены. А потом в один прекрасный день, через двадцать лет ты вдруг открываешь двери и говоришь: «Она не враг тебе, она твоя жена. Люби ее! Он не твой враг, он твой муж. Люби его!» А как же те двадцать лет, когда он был врагом и его нужно было бояться? Ты так легко и свободно можешь забыть все эти годы? Нет, у тебя не выйдет. Они будут тянуться за тобой шлейфом, они будут давить на тебя всю твою жизнь.

Но теперь в этом нет необходимости. По моему мнению, величайшей революцией в истории человечества стало изобретение противозачаточных средств. С ними не сравнятся ни Ленин, ни Мао Цзедун; самый великий революционер — это противозачаточная пиллюля. Она может создать совершенно другой мир, потому что можно больше не бояться; теперь в этом нет никакой нужды. Секс осуждали, потому что боялись беременности. Теперь его незачем осуждать, его можно принять.

Я понимаю, в прошлом все боялись. Я могу простить людей, живших в прошлом: они были бессильны. Но теперь тебе нет прощения, ведь ты учишь своих детей обособленности и настраиваешь их друг против друга. Не нужно этого делать. Теперь мальчики и девочки могут встречаться, общаться, проводить вместе время и можно забыть все страхи, связанные с сексом.

И вся красота в том, что секс стал настолько важным именно из-за того, что его боялись и осуждали, его отрицали: иначе бы он не приобрел такого значения. Попробуй понять простой закон психологии: если ты что-то слишком рьяно отрицаешь, оно приобретает исключительную важность. Сам факт отрицания делает это важным. Не заикливайся на этом. Теперь, когда мальчиков и девочек целых восемнадцать-двадцать лет воспитывают раздельно, все их мысли заняты друг другом. Они думают только о своих отношениях и ни о чем другом думать не в состоянии. Их головы забиты только этим. Тому виной многие годы асексуального воспитания, так и появляются разные виды извращений. Люди начинают жить в мире фантазий, распространяется порнография, и все это происходит из-за тех глупостей, которые натворили, осудив секс.

А теперь ты хочешь, чтобы порнографии не стало? Это невозможно. Ты создаешь почву для ее распространения. Если бы мальчики и девочки могли быть вместе, то кому пришлось бы в голову рассматривать картинки с голыми людьми?

Попробуй съездить в какое-нибудь туземное племя, где люди ходят обнаженными, и покажи им журнал «Плейбой». Они просто рассмеются! Я жил с такими людьми, разговаривал с ними, и все они смеялись. Они не могли в это поверить: «Что за ерунда?» Они всегда ходят нагишом и поэтому знают, как выглядит женщина и как — мужчина.

Порнографию создали твои священники; они — главная ее причина, и всевозможные извращения появляются потому, что если ты не можешь в реальной жизни встретиться со своей противоположностью, тяга к которой совершенно естественна, то начинаешь фантазировать. И тогда возникает еще большая проблема: годы уходят на мечты и фантазии, а когда ты встречаешь реальную женщину, то она совершенно не соответствует твоим ожиданиям, и все из-за этих фантазий! Ты был совершенно свободен в своих фантазиях, а теперь уже ни одна реальная женщина тебя не устроит. Ведь из-за твоих фантазий и мечтаний у тебя в голове сформировались про женщин такие представления, которым не сможет соответствовать ни одна из них.

И про мужчин ты сочинила такое, на что не способен ни один мужчина. Вот отсюда и разочарование. Отсюда горечь сожаления, которая возникает в отношениях супругов. Мужчина чувствует себя обманутым: «Это не та женщина, которую я надеялся встретить». Он думал, мечтал, и у него была полная свобода придумать в мечтах все, что ему хочется. А эта женщина в сравнении с его фантазиями выглядит очень жалко.

Ведь правда же, в твоих фантазиях женщины не потеют? Они с тобой не ссорятся, не пилят тебя. Они такие замечательные, просто благоухающие цветы, и при этом всегда остаются молодыми. Они никогда не стареют и никогда не сердятся. Ведь это ты их создал, и если ты хочешь, чтобы они смеялись, — они будут смеяться. Их тела как будто созданы в иных мирах.

Но когда ты встречаешь реальную женщину, она потеет, у нее может плохо пахнуть изо рта, и совершенно естественно,

что иногда она сердится. А еще она тебя пилит, даже дерется, она бросается подушками и ломает вещи. Кроме того, она много чего тебе не позволяет. Она начнет прибираться к рукам твою свободу. А женщина из твоих фантазий никогда на твою свободу не покушалась. И теперь эта реальная женщина как ловушка какая-то. К тому же она не настолько красива, как ты себе это представлял; она далеко не Клеопатра. Это обычная женщина, так же, как ты — обычный мужчина. Ни ты не соответствуешь ее ожиданиям, ни она твоим. Но никто и не обязан удовлетворять твои фантазии! Все мы обычные люди. Просто твои фантазии рождены многолетним голодом, и теперь это создает проблемы для твоей будущей жизни.

Ты должен забыть о своих фантазиях. Тебе нужно научиться жить в реальном мире. Научиться видеть необычное в обычном, а это большое искусство. Женщина — это не просто ее кожа, не только ее лицо или пропорции ее тела. У женщины есть душа! Ты должен сблизиться с ней, участвовать в ее жизни, соприкоснуться с ее внутренним миром. Ты должен встретиться и слиться с ее энергиями. Люди не знают, как встречаться и как сливаться, их никогда этому не учили. Тебя не обучали искусству любви, но все думают, что им известно, что такое любовь. Ты этого не знаешь. Ты приходишь только с возможностью любви, но не с искусством любви.

Когда ты родился, у тебя была способность к обучению языку, но сам язык тебе нужно было выучить. Здесь все то же самое, ты родился со способностью любить, но искусства любви тебе при рождении не дали. Ему нужно учиться, его нужно осваивать.

Но все происходит как раз наоборот: тебя учат искусству страха, а не любви. Тебя учат, как ненавидеть людей. Христиан учат ненавидеть мусульман. Мусульман учат ненавидеть иудеев, а индусов учат ненавидеть пакистанцев. Ненависти учат разными способами. Мужчин учат бояться женщин, а женщин — бояться мужчин. И когда в один прекрасный день ты вдруг решаешь жениться, то ты женишься на своем враге!

И тогда начинается вся эта суматоха; жизнь превращается в суицид.

Если тебе надоела твоя жена, то это потому, что ты не знаешь, как проникнуть в ее душу. Может, ты способен проникать в ее тело, но это очень быстро надоест, так как все время будет повторяться одно и то же. Тело — это очень поверхностная вещь. Раз, два или три ты можешь заняться с телом любовью, а потом ты хорошо изучишь и тело, и все его очертания. И уже ничего нового не будет. Тогда ты станешь интересоваться другими женщинами: ты думаешь, что у них наверняка есть то, чего нет у твоей жены, — по крайней мере, ты можешь вообразить себе, что под одеждой у них что-то другое. Ты по-прежнему можешь фантазировать об этих женщинах.

Одежду придумали для того, чтобы поддерживать твое сексуальное желание. Голая женщина не оставляет простора для твоих фантазий. Вот почему голые женщины не столь привлекательны, впрочем, как и голые мужчины. Но когда женщина или мужчина спрятаны под одеждой, то места для фантазий предостаточно. Ты можешь представить, что же там под одеждой прячется, ты все снова можешь нарисовать в своем воображении.

Правда, о своей жене ты фантазировать не сможешь; вот в чем проблема. Можно представлять себе жену соседа, она выглядит такой привлекательной...

Людям надоест их жены и мужья, и все это потому, что они не смогли войти в соприкосновение с душой своего супруга. Они смогли найти контакт с телом, но упустили ту связь, которая происходит на уровне сердец, душа к душе, центр к центру. Когда вы понимаете, как соприкоснуться с другим человеком душа к душе, когда вы становитесь близкими друзьями, всякая скука исчезает. Тогда тебя всегда будут ждать открытия чего-то нового в другом человеке, потому что каждый человек — это бесконечность и это познание бесконечно.

Поэтому я говорю, что Тантра должна стать обязательной частью обучения всех людей. Ее нужно преподавать в каждой

школе, в каждом колледже и каждом университете. Тантра — это наука о соприкосновении душ, о том, как дойти до самых глубин существа другого человека. Только в мире, которому известно искусство Тантры, исчезнет скука; иначе ее никак не истребишь. Можно с нею смириться, можно от нее страдать, можно стать мучеником. Именно так вели себя люди в прошлом — они были мучениками. Они говорили: «Что делать? Это судьба. Может быть, в следующей жизни мы выберем какую-то другую женщину или другого мужчину, но сейчас возможность упущена и поделаться ничем нельзя. Уже есть дети, у нас тысяча и одна проблема, престиж, общество, респектабельность...» Поэтому они страдали и оставались мучениками.

Теперь люди больше не готовы страдать, они бросились в другую крайность. Сейчас они занимаются всевозможными видами секса, меняют партнеров, но это тоже не приносит им удовлетворения. Никто не удовлетворен, ведь самое главное заключается в том, что, пока ты не сможешь раскрыть тайну, скрытую в твоей женщине или в твоём мужчине, ты рано или поздно пресытишься, заскучаешь. Тогда ты или становишься мучеником и остаешься им, страдаешь от этого и освобождения ждешь от смерти, или начинаешь переключаться на других партнеров. Но что бы ты ни делал с этой женщиной или с этим мужчиной, то же самое будет и со следующими, потом ты пресытишься ими, потом следующими, и вся твоя жизнь превратится в непрерывную смену партнеров. Но и это тебя не удовлетворит.

Пока ты не научишься тайному искусству Тантры. Тантра — это одна из важнейших тайн, когда-либо открытых. Но она очень деликатна, потому что это величайшее искусство. Рисовать — это легко, писать стихи — тоже, но создать союз двух энергий, живой союз — это самое трудное из искусств.

Тантра может научить человека любить, любить так глубоко, что сама любовь становится твоей религией — твоя женщина вдруг исчезает, и ты обретаешь Бога; исчезает твой мужчина, и там ты находишь Бога; однажды исчезаете вы оба;

в глубинном соединении, в опыте оргазма, в этом экстазе на мгновение вас вдруг не станет, а будет только Бог и ничего больше.

Веками тебя настраивали против секса, и поэтому ты стал настолько сексуальным. Этот парадокс нужно понять. Если ты хочешь в этом разобраться, то нужно очень глубоко и четко усвоить, в чем тут дело: сексуальным тебя сделало осуждение секса.

Мне как-то рассказали о том, как Дж. П. Морган пришел в гости к Дуайту Морроу*. Знаменитый американский финансист, кроме прочего, славился своим огромным, невообразимо уродливым красным носом.

— Анна, запомни, — твердила своей дочери миссис Морроу, — о носе мистера Моргана ты не должна обмолвиться ни словом. Да, и не стоит на него слишком пристально смотреть.

Анна пообещала, но, когда Морган пришел, ее мать все время смотрела на нее и напряженно чего-то ждала. Анна вела себя примерно, но миссис Морроу все не могла расслабиться. С очаровательной улыбкой повернувшись к финансисту, она собралась налить ему чаю и произнесла:

— Мистер Морган, сколько кусочков сахара вам положить в нос?

То же самое произошло и со всем человечеством: подавляемый секс превратился в манию.

Люди думают, что я учу сексуальности. Нет, я учу трансцендентальности. Интерес к сексу — это патологический интерес, созданный подавлением. Как только исчезнет это подавление, исчезнет и интерес. Тогда останется естественное чувство, не патологическое и не маниакальное. Все, что естественно, то хорошо; а такой интерес к сексу, который есть сейчас, неестествен. Проблема в том, что этот неестественный

* Морроу, Дуайт Уитни (1873–1931) — юрист, банкир и дипломат. С 1914 партнер в банкирском доме Морганов. С 1914 по 1930 занимал ряд правительственных и дипломатических постов. — *Прим. перев.*

интерес создан священниками, политиками, так называемыми моралистами. Все они преступники. Они продолжают этот интерес культивировать и думают, что помогают человечеству его преодолеть. Но это совсем не так! Именно они и создают всю эту неразбериху.

Если ты понимаешь секс правильно, то будешь удивлен тем опытом, который тебе доведется пережить. Вскоре тебе откроется, что секс стал естественным явлением.

И наконец, по мере углубления ваших медитаций, по мере того, как вы все глубже и глубже будете погружаться в души друг друга, телесный контакт будет все менее необходим. И настанет момент, когда сексуальность уже не понадобится, все совершенно изменится. Энергия потечет вверх. Она всегда одна и та же, в самом низшем своем проявлении это — секс, ее высший уровень — *самадхи*, состояние вне рамок сознания.

Верблюд, лев и ребенок: путь становления человеком

Человек не рождается совершенным. Он появляется на свет несформировавшимся, его рождение — это процесс. Он рождается в пути, как странник. В этом его мука, но и его экстаз тоже. Мука, потому что он не может отдохнуть, ему нужно идти вперед, всегда вперед. Он должен пробовать, искать, исследовать. Он должен *становиться*, ведь его сущность проявляется только через становление. Становление и есть его сущность. Он может пребывать лишь в движении.

Эволюция присуща человеческой природе, эволюция — это сама душа. И те, кто воспринимают себя такими, как они есть, останавливаются, остаются нереализованными. Те, кто думают, что они рождены совершенными, перекрывают свое развитие. Семя остается семенем. Оно никогда не вырастает в дерево, никогда не узнает радостей весны, солнца и дождя, радости цветения миллионом цветов.

Такое цветение и есть осуществление, именно оно и есть смысл всего Мироздания — когда распускается миллион цветов. Когда потенциал становится реальностью, лишь тогда человек реализовался. Человек рождается как возможность — и это присуще только людям. Все другие животные рождаются совершенными, они появляются на свет такими же, какими и умрут. Между их рождением и смертью не происходит никакой эволюции. Они двигаются по кругу и никогда не претерпевают никакой трансформации. В их жизни никогда не происходит никаких радикальных изменений. Они двигаются по горизонтали, и их никогда не коснется вертикаль.

Если же человек будет двигаться по горизонтали, то упустит свое существование, он не обретет душу. Душой ты становишься, когда внутрь тебя проникает вертикаль. Душа — это когда вертикаль пронизывает горизонталь. Для примера можно представить себе гусеницу, кокон и бабочку.

Человек рождается личинкой. К сожалению, многие так и умирают в этом состоянии, и очень немногие становятся гусеницами. Личинка статична, движение ей неизвестно. Она лежит на одном месте, не двигается, не развивается. Мало кто из людей превращается в гусеницу.

Гусеница уже начинает двигаться; появляется какая-то динамика. Личинка статична, а гусеница двигается. С движением начинает шевелиться и жизнь. Но опять-таки многие остаются гусеницами: они продолжают ползать по горизонтали, на одном уровне, в одном измерении. Изредка такой человек, как Будда, Руми, Иисус или Кабир, совершает качественный скачок и превращается в бабочку. Тогда появляется вертикаль.

Личинка неподвижна; гусеница ползает, ей известно движение; а бабочка летает, она знает, что такое высота, она начинает подниматься вверх. У бабочки вырастают крылья. Именно они и есть твоя цель. Если у тебя не вырастут крылья, если ты не станешь «окрыленным», то и души у тебя не будет.

Истина проявляется при помощи трех состояний: усвоение, независимость и творчество. Запомни эти три слова, в них много смысла. Усвоение — это то, чем занимается личинка. Она просто поглощает еду, готовится стать гусеницей. Это подготовка, накопление. Когда энергии достаточно, она превращается в гусеницу. Перед тем как начать движение, вам нужно будет много энергии. Гусеница — это результат усвоения, работа сделана.

Теперь начинается следующий этап: независимость. Личинки уже нет. Уже не нужно оставаться на одном месте. Настало время исследовать, пришла пора путешествий. Настоящая жизнь начинается с движения, с независимости. Личинка остается зависимой, это пленник в кандалах. Гусеница от них уже освободилась, она начала двигаться. Лед растаял, он уже больше не твердый. Личинка — это состояние замерзания; а гусеница — движение, подобное реке.

Потом приходит черед третьего этапа, творчества. Сама по себе независимость многого не стоит. Просто быть независимым — это еще не значит, что ты состоялся. Хорошо, что ты не в тюрьме, но для чего тебе это? Ради чего вся эта независимость? Ради чего свобода?

Помни, у свободы есть два проявления: первое — это свобода «от», а второе — свобода «для». Многие люди придерживаются только первого вида свободы, свободы «от» — от родителей, от церкви, от разных организаций; они свободны от этого, от того, свободны от всех ограничений. Но для чего им это? Свобода «от» — это свобода со знаком «минус». Если тебе введом только свобода «от», то ты не знаешь настоящей свободы; ты узнал только ее негативную сторону. Нужно узнать еще и позитивную — свободу творить, быть, выражаться, петь свои песни, танцевать танцы. Это и есть третье состояние: творчество.

Тогда гусеница обретает крылья, она может летать, собирая нектар, она исследует, открывает, изучает, создает. Вот откуда красота бабочки. Только творческие люди прекрасны,

поскольку лишь им известна красота жизни — у них есть глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и сердца, чтобы чувствовать. Они полны жизни и живут на максимальных оборотах. Они зажигают свой факел с двух сторон. Они живут наполненной до краев, насыщенной жизнью.

Тут можно использовать метафору, которую упоминал Ницше. Он говорил, что жизнь человека можно разделить на три последовательные стадии развития духа. Первую он называет стадией верблюда, вторую — стадией льва, а третью — стадией ребенка. Это очень емкая метафора — верблюд, лев и ребенок.

Каждый человек должен усвоить наследие своего общества — его культуру, религию, обычаи. Он должен усвоить все, что было накоплено в прошлом. Он должен усвоить это прошлое; это то, что Ницше назвал стадией верблюда. Верблюд обладает способностью запасать в своем теле огромное количество еды и воды для своих тяжелых переходов через пустыню.

Человек находится в той же ситуации: ты должен пересечь пустыню, должен усвоить все прошлое. И помни, простое запоминание здесь не поможет; нужно все *усвоить*. Также помни, что человек, запоминающий прошлое, помнит его лишь потому, что не в состоянии его усвоить. Если ты усваиваешь прошлое, ты от него освобождаешься. Ты можешь его использовать, но оно не может использовать *тебя*. Ты владеешь им, а оно не владеет тобой.

Когда ты усвоил пищу, тебе не нужно о ней помнить. Она не существует отдельно от тебя: она стала твоей кровью, твоими костями, твоим нутром, она стала тобой. Прошлое нужно переварить. В нем нет ничего плохого. Это *твое* прошлое. Тебе не нужно начинать с букваря, ведь если бы каждому человеку приходилось начинать с этого, то никакой эволюции не случилось бы. Поэтому животные не развиваются. Собака осталась почти такой же, как и миллион лет назад. Только человек — животное эволюционирующее. Откуда взялась эта эволюция? Она появилась потому, что человек — единственное

животное, способное усваивать прошлое. Как только прошлое усвоено, ты от него освобождаешься. Ты можешь свободно двигаться, и ты можешь его использовать.

Ты можешь стоять на плечах своих отцов и дедов, на плечах их дедов и отцов. Каждое поколение становится на плечи поколений своих предков, отсюда и высота, до которой дорос человек. Собаки на такое не способны и волки тоже; они зависят только от самих себя. Их высота — это их высота. А на твоей высоте усвоены Будда, Иисус Христос, Патанджали, Моисей и Лао-цзы. Чем больше степень усвоения, тем выше ты стоишь. Ты можешь бросить взгляд с горной вершины, и перед тобой откроются широкие просторы.

Усваивай побольше. Не нужно ограничиваться опытом своего собственного народа. Усваивай прошлое всех народов на свете; будь гражданином планеты Земля. Не нужно ограничивать себя христианством, индуизмом или исламом. Усваивай все! Коран — твой, и Библия тоже, и Талмуд, и *Веды* и *Даодэ-цзин*. Все это принадлежит тебе. Усваивай все, и чем больше в тебя войдет, тем выше будет вершина, на которую ты взберешься и посмотришь с нее вдаль; далекие земли и неведомые берега — все станет твоим.

Все это Ницше называл стадией верблюда. Но не останавливайся на этом. Нужно идти дальше. Верблюд — это личинка, он вечно делает запасы. Если ты застрянешь на этой стадии, то навсегда останешься верблюдом и не узнаешь красоты и счастья жизни. Тогда ты никогда не познаешь Божественного. Ты застрянешь в прошлом.

Верблюд может усвоить прошлое, но не способен его использовать. Приходит время, когда верблюд должен стать львом. Ницше говорит: «Лев приходит, чтобы растерзать огромного монстра по имени «Не-убий-не-укради-не-пожелай». Лев внутри тебя с ревом восстает против всех авторитетов.

Лев — это реакция, восстание против верблюда. Теперь ты начинаешь открывать свой собственный внутренний свет как

наивысший источник всех истинных ценностей. Ты осознаешь свою самую главную обязанность: развитие своей внутренней творческой силы, раскрытие своего самого потаенного, глубинного потенциала.

Некоторые так и остаются львами: они все рычат и рычат, и в конце концов падают от своего рева без сил. Львом быть хорошо, но нужно, чтобы человек сделал еще один прыжок, и это — превращение в ребенка.

Ну конечно же, каждый из вас был ребенком. Но знающие люди говорят, что первое детство — не настоящее. Это как первые зубы — выглядят похоже, но в конечном счете от них никакого проку: они должны выпасть. И тогда уже вырастают зубы постоянные. Первое детство ненастоящее, истинное детство — это второе детство. Оно называется *стадия ребенка*, или *стадия мудреца*, что то же самое. Пока ты не станешь совершенно невинным, свободным от прошлого, причем настолько, что даже не будешь против него... Запомни, тот, кто все еще против своего прошлого, не свободен по-настоящему. Он все еще полон недовольства, жалоб, его раны не зажили. Верблюд все еще не дает ему покоя; его тень неотступно следует за ним. Лев тоже здесь, но он все же немного боится верблюда, боится, что тот может вернуться. Когда полностью рассеивается страх перед верблюдом, то рычание льва затихает. Тогда рождается крик младенца.

Состояние верблюда — это состояние усвоения. Верблюд не знает, как сказать «нет». Подчинение, вера — все это характерные особенности стадии, которая называется верблюдом. Адам был в этом состоянии до того, как съел плод с Древа познания, и каждый человек проходит через эту стадию развития.

Это этап, который можно назвать «пред-ум» и «пред-«я»». Ума еще нет. Он развивается, но это еще не сформировавшееся явление; он очень бесформенный, неясный, смутный, расплывчатый. «Я» уже вот-вот должно появиться, но оно все еще в пути; для него нет четких определений. Ребенок еще

не осознает себя отдельной сущностью. Адам, до того как он съел запретный плод, был частью Божественного. Он был невинным, как младенец, послушным, говорил только «да», но он не был независимым. Двери к независимости открываются словом «нет»; двери, открываемые «да», ведут лишь к зависимости. Поэтому на стадии верблюда существует зависимость и беспомощность. Другой важнее, чем твое собственное существо: Бог важнее, отец важнее, мать, общество. И священник важнее, и политик. Важны все, кроме тебя; другой важен, а тебя там все еще нет. Это совершенно бессознательное состояние. Большинство людей застряли на этой стадии развития; они остаются верблюдами. Почти девяносто девять процентов людей проживают верблюдами всю свою жизнь.

И это очень печально: девяносто девять процентов так и остаются верблюдами, личинками. Вот почему на свете так много страданий и нет радости. Ты можешь отправиться на ее поиски, но не найдешь ее, ведь радость нельзя взять у других. Пока ты не превратишься в ребенка, пока не достигнешь третьей стадии развития, пока не станешь бабочкой, ты не сможешь узнать, что такое радость. Это не что-то приходящее к тебе из внешнего мира, это видение, которое растет внутри тебя. Это возможно лишь на третьей стадии.

Первая полна страданий, на третьей тебя ждет блаженство, а между ними лежит состояние льва, которое иногда печально, а иногда счастливо, иногда болезненно, а иногда приятно.

На стадии верблюда ты попугай. Ты просто воспоминания, и ничего больше. Все твое понимание состоит из верований, переданных тебе другими людьми. Именно здесь ты обнаружишь христиан и мусульман, индуистов, джайнов и буддистов. Пойди в церковь, храм или мечеть, и ты наткнешься на большие сборища верблюдов. Ты не найдешь ни одного человеческого существа. Они беспрестанно повторяют за другими, как попугаи. Они еще не выбрались из состояния бессознательности, еще не пробудились ото сна.

И помни, я не говорю, что эта стадия не нужна, — конечно же, нужна, но, как только она завершается, человек должен выскочить из этого состояния. Он не для того явился на свет, чтобы навеки остаться верблюдом.

И не гневайся на своих родителей, учителей, священников, не ругай общество, ведь они должны создать в тебе видимость подчинения, только так ты будешь способен усваивать. Отец должен учить, мать должна учить, а ребенок обязан просто впитывать. Если раньше времени возникает сомнение, процесс усвоения прекратится.

Просто представьте себе ребенка в материнской утробе, которого вдруг охватывает сомнение. Он погибнет! Он начинает сомневаться, принимать ли ему от этой женщины пищу или нет; достаточно ли питательна эта еда: «Кто знает, а вдруг она отравлена?» Он не знает, спать ли ему двадцать четыре часа в сутки или нет, ведь это слишком — непрерывно, круглосуточно спать целых девять месяцев. Если у ребенка вдруг возникнет хоть малейшее сомнение, он тут же погибнет.

И все же наступает день, когда сомнение должно родиться, ему следует научиться. У всего есть своя причина. На первом этапе каждый человек должен быть верблюдом, ему положено говорить «да», верить в то, что ему говорят, усваивать, переваривать. Но это только начало пути, а совсем не его завершение.

Вторая стадия трудна. Первую стадию дает тебе общество; вот почему на свете живут миллионы верблюдов и очень мало львов. Общество оставляет тебя, когда ты становишься безупречным верблюдом. А дальше оно ничего не может для тебя сделать. Именно здесь — в школе, в колледже, в университете — работа общества заканчивается. Тебя отпускают, когда ты становишься идеальным верблюдом... с дипломом!

А львом тебе придется становиться самому, запомни это. Если ты не решишься стать львом, ты им никогда не станешь. Этот риск должен взять на себя сам человек. Это азартная игра. И к тому же это очень опасно, ведь, становясь львом,

ты будешь раздражать всех верблюдов, которые живут рядом с тобой. Верблюды — миролюбивые создания, они всегда готовы идти на компромисс. Они не хотят, чтобы нарушали их покой, не желают, чтобы в мире происходило что-то новое, ведь все новшества — это обязательно беспокойство. Они против революционеров и бунтарей и не готовы воспринимать великие идеи, будь то Сократ или Иисус Христос, — ведь они несут большие преобразования. Ты удивишься, насколько незначительных мелочей боятся верблюды.

Львы никому не нужны. Общество создает для них всевозможные трудности. Верблюды боятся этих людей. Они нарушают их покой, мешают спать, они создают проблемы. И самая большая из них в том, что львы рожают у верблюдов желание тоже стать львами.

Первая стадия, состояние верблюда, дается обществом. Вторая стадия достигается самим человеком. И когда ты ее достигаешь, то становишься неповторимой индивидуальностью. Ты больше не конформист, ты больше не принадлежишь традиции. Ты выбрался из кокона и стал гусеницей, начал двигаться.

Состояние льва можно охарактеризовать так: независимость, способность сказать «нет», непокорность, бунт против других, против авторитетов, против догм, священных писаний, церкви, против политической власти и государства. Лев выступает против всего! Он хочет все стереть с лица земли и заново создать весь мир, который был бы ближе к желаниям его сердца. У него в голове много великих и утопических идей. Верблюдам он кажется сумасшедшим, но они живут в прошлом, а лев начинает жить в будущем.

И возникает огромная пропасть. Лев предвещает будущее, а оно может прийти, лишь когда разрушено прошлое. Новое может родиться, только если старое прекращает свое существование и создает пространство для нового. Старое должно умереть, чтобы могло существовать новое. Поэтому между львами и верблюдами идет беспрестанная борьба, а верблю-

дов — большинство. Львы встречаются время от времени, но они — исключение, а исключения, как известно, подтверждают правило.

Их можно определить по неверию и сомнению. Адам ест плод с Древа познания, и рождается разум, формируется «я» как феномен. Верблюд не эгоистичен, а лев — крайне эгоистичен. Верблюд ничего не знает об эго, а лев только эго и знает. Вот почему всегда оказывается, что революционеры, люди бунтарского духа — поэты, художники, музыканты, очень эгоистичны. Это богема. Они живут своей жизнью, делают свое дело. Им совершенно наплевать на других. Пусть все остальные катятся ко всем чертям! Они больше не являются частью какой-либо структуры, они освобождаются от всякой зависимости. Процесс движения — рычание льва — непременно эгоистичен. Чтобы решиться на это, ему необходимо сильное эго.

До того как индивидуум сможет отбросить свое эго, он должен ему научиться. Каждый человек должен выйти на высокий уровень кристаллизации эго; лишь тогда можно отказаться от любой помощи, иначе — нет.

Первая стадия, состояние верблюда, — бессознательна. Вторая, состояние льва, подсознательна — это чуть более высокий уровень, чем бессознательность. Сюда уже проникают редкие вспышки сознания. Солнце встает, и несколько его лучей освещают темную комнату, в которой ты спишь. Теперь бессознательное уже не совсем бессознательно. В это бессознательное уже что-то примешалось, оно стало подсознательным. Но помни, на этапе перехода от верблюда ко льву изменения не столь существенны, как при переходе от льва к ребенку.

Изменение — это часть системы. Верблюд становится на голову и превращается в льва. Верблюд говорит «да», а лев говорит «нет». Верблюд подчиняется, а лев выказывает неповиновение. Верблюд положителен, лев — негативен. Это можно понять, верблюд так много говорил «да», что, наверное, не признает

существование слова «нет». «Нет» накапливаются и наступает момент, когда они хотят взять реванш у «да». Отвергаемая часть хочет отыграться. Тогда колесо делает полный оборот, верблюд становится с ног на голову и становится львом.

Разница между верблюдом и львом огромна, но они существуют в одной плоскости. Кокон неподвижен, он всегда лежит на одном месте, гусеница начинает двигаться, но по той же земле. Рождается движение, но плоскость остается той же. Первое состояние дается тебе обществом, твое пребывание в шкуре верблюда — это твой подарок обществу. Твое существование в качестве льва — подарок, который ты делаешь самому себе. Пока ты не полюбишь себя, ты не сможешь этого сделать. Пока ты не захочешь стать индивидуальностью, неповторимой, со своими правами, пока ты не рискнешь пойти против течения, ты не сможешь стать львом.

Но если ты понимаешь механизм, то в глубине существа верблюда рождается лев. Я повторю это снова и снова: когда ты говоришь «да» и отказываешься произнести «нет», количество этих «нет» все растет. И однажды настанет день, когда человеку надоедает говорить «да», просто для разнообразия ему хочется сказать «нет». Ему надоедает позитив, его вкус приедается; и для того, чтобы сменить обстановку, человек желает попробовать на вкус слово «нет».

Вот так верблюд впервые начинает видеть сны льва. И как только ты распробовал слово «нет», сомнение и неверие, ты никогда уже не сможешь оставаться верблюдом, потому что состояние льва приносит необычайную свободу и легкость.

Большинство людей застряли на стадии верблюда, а меньшинство — на стадии льва. Большинство — это масса, народ, а меньшинство — это интеллигенция. Артист, поэт, художник, музыкант, мыслитель, философ, революционер — они все застряли на второй стадии развития. Это гораздо лучше, чем быть верблюдом, но путешествие еще не завершено. Они еще не вернулись домой.

Третья стадия — это ребенок.

Послушай внимательно: первое состояние дается тебе обществом, второе человек обретает сам. Третье возможно, только если гусеница мельком увидит бабочку; иначе это невозможно. Как гусеница сможет подумать о том, что она сама может когда-то взлететь, что может стать крылатой? Это невозможно! Никак нельзя это представить. Это абсурдно, алогично. Гусеница умеет ползать, но идея о том, что она может взлететь, просто нелепа.

Я слышал, как бабочка пыталась рассказать гусеницам, что те могут летать, но они возражали. Гусеницы отвечали ей: «Нет. Наверное, это возможно для тебя, но нереально для нас. Ты бабочка, а мы всего лишь гусеницы! Мы умеем только ползать». А тот, кто умеет только это, — как он может представить себе полет? Это иное измерение, совершенно иное, это — вертикаль.

Переход от верблюда ко льву — это эволюция. От льва к ребенку — революция. Первое состояние — верблюда — было зависимостью; второе — независимостью. Но когда человек обретает состояние невинности, то ему становится ясно, что не бывает ни зависимости, ни независимости. Мироздание — это взаимная зависимость, все завязано друг от друга. И всё едино.

Рождается смысл целого: не существует ни меня, ни тебя. Никаких привязок к «да» или «нет». Никто не зацикливается на том, чтобы всегда говорить «да» или всегда говорить «нет». Больше подвижности, спонтанности; не подчинения или покорности, но спонтанности. Рождается ответственность. Человек откликается на Мироздание; не реагирует на прошлое и не воздействует на будущее.

Верблюд живет в прошлом, лев — в будущем.

Ребенок живет настоящим моментом, здесь и сейчас.

Верблюд — это пред-ум, лев — ум, а ребенок — уже после-ум, или не-ум.

Верблюд — это пред-«я», лев — «я», а ребенок — после-«я», или не-«я».

Состояние ребенка никак нельзя описать и определить, это тайна, чудо.

У верблюда есть память, у льва — знание, а у ребенка — мудрость. Верблюд — это или христианин, или индуист, или мусульманин — в общем, приверженец какого-то вероисповедания; лев — атеист; а ребенок обладает религиозностью — он и не верующий, и не атеист, он и не индуист, и не мусульманин, не христианин и не коммунист — у него просто есть религиозность, любовь и невинность.

Вертикаль и горизонталь: путешествие в глубины сейчас

Ум берет начало в прошлом; сознание никогда на прошлое не опирается — оно рождается прямо сейчас. Ум — это время, а сознание — вечность.

От одного мгновения к следующему ум скользит по горизонтальной плоскости. Это похоже на поезд: в нем соединено много вагонов. Прошлое и будущее едут в одном составе, где все вагоны сцеплены по горизонтали. Сознание вертикально; оно не идет из прошлого и не движется в будущее. Прямо сейчас оно отвесно падает в глубину или взлетает ввысь.

В этом смысл распятия Христа, а христиане его совершенно не поняли. Крест — это не что иное, как изображение, символ соединения двух направлений: вертикали и горизонтали. Руки Христа раскинуты по горизонтали. Все его существо, кроме рук, лежит в вертикальной плоскости. В чем здесь смысл? А в том, что движение происходит во времени, существование — вне времени. Руки символизируют действие. Иисус распят с руками, раскинутыми по горизонтали, во времени.

Действие происходит в определенный отрезок времени. Мышление тоже относится к действию, это действие ума. И оно тоже происходит во времени. Интересно вспомнить о том, что

руки — это внешняя, крайняя часть мозга. Это единый орган, разум и руки: голова крепится к рукам. В твоём мозгу есть два полушария: правое управляет левой рукой, а левое — правой. При помощи руки твой разум дотягивается до этого мира, он прикасается к материи, ведь разум — это тоже невидимая форма материи.

Любое движение, физическое или ментальное, происходит во времени.

А твоё существо вертикально. Оно движется в глубину и взлетает в высоту, но не движется в стороны.

Когда, к примеру, ты выносишь суждение о каком-то явлении, то все более привязываешься к горизонтали, ведь как иначе ты сможешь судить? Для того чтобы составить свое мнение, тебе понадобится прошлое. Сможешь ли ты это сделать, не привлекая прошлого опыта? Как же ты можешь судить? Откуда возьмутся критерии?

Ты говоришь, что вот это лицо прекрасно. Почему ты так решил? Ты что, знаешь, что такое красота? Почему ты думаешь, что это лицо красиво? Ты видел много лиц, слышал, как люди говорили о красоте. Ты читал об этом в романах, видел это в кино; ты составил свое представление о том, что такое красота, опираясь на прошлое. Твое представление довольно размытое, ты не сможешь дать четкого определения. Если кто-то будет настаивать, ты почувствуешь себя в замешательстве. Это очень туманное понятие, вроде облака. Вот ты говоришь: «Это лицо прекрасно». Откуда ты знаешь? Ты привлек свой прошлый опыт, сравнил это лицо со своим расплывчатым представлением о красоте, которое составилось у тебя благодаря множеству чужих мнений.

Если же прошлое не трогать, то красота предстанет совершенно в ином свете. Это уже не будет суждение, которое исходит из твоего разума. Оно не будет навязано, не будет интерпретацией. Это просто чувство общности с этим лицом в этом месте и в эту секунду, полная погруженность в тайну, когда человек здесь и сейчас. В это мгновение человек и не

красив, и не уродлив, все суждения исчезают. А есть неизведанная тайна, у которой нет названия и о которой не составлено суждение. И лишь в эту секунду, когда всякие суждения отсутствуют, и расцветает любовь.

С умом любовь невозможна. С ним возможен только секс; еще с ним может быть действие, а сексуальность и есть действие. Любовь — это не действие; это *состояние*, она вертикальна. Когда ты смотришь на человека и *присутствуешь* без всякого суждения, красив он или уродлив, хорош или плох, святой или грешник, — когда ты не судишь, а просто смотришь в его глаза, вдруг происходит *встреча*, слияние энергий. И это слияние прекрасно. Эта красота совершенно отлична от всех красот, которые ты знаешь. Тебе известна красота формы; а тут красота ее отсутствия. Ты знаешь красоту тела; а здесь — красота души. Ты узнал красоту периферии; а здесь красота центра. Это навсегда.

Если это происходит с человеком, тогда то же самое становится все более возможным и с окружающим тебя миром. Ты без всякого суждения смотришь на цветок, и вдруг его сердце раскрывается для тебя; это приглашение. Когда ты не судишь, тебя приглашают. Когда пытаешься составить свое мнение, цветок тоже закрывается, поскольку суждение — враг. В суждении содержится критика, а не любовь. В нем есть логика, и нет любви. Суждение поверхностно, в нем нет глубины. Цветок просто закрывается. А когда я говорю «просто закрывается», то это не метафора, это происходит именно так, как я описываю.

Ты подходишь к дереву, прикасаешься к нему. Если ты касаешься его и при этом выносишь свое суждение, то дерева для тебя не существует. Если ты прикасаешься к нему без какого-либо суждения, просто ощущая его, без всяких мыслей, обнимаешь его и садишься рядом — вдруг самое обыкновенное дерево становится священным деревом «бо». Бесконечное сострадание исходит от дерева и окутывает тебя. Ты погрузишься в него. Дерево поделится с тобой многими секретами.

Так можно проникнуть даже в самое сердце камня. Когда к нему прикасается будда, то это уже не камень. Он оживает; внутри него бьется сердце. Когда ты судишь, даже если ты при этом просто касаешься человека, он превращается в камень, его уже нет в живых. От твоего прикосновения все кругом тускнеет, ведь оно несет в себе суждение, это прикосновение врага, а не друга.

Если это так с обычными вещами, то насколько же более верным это будет, когда ты перейдешь на более высокие уровни бытия и сознания?

Ум всегда или в прошлом, или в будущем. Он не может быть в настоящем, это абсолютно исключено, чтобы ум находился в настоящем моменте. Когда ты пребываешь в настоящем, ума здесь больше нет, ведь ум означает мышление. А как ты можешь мыслить в настоящем? Ты можешь думать о прошлом; оно уже стало частью памяти, и ум может это переварить. Ты можешь думать о будущем, оно еще не настало, и ум может о нем мечтать. Он может делать две вещи: или отправляется в прошлое, где достаточный простор для передвижений — там, в прошлом, места полно, ты можешь там бродить до бесконечности. Или ум может двигаться в будущее — и снова перед тобой открываются громадные, безбрежные просторы; можно воображать, фантазировать, мечтать. Но как твой ум может работать в настоящем? Здесь нет пространства, в котором ум мог бы двигаться.

Настоящее — это просто линия водораздела, и больше ничего. У него нет своего пространства. Оно разделяет прошлое и будущее; это разделительная линия. Ты можешь пребывать в настоящем, но ты не можешь думать; для мышления необходимо пространство. Мыслям нужно место, в этом они похожи на вещи. Запомни это. Мысли — это невидимые вещи, они материальны; это не духовный феномен, ведь духовное измерение начинается только там, где все мысли исчезают. Мысли материальны, хоть и неразличимы, а каждой материальной субстанции необходимо пространство. Ты не можешь

думать в настоящем; как только ты начал думать, настоящее уже стало прошлым.

Ты видишь, как восходит солнце, и говоришь: «Какой прекрасный рассвет!» Это уже прошлое. В момент восхода солнца времени на то, чтобы воскликнуть «Как прекрасно!» нет; ведь когда ты произносишь два слова «Как прекрасно!», этот опыт уже стал прошлым, ум уже знает, что все это отправилось в кладовую памяти. Но именно в момент восхода солнца — как раз тогда, когда оно поднимается над горизонтом, — как ты можешь думать? И о чем ты можешь думать? Ты можешь быть вместе с восходящим солнцем, но думать у тебя не получится. Для тебя там места достаточно, а для твоих мыслей — нет.

В саду растет прекрасный цветок, и ты произносишь: «Какая красивая роза». В тот момент, когда ты это говоришь, ты уже не с розой; она уже в твоей памяти. Когда цветок перед тобой, а ты рядом с ним и вы пребываете в присутствии друг друга, как ты можешь думать? О чем у тебя получится подумать? Как вообще возможен процесс мышления? Для него нет места. Места крайне мало, по большому счету, его почти нет, и поэтому ты и цветок даже не можете существовать как два отдельных объекта, для вас двоих не хватает пространства, существовать может только что-то одно.

Вот почему в полном присутствии ты превращаешься в цветок, а цветок становится тобой. Ты тоже мысль, и цветок — это мысль, рожденная разумом. Когда мышление отсутствует, кто тогда цветок, а кто тот, кто его созерцает? Свидетель становится свидетельствуемым. Внезапно исчезают все границы. Вдруг ты проникаешь в цветок, постигаешь его, а цветок проникает в тебя. Вдруг вас уже не двое, существует единое целое.

Если ты начнешь думать, вас снова станет двое. А если ты не думаешь, куда девается эта раздвоенность? Когда ты просто существуешь вместе с цветком, не думая, происходит беседа, не диалог, а именно беседа. Когда ты вместе со своим любимым, это беседа, а не диалог, ведь вас двоих при этом нет. Когда ты

сидишь рядом с любимым человеком, держишь его руку в своей руке, ты просто существуешь. Ты не думаешь о прошедших днях, не думаешь о том, что тебя ждет в будущем, — ты живешь здесь и сейчас. И это так прекрасно — быть здесь и сейчас, — это такое сильное переживание! Ни одна мысль не может нарушить его. Но вход узок, ворота настоящего очень узки. В них не протиснуться даже вдвоем, войти может только один. В настоящем мышление невозможно, невозможны мечты, ведь это не что иное, как мышление в картинках. Оба эти процесса вещественны, они материальны.

Когда ты находишься в настоящем моменте и при этом не думаешь, ты впервые обретаешь духовность. Открывается новое измерение, и оно называется *осознанием*. Ведь ты не знал этого измерения. Гераклит сказал бы, что ты крепко спишь, ты не обладаешь осознанием. Осознание — это настолько полное пребывание в настоящем моменте, что нет движения в прошлое и в будущее. Всякое движение останавливается. Это не значит, что ты становишься статичным. Начинается новое движение — вглубь.

Есть два вида движения. И в этом состоит смысл креста, на котором был распят Иисус: он показывает эти два вида, перекресток. Первое движение линейно: ты двигаешься по линии от одного объекта к другому, от одной мысли к другой, от одной мечты к следующей. Из пункта А ты двигаешься в пункт Б, из Б — в В, из В — в Г. Такова траектория твоего движения — по линии, по горизонтали. Это движение времени; это движение того, кто крепко спит. Ты можешь перемещаться, подобно челноку, туда-обратно, но линия никуда не девается. Ты можешь выйти из пункта Б в пункт А, можно идти в противоположном направлении, но все это будет линейным. Но есть и другое движение, оно происходит в совершенно ином измерении. Это движение не по горизонтали, а по вертикали. Ты не идешь из пункта А в пункт Б, из Б — в В; ты двигаешься внутри пункта А, в его глубину: от А1 к А2, А3, А4, в глубину или в высоту.

Когда останавливается мышление, начинается новое движение. Теперь ты погружаешься в глубины, это похоже на падение в бездну. Люди, достигшие состояния глубокой медитации, рано или поздно подходят к этому рубежу, и тогда они пугаются, потому что им кажется, будто под ними разверзается бездонная пропасть, они чувствуют головокружение, им становится страшно. Ты хотел бы зацепиться за старое, двигаться как раньше, так как это знакомо; а это похоже на смерть. Вот что значило распятие Христа: это смерть. Переход от горизонтали к вертикали — это смерть; настоящая смерть. Но только с одной стороны; а с другой — это воскресение. Это значит умереть для того, чтобы родиться; это смерть в одном измерении и рождение в другом. На горизонтали ты — Иисус, на вертикали становишься Христом.

Если ты переходишь от одной мысли к другой, ты остаешься в царстве времени. Если же ты погружаешься в мгновение, а не в мысль, то двигаешься по направлению к вечности. Ты не статичен — в этом мире нет ничего статичного и не может быть таковым, но это движение иного толка, движение без причины.

Запомни эти слова: по горизонтальной плоскости ты двигаешься потому, что у тебя есть мотив. Ты должен чего-то достичь: заработать денег, завоевать престиж, получить власть, отыскать Бога — но ты должен чего-то добиться; присутствует мотивация. А мотивированное движение — это сон.

Немотивированное движение означает, что ты достиг осознанности; ты двигаешься потому, что само движение доставляет тебе искреннюю радость, ты двигаешься, поскольку жизнь — это энергия, а энергия — это движение. Ты двигаешься потому, что энергия — это наслаждение, и это единственная причина. Тут нет никакой цели, ты не стремишься чего-то достичь. По существу, ты никуда не идешь, ты вообще не идешь; ты просто получаешь удовольствие от энергии. Вне движения отсутствует всякая цель, поскольку само движение обладает своей собственной присущей ему ценностью, и

никакой внешней ценности у него нет. И Будды тоже живут, и Гераклиты, и я тут перед тобой — живой, дышу, но у меня другой тип движения — оно немотивировано.

Недавно меня спросили: «Почему ты помогаешь людям учиться медитации?»

Я ответил: «Это доставляет мне удовольствие. Здесь нет никаких «почему», я просто наслаждаюсь этим». Так же как кому-то нравится сажать в саду разные растения и потом дожидаться цветов. Когда ты расцветаешь, я получаю удовольствие. Это как садоводство. Когда кто-то расцветает, это истинное наслаждение. И я делюсь. Я не преследую никаких целей. Если у тебя не получится, я не буду расстраиваться. Если ты не расцветешь, то тоже ничего страшного, ведь цветение нельзя ускорить. Нельзя насильно раскрыть бутон — нет, можно, конечно, но так ты его убьешь. Это, может, и будет выглядеть как цветение, но на самом деле цветением не будет.

Весь мир находится в движении, все Мироздание двигается к вечности; разум двигается во времени. Существование двигается в глубину и в высоту, а ум — вперед и назад. Он движется по горизонтали, а это состояние сна. Если бы ты мог двигаться по вертикали, это было бы осознанностью.

Живи моментом. Отдай ему все твое существо. Не позволяй прошлому вмешиваться и не давай наступать будущему. Прошлого больше нет, оно мертво. Иисус сказал: «Пусть мертвые хоронят своих мертвецов». Прошлое ушло! Почему же ты беспокоишься о нем? Почему ты снова и снова пережевываешь его? Ты что, спятил? Его уже нет; оно осталось только у тебя в голове, это только воспоминания. А будущее еще не настало. А что ты делаешь, когда думаешь о будущем? О том, чего еще нет, как ты можешь думать об этом? Какие планы ты можешь строить на будущее? Что бы ты ни придумал, этого не случится, и тогда ты будешь разочарован, ведь у Мироздания свои планы. Почему ты пытаешься составить свои собственные — в противовес этим?

Существование имеет свои планы, и они мудрее, чем твои; целое должно быть мудрее части. Почему ты претендуешь на роль целого? У целого своя судьба, свое воплощение. Почему ты беспокоишься об этом? И что бы ты ни делал, это будет грех, ведь ты упустишь момент, вот этот самый момент. А если это становится обычным делом, как это и бывает; если ты начинаешь упускать, и это уже привычно, тогда будущее наступит, а ты опять его пропустишь, ведь когда оно явится, то будет уже настоящим. Вчера ты думал о сегодняшнем дне, ведь тогда он был завтрашним; теперь это уже сегодня, и ты думаешь о завтра, а когда оно придет, то опять станет сегодня, — ведь все существует здесь и сейчас, и по другому не бывает. А если у тебя стандартная модель поведения, такая, что твой ум всегда думает о будущем, когда же ты собираешься жить? Завтра никогда не наступит. Тогда все по-прежнему будет проходить мимо тебя, а это грех. Вот в этом значение древнееврейского корня слова «грешить». В ту секунду, когда наступает будущее, начинается время. Ты согрешил против Мироздания, ты упустил. И это стало постоянным правилом: ты продолжаешь все пропускать, как робот.

Учись двигаться по-новому, чтобы ты смог перемещаться в вечности, а не во времени. Время — мирское, а вечность — божественна; горизонталь — это ум, вертикаль — сознание. Они встречаются в определенной точке, там, где был распят Иисус Христос. Горизонталь и вертикаль встречаются в этой точке, и она находится здесь и сейчас. Отныне и отсюда ты можешь отправиться в два путешествия: одно из них будет по свету, в будущее; а другое — это дорога к чистому сознанию, в глубину. Становись все более и более осознающим, все более бдительным и чувствительным к настоящему.

Как этого можно достичь? Ведь ты так крепко спишь, что и эту восприимчивость к настоящему можешь превратить в мечту. Ты можешь даже сделать ее объектом мышления, процессом мышления. Ты можешь так напрячься по этому поводу, что из-за одного этого не сможешь ощутить вкус настоящего.

Ты слишком много думаешь о том, как оказаться в этом самом настоящем, но эти размышления тебе не помогут. Если ты иногда мысленно отправляешься в прошлое, то чувствуешь себя виноватым — так и будет, ведь это старая привычка. Иногда ты будешь думать о будущем, и сразу же почувствуешь вину за то, что снова согрешил.

Не вини себя; осознавай свой грех, но не надо чувствовать себя виноватым, это очень тонкий момент. Если ты чувствуешь свою вину, ты все пропускаешь. Теперь старая модель начинает работать в новой ситуации: ты чувствуешь себя виноватым оттого, что пропустил настоящее. Теперь ты думаешь о прошлом, ведь это настоящее уже больше не настоящее; оно стало прошлым, и ты испытываешь чувство вины — и опять все пропускаешь!

Так что запомни одно: когда ты замечаешь, что мысленно вернулся в прошлое или отправился в будущее, не делай из этого проблему! Просто возвращайся в настоящее, не создавая никаких осложнений. Все нормально! Просто верни свою осознанность. Еще миллион раз ты будешь терпеть неудачу; прямо сейчас, немедленно это не случится. Это может произойти, но не потому, что ты прилагал какие-то усилия. Это настолько давний и устоявшийся стереотип поведения, что ты не сможешь изменить его прямо сейчас. Но не переживай, Мироздание не торопится; вечность может ждать вечно. Не создавай вокруг этого напряжение.

Как только ты почувствуешь, что опять упустил, вернись назад, вот и все. Не надо чувствовать себя виноватым, это уловки ума, он опять играет в свои игры. Не стнай: «Я опять забыл!» Как только ты об этом подумаешь, вернись к тому, что делаешь в данный момент: принимаешь душ — вернись к этому; обедаешь — вернись; гуляешь — сделай то же самое. В то мгновение, когда ты почувствуешь, что находишься не здесь и не сейчас, просто вернись, не испытывая никакой вины. Не создавай себе это чувство. Если ты почувствуешь себя виноватым, ты пропустишь самое главное.

Есть «грех», но нет вины, но это для тебя сложно; если тебе кажется, что все идет как-то не так, ты немедленно почувствуешь себя виноватым. Ум чрезвычайно хитер. Если ты опять почувствовал вину, то игра началась снова; в нее играют на новой площадке, но она осталась прежней. Ко мне приходят люди и говорят: «Мы все время забываем». Когда они это произносят, то так огорчены: «Мы забываем. Мы пытаемся, но помним всего несколько секунд. Мы сохраняем бдительность, помним себя, а потом опять все куда-то уходит. Что же делать?»

С этим ничего поделать нельзя. Это вообще не вопрос действия. Что ты можешь сделать? Единственное, что можно предпринять, — это не создавать в себе чувства вины. Просто *вернись*.

И чем чаще ты будешь возвращаться — тем проще следует ко всему относиться, помни: не нужно серьезных лиц и грандиозных усилий, — это нужно делать легко, не создавая из этого проблем, ведь у вечности проблем не существует. Все они остались в горизонтальной плоскости, и эта проблема тоже лежит там же. Вертикаль проблем не знает, это чистое наслаждение, без всяких волнений, гнева, без забот и вины. Будь проще и возвращайся.

Ты еще много раз будешь терпеть неудачу, и это нужно воспринимать как должное. Но не беспокойся об этом, так оно и бывает. У тебя еще много раз будет не получаться, но главное не в этом. Не уделяй слишком много внимания тому, что ты неоднократно терпел неудачи, больше думай о том, сколько раз ты навестывал упущенное. Запомни это. Нужно делать ударение не на том, что ты много раз упускал момент, а на том, сколько раз ты вновь вспоминал об этом. Радуйся этому. Да, иногда у тебя не получается, но ведь так и должно быть. Ты — человек, многие жизни ты жил на горизонтальной поверхности, так что это естественно. Прекрасно то, что много раз ты возвращался. Ты сделал невозможное, так радуйся же этому!

Двадцать четыре часа в сутки ты терпишь неудачи: и будет это двадцать четыре тысячи раз, но столько же раз ты будешь возвращаться! Теперь начнет действовать новый механизм. Ты так много раз возвращался к себе домой, и вот постепенно к тебе врывается новое измерение. Ты будешь обретать способность все дольше пребывать в состоянии осознанности и все меньше и меньше будешь двигаться назад и вперед. Амплитуда этого движения назад-вперед будет все меньше. Все меньше и меньше ты будешь забывать, все больше помнить, — так ты входишь в вертикальное измерение. И вдруг однажды горизонталь исчезнет. Осознанность станет глубокой и сильной, а горизонталь исчезнет.

Вот почему индуисты, Шанкара и Веданта называют этот мир иллюзорным — ведь когда осознание становится абсолютным, этот мир — тот, который ты создал при помощи своего собственного ума, просто исчезает. И тебе открывается новый мир.

Послесловие

Слово «понимание» прекрасно*. Когда ты находишься в состоянии медитации, то все «находится под» тобой, а ты — высоко над всем. Именно в этом и состоит смысл осознания. Все сущее лежит где-то далеко внизу, и поэтому ты можешь его созерцать... У тебя вид с птичьего полета. С этой высоты тебе видно целое. Интеллект этого увидеть не может, он располагается в той же плоскости. Понимание, осознание случается, только когда проблема лежит на одном уровне, а ты находишься над ней. Если же ты действуешь на том же уровне, что и проблема, осознание невозможно. Просто ты все поймешь неправильно. И в этом одна из величайших проблем, с которыми сталкивается каждый искатель.

Иисус снова и снова повторял своим ученикам: «Имеющий уши да услышит, имеющий глаза да увидит». Он не говорил о глухих и слепых, Он говорил о таких же людях, как и ты. Но почему же Он так на этом настаивал? По одной простой причине: слышать — это не то же самое, что слушать, а видеть — не просто смотреть. Ты видишь одно, а понимаешь что-то совсем другое. Твой разум тотчас все искажает. Он повернут вверх дном и во все вносит сумятицу. Он в замешательстве, и ты на все смотришь через это самое замешательство, потому кажется, что весь мир погрузился в какую-то неразбериху.

* Ошо употребляет английское слово «*understanding*». *Understanding* можно разбить на *stand* — стоять, находиться и *under* — под. — Прим. перев.

Старик Наджент так любил своего кота Томми, что пытался научить того разговаривать.

— Я могу сделать так, что Томми будет со мной разговаривать, — доказывал он. — И мне совсем не придется общаться с другими людьми.

Вначале он попробовал давать коту консервированную лососину, потом стал кормить его канарейками. Томми понравилось и то, и другое, но разговаривать он не научился. Тогда Наджент зажарил в масле двух чрезвычайно болтливых попугаев и подал их Томми со спаржей и жареной картошкой. Томми дочиста вылизал тарелку, и вдруг — о чудо! — вдруг повернулся к хозяину и закричал: «Осторожно!»

Наджент не двинулся с места. И тут на него обрушился потолок и похоронил старика под кучей обломков. Томми покачал головой и произнес: «Он восемь лет потратил на то, чтобы научить меня разговаривать, а теперь, болван, не слушает!»

Человек едет за тысячи километров для того, чтобы послушать Мастера... а потом «болван не слушает». Разум не может слушать, для него это невозможно; он не находится в состоянии восприимчивости. Он агрессивен и так быстро приходит к каким-то выводам, это происходит так стремительно, что он упускает самое главное. По существу, свои выводы он делает заранее, а теперь просто ждет, чтобы они подтвердились.

Пожалуйста, не пытайся понять, лучше попробуй помедитировать. Танцуй, пой, медитируй, пусть твой разум немного передохнет. Пусть река твоего разума, полная мертвых листьев и грязи, чуть успокоится. Пусть она очистится и станет прозрачной, совершенно прозрачной; лишь тогда ты сможешь понять, о чем я говорю. И тогда все будет просто. Я не говорю каких-то очень сложных философских вещей — это никакая не философия, — я просто указываю тебе на некую истину, которую пережил сам, и ты тоже можешь испытать ее в любую

секунду, когда решишься на это. Но это должно стать твоим путешествием.

Здесь включается все твое существо. Медитация охватывает не только тело, не только разум или душу. Это состояние просто означает, что твое тело, разум и душа все вместе действуют в таком единстве и гармонии, так слаженно поют... что получается прекрасная мелодия, они — одно целое. Ты — единое существо, тело, разум, душа — и все это вовлечено в медитацию.

Вот почему я каждую медитацию пытаюсь начать с тела. Это нечто новое. В старые времена люди пытались начинать медитировать прямо в самых потаенных глубинах своего существа. Это очень сложно сделать. Ты ничего не знаешь о своем центре; как же ты можешь начать свое путешествие с места, в котором ты никогда не был? Такое путешествие можно начать только с точки, в которую ты уже прибыл. А ты находишься в своем теле; поэтому я и настаиваю на танцах, песнях, на техниках дыхания. Это для того, чтобы ты начал с тела. Когда тело вдруг начнет погружаться в медитацию... И пусть тебя не смущает, когда я употребляю слово «медитация» в отношении тела. Да, оно тоже может медитировать. Когда оно полностью охвачено танцем, когда действует слаженно, как единое целое, в нем есть нечто медитативное — некое изящество и очарование.

Тогда отправляйся внутрь себя и начинай созерцать свой разум. И тут он начнет успокаиваться. Когда он затихнет, когда станет единым целым с твоим телом, тогда и поворачивай по направлению к центру — совершай поворот на сто восемьдесят градусов — и на тебя снизойдет полная умиротворенность. Она будет исходить из твоей души к телу и от тела к душе. И в этом потоке ты станешь единым целым.

Поэтому не спрашивай меня, какая часть твоего существа вовлечена в осознание. Ты полностью погружаешься в него. И лишь когда вовлечено все твое существо, происходит понимание. Об этом знают и твое тело, и твой разум, и твоя душа. Тогда ты начинаешь жить в гармонии и единстве.

А иначе тело говорит одно, рассудок — другое, а душа идет своим собственным путем, и ты всегда будешь идти одновременно в разных направлениях. Твое тело испытывает голод, твой рассудок переполнен желаниями, а ты пытаешься медитировать!

Вот почему я против постов, разве что их придерживаются из соображений здоровья, как диеты для похудения или, может, лишь изредка просто для очищения, чтобы желудок мог отдохнуть хотя бы день и вся пищеварительная система могла устроить себе выходной. Ведь она все время работает и работает — она ведь тоже устает.

Теперь ученые говорят, что устают даже механизмы. Они называют это усталостью металлов, это что-то вроде умственной усталости. Даже металлу нужен отдых, а твой желудок сделан не из железа, помни об этом. Он сделан из очень хрупкого материала. Он работает всю твою жизнь, и поэтому неплохо время от времени давать ему выходной. Даже Богу нужен был день отдыха — после шести дней работы он день отдыхал. Даже Бог устает.

Поэтому иногда, просто из сострадания к своему бедному желудку, который работает для тебя день и ночь, пост — это неплохая идея. Но я не считаю, что пост может быть полезен для медитации. Когда ты испытываешь голод, твое тело хочет, чтобы ты шел к холодильнику.

Я против подавления сексуальности, ведь если секс подавлять, то, когда ты попытаешься посидеть в тишине, тебе в голову полезут всякие сексуальные фантазии. Когда ты занят другими делами, твой рассудок продолжает фантазировать как бы подспудно, но когда ты ничего не делаешь, все выходит наружу. Он начинает требовать, он создает великолепные фантазии, в которых тебя окружают соблазнительные мужчины и женщины. Как же ты можешь медитировать?

По существу, старые обычаи создали всевозможные препятствия для медитации, а потом еще говорят: «Медитация — это очень сложно». Медитация — это не сложно, это очень

даже просто, это естественный процесс. Но если создавать ненужные преграды, то все превращается в какие-то гонки с препятствиями. Ты создаешь барьеры, ты заваливаешь путь камнями... Ты вешаешь камень себе на шею, или держишь себя в цепях, в заточении. Ты запер себя изнутри, а ключ выбросил. Тогда, конечно, все становится гораздо более сложным и неосуществимым.

Я пытаюсь сделать медитацию естественным явлением. Дай телу то, что ему необходимо, а уму дай то, в чем нуждается именно он. И тогда — ты будешь удивлен — они станут твоими друзьями. Когда ты говоришь телу: «Теперь на один час позволь мне посидеть в тишине». И тело ответит: «Ты так много для меня сделал, так уважительно ко мне относился, что по крайней мере это я тебе обеспечу». И когда ты говоришь разуму: «Пожалуйста, давай помолчим хоть несколько минут. Позволь мне немного отдохнуть». Разум поймет тебя. Если ты не подавлял, а уважал свой разум, почитал его, если ни в чем его не обвинял — то разум тоже затихнет.

Я говорю об этом, потому что испытал это на собственном опыте. Уважай тело, уважай разум, и они будут уважать тебя. Создавай атмосферу дружбы. Они принадлежат тебе; не ссорься с ними. Все старые традиции учат тебя враждовать с телом и разумом; они создают враждебность, а из-за нее ты не можешь заняться медитацией. Тогда во время медитации разум будет беспокоить тебя больше, чем в любое другое время. Тогда тело не будет знать отдыха, а во время медитации — гораздо больше, чем в любое другое время. Оно возьмет реванш, оно не позволит тебе побыть в покое. Оно создаст тебе столько проблем!

Если ты пробовал посидеть спокойно хотя бы несколько минут, то понимаешь, о чем я. Начинает происходить что-то странное. Тебе вдруг почудится, что по твоей ноге ползет муравей, но когда ты на нее помотришь, то никакого муравья там не будет. Странно! Когда ты сидел с закрытыми глазами, то определенно чувствовал, что он там, ползает, шустрый

такой, а когда ты глаза открываешь, то никакого муравья и нет. Ничего нет. Просто тело сыграло с тобой шутку. Ведь и ты шутил с ним, ты его много раз и по-всякому обманывал, вот теперь и тело поступает с тобой так же. Когда тело хочет спать, ты заставляешь его сидеть в кинотеатре, тело говорит тебе: «Ладно. Когда представится возможность, я тебе покажу!» Поэтому, когда ты занимаешься медитацией, тело начинает создавать тебе проблемы. Вдруг ты чувствуешь, что тебе нужно срочно почесать себе спину... Ты, конечно же, удивлен, ведь обычно с тобой такого не случается.

Одна женщина принесла мне пластиковую руку с приделанной к ней батареей. Это для того, чтобы чесать себе спину. Я ее спросил: «А зачем ты мне это принесла?»

Она ответила: «Ты же занимаешься медитацией... Когда я сижу, погруженная в медитацию, то у меня возникает одна проблема — начинает чесаться спина. Мне ужасно хочется ее почесать, но я не могу достать. Поэтому я купила эту механическую руку. Это очень удобно! Ты просто ее включаешь, и она может чесать где угодно».

Я ответил: «Я никогда не сижу погруженным в медитацию. Для этого не нужно сидеть, ведь что бы я ни делал, я при этом медитирую. Если мне хочется почесать себе спину, то я почесу ее медитативно».

Просто ухаживай за своим телом, и тело тебе воздаст стоицей. Заботься о своем разуме, и он придет тебе на помощь. Подружись с твоим телом и разумом, и медитация придет к тебе легко. Это лучше, чем пытаться понять, потому что понимание медитации невозможно, лишь непонимание.

На пути к осознанию не так много препятствий, их всего несколько. Первое — это подавленные желания разума. Что бы ты в себе ни подавлял, все эти вытесненные из сознания мысли и сдерживаемые энергии первыми захлестнут тебя и твой разум во время медитации. Если это касается секса, то медитация будет забыта, и у тебя получится сеанс порнографического фильма.

Поэтому, во-первых, откажись от подавления, а это очень просто, ведь оно противоестественно. Тебе сказали, что секс — это грех. Это неправда. Секс — это природа, а если природа греховна, тогда я не знаю, что же такое добродетель.

По существу, греховно именно идти против природы. Нужно просто понять, что, кем бы ты ни был, тебя таким создали. Ты должен полностью принять себя. Это приятие уберет препятствия, которые могут возникнуть из-за подавления.

Второе препятствие — это навязанные твоему разуму идеи относительно Бога. В тот момент, когда ты употребляешь слово «медитация», христианин тут же спросит: «На что?» Индуист задаст тот же вопрос. Ты думаешь, что для медитации нужен объект, поскольку все эти религии учили тебя всяким глупостям. Медитация просто означает, что в разуме не существует никаких объектов и ты остаешься наедине со своим сознанием, в зеркале ничего не отражается. Поэтому если ты индуист, то, вероятно, в твоём подсознании заложена некая идея Бога, Кришны, Рамы или какие-то другие идеи. И когда ты закрываешь глаза, «медитация» означает, что ты медитируешь на что-то. Ты вдруг начинаешь медитировать на Кришну или Христа, но у тебя не получится. Все эти Кришны и Христосы создают препятствия.

Поэтому ты должен помнить, что медитация не концентрирует твой ум на чем-то, она его освобождает от всего, включая всех твоих богов, и подводит тебя к состоянию, когда ты можешь сказать, что обе твои руки заполнены небытием. Вот это цветение небытия и есть наивысшее переживание в жизни.

Третье препятствие — это когда ты думаешь о медитации как о чем-то, чем ты должен заниматься двадцать минут утром, или полчаса после обеда, или вечером — то есть небольшой промежуток времени, все остальное время оставаясь таким же, как и раньше. Именно этим занимаются все религии. Достаточно час провести в церкви, час потратить на молитву и час на медитацию.

Но нельзя достичь медитативной осознанности, если ты будешь медитировать час в день, а в другое время останешься в своем обычном состоянии. То, чего ты достигнешь за час, будет растрчено за остальные двадцать три часа, и что, ты опять начнешь с нуля? Каждый день ты будешь это делать — и останешься прежним.

Потому, по моему мнению, медитация должна стать чем-то наподобие дыхания. Это не значит, что не нужно сидеть в течение часа, я не против этого. Я говорю о том, что медитация должна сопровождать тебя целый день, следовать за тобой тенью, жить внутри тебя умиротворением, тишиной, расслабленностью. Когда ты работаешь, ты полностью погружаешься в свое занятие — настолько, что на долю рассудка не остается никакой энергии и он не может прокручивать никаких мыслей. И ты удивишься, обнаружив, что твоя работа, какой бы она ни была — может, ты копаешь землю, может, несешь воду из колодца, — превратилась в медитацию.

Постепенно каждый поступок в твоей жизни может перерасти в медитацию. Тогда можно достичь просветления. Тогда ты можешь и просто сидеть, ведь это тоже действие, но ты не связываешь это сидение конкретно с медитацией; просто это сидение — тоже часть твоей жизни. Ты медитируешь, когда гуляешь, работаешь или иногда сидишь в тишине. Иногда медитация приходит, когда ты лежишь у себя в кровати, она становится твоим постоянным спутником.

И это очень простая штука — медитация, которая может сопровождать тебя всегда. Я называю ее наблюдением.

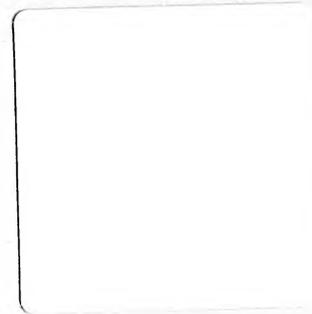
Просто наблюдай все, что происходит вокруг тебя. Наблюдай, когда гуляешь, наблюдай, когда сидишь. Во время обеда наблюдай себя принимающим пищу. Ты удивишься, но чем больше ты смотришь со стороны, тем лучше у тебя получают-ся все твои дела, ведь ты не зажат: происходят качественные изменения.

Кроме того, ты заметишь, что чем глубже твоя медитация, тем мягче, плавнее становятся твои жесты, в них появляется

изящество. И не только ты это заметишь, другие тоже начнут это замечать. Даже те, кто не имеет никакого представления о медитации, кто никогда и не слышал такого слова, заметят, что произошли изменения. В походке, в манере разговаривать, во всем появится некая плавность, тебя будет окружать тишина и какое-то умиротворение. Люди захотят побыть с тобой рядом, потому что ты станешь источником энергии.

В своей жизни ты, должно быть, встречал людей, которых все избегают, поскольку, когда ты находишься с ними рядом, создается ощущение, что они высасывают тебя, будто тянут твою энергию и оставляют тебя опустошенным. А после того, как они ушли, ты чувствуешь слабость, такое ощущение, будто тебя обокрали.

А с человеком, практикующим медитацию, происходит совершенно противоположное. Когда ты рядом с ним, тебе кажется, что тебя подпитывают. Ты ищешь встречи с таким человеком, просто чтобы быть рядом. Не только ты почувствуешь изменения, их почувствуют и другие. Все, что нужно запомнить, — это простое слово: свидетельство.

* Энергия — это понимание.

У детей больше понимания, чем у пожилых людей.
Ты когда-нибудь замечал это? Маленькие дети
невинны и доверчивы, они ближе к буддам.
Почему? Их переполняет энергия.

Ошо

ОШО

Путь к свободе усеян вопросами и полон неизвестности.
Неужели и вправду можно узнать, кто же мы есть на самом деле?
В нашей жизни есть какая-то цель или мы пришли в этот мир
случайно? Что мы должны дать ему? Кем должны стать, что
создать и чем поделиться? В этой книге Ошо, один из самых
смелых и дерзких мыслителей нашего времени, бросает нам
вызов, заставляя взглянуть на мир и на самих себя по-новому.
Он говорит, что первый шаг на пути к осознанию — это сомне-
ние в том, чему нас учили верить.

В этой новаторской книге Ошо показывает и в конечном счете
помогает развязать связывающие нас узлы страха и непонима-
ния. Он освобождает нас, чтобы мы могли открыть
свой собственный путь к свободе и ступить на него.

